

СОЦИАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
XXI ВЕКА

СОЦИАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XXI ВЕКА

*Под редакцией заслуженного деятеля науки РФ
доктора философских наук профессора В. Г. Марахова*

Авторы: д-р экон. наук, проф. В. Н. Волович (глава 6), Т. Н. Дзлиева (глава 11), Н. Д. Звездкин (глава 11), д-р экон. наук, проф. А. В. Золотов (глава 9), д-р филос. наук, проф. А. С. Казеннов (глава 8), д-р филос. наук, проф. И. Ф. Кефели (глава 3), канд. филос. наук, доц. Е. К. Краснухина (глава 12), д-р физ.-мат. наук, проф. О. А. Малафеев (глава 13), д-р филос. наук, проф. В. Г. Марахов (введение и глава 1), Г. В. Матковская (глава 5), д-р филос. наук, проф. К. С. Пигров (глава 4), д-р филос. наук, проф. М. В. Попов (глава 7), д-р филос. наук, проф. А. М. Соколов (глава 2), д-р филос. наук, проф. П. Н. Хмылёв (глава 10)

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. В. П. Огородников (Петерб. гос. ун-т путей сообщения), д-р полит. наук, проф. А. И. Стрбков (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению Ученого совета Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Ф 54 Философские стратегии социальных преобразований XXI века /
Под ред. В. Г. Марахова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. —
144 с. ISBN 978-5-288-05573-7

Настоящая коллективная монография подготовлена по итогам симпозиума «Философские стратегии социальных преобразований XXI века», прошедшего в марте 2014 г. в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета. В создании монографии приняли участие представители разных отраслей науки, связанные общей идеей социальных преобразований по линии общественного прогресса.

Монография будет интересна как теоретикам, так и практикам, осуществляющим на деле прогрессивные социальные преобразования.

ББК 87.6

© Авторы, 2014

© С.-Петербургский

государственный университет, 2014

ISBN 978-5-288-05573-7

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая коллективная монография подготовлена по итогам симпозиума «Философские стратегии социальных преобразований XXI века», прошедшего в марте 2014 г. в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Работу симпозиума открыл директор Института философии СПбГУ проф. Дудник С. И. Следует заметить, что становление Института философии СПбГУ на базе философского ф-та Университета расширяет возможности исследовательской и учебной работы, особенно в рамках соотношения теоретической и практической функций философии, усиливая перспективы ее практического аспекта и, соответственно, междисциплинарного характера научных работ. Таким образом, можно считать, что симпозиум символизирует стартовое начало плодотворной деятельности Института философии на пользу российского общества и его активного взаимодействия с народами и государствами нашей Планеты. Добавим, без принуждения и войн между этими народами и государствами, и с мессианским типом отношения к своей природе.

Поэтому авторы монографии, продолжая направления работы симпозиума, стремились разработать круг вопросов, актуальных для современности и соответствующих тем направлениям и смыслам, которые породили философию изначально. Наиболее точно, как нам кажется, основной смысл философии выразил выдающийся диалектик в философской мысли Гегель. Философия, полагал он, есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении. Нам кажется, что лучшего определения философии никто не дал. В этом определении отражена мудрая идея: меняется эпоха — меняется и философия. Практическая сила философии в ее реальном и наиболее адекватном отражении бытия современности. Но совсем не в том смысле «меняется», как случалось во время перестройки: когда,

«не посмотревши в святцы, бухали в колокола», как порой говорят. И из философии, там, где должна была пребывать мудрость, «сходу» выбрасывали диалектику, материализм, идею причинности, истины, основной вопрос философии и многое другое, погружаясь в сумеречное состояние сознания и погружая других за собой в эту бездну и тупики мысли.

Спрашивается, как вообще можно разговаривать между собой без признания, например, истины как цели или просто как средства общения? Правда, когда истина не достигается, в особенности на арене цирка, то это вызывает смех. Но даже в этом случае клоун ищет специфическую истину, т. е. то, каким способом вызвать смех. И потому, когда нам говорят, что философия не производит истины, как это написано у Алена Бадью в «Манифесте философии»,¹ то это тоже может вызвать смех, а иногда и разочарование, ибо слово «философия» переводится с греческого языка как «любовь к мудрости». Некоторым «любителям мудрости» тогда оказывается совсем не до смеха.

Итак, очевидно, что для такой цели, как выработка философской стратегии, нужна прежде всего мощная система категориального аппарата, концептов, концепций и теорий философского порядка, т. е. достаточно разработанная научная система мышления, полученная на основе многотысячелетней истории своего становления.

А если это еще и научная система, то у философии неминуемо должна была возникнуть связь с наукой. Как известно, Ф. Энгельс писал о том, что «с каждым выдающимся открытием в естествознании материализм принимает новые формы. И только тогда, когда философия обретает новую форму, она становится полезной и для самой науки — естественной или общественной.

В этой полезности особое значение приобретает для самой философии необходимость, как говорил Хайдеггер, вслушивания в бытие. Почему «вслушивание в бытие»? Потому что бытие первично. Это понимал Хайдеггер. Но это же материализм! Но это не понимали некоторые коллеги, отбросившие материализм и ввавшие, соответственно, как правило, в солипсизм — т. е. тупиковый вариант философии. К сожалению, некоторые из них до сих пор пребывают в таком состоянии! Не пора ли встрепенуться?! И встать

¹ Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. С. 16.

на верную дорогу? Отказаться от солипсизма, т. е. мании величия?! И найти дорогу не только к Марксу и его материализму, но и к Хайдеггеру, который сам пришел к Марксу и его материалистическому видению?!

Для достижения полноты практической, да и теоретической функции философии необходимы междисциплинарные отношения и исследования. Эти отношения видятся авторами по-разному. А. М. Соколов, доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Института философии СПбГУ, представляет, например, такое новое социальное явление, как ЕврАзЭС, новое и практически важное для России в современных исторических условиях. И. Ф. Кефели, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Балтийского технического университета, исследует динамику глобальных процессов в эпоху кризисного состояния и неизбежного изменения мироустройства. К. С. Пигров, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ, обращает внимание на советский опыт, который, по его мнению, может оказать помощь обществу в новом веке. М. В. Попов, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ государственного университета анализирует состояние промышленности в городах России. Е. К. Краснухина, доцент кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ, кандидат философских наук, доцент, анализирует исторические процессы в России в условиях религиозного ренессанса. П. Н. Хмылев, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ, доктор философских наук, исследует вопросы технического прогресса. А. С. Казеннов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного торгово-экономического университета, анализирует гуманистические основания оценки социальных преобразований.

Особое значение для ситуации междисциплинарных исследований имеет теоретический вклад в коллективную работу экономистов: А. В. Золотова — доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической теории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, В. Н. Воловича — доктора экономических наук, профессора кафедры экономической теории Санкт-Петербургского Национального

минерально-сырьевого университета «Горный», действительного члена Петровской академии наук и искусств.

Наконец, важный теоретический смысл для области междисциплинарных исследований имеет сфера математики, где ее участником выступает О. А. Малафеев — доктор физико-математических наук, профессор факультета прикладной математики и процессов управления (ПМ-ПУ) СПбГУ, заведующий кафедрой моделирования социально-экономических систем.

И, конечно, следует специально отметить конструктивное осмысление важных для монографического исследования проблем нашими студентами Института философии СПбГУ. Среди них представлены Матковская Галина, студентка 5-го курса дневного отделения, кафедра социальной философии и философии истории; Делиева Татьяна, 4-й курс, кафедра онтологии и теории познания Института философии СПбГУ, Загвоздкин Никита, 4-й курс, кафедра истории философии Института философии СПбГУ.

Будем надеяться, что эти исследования молодых ученых являются собой только начало работы, которая открывает возможности для активного освоения магистерских программ в перспективе дальнейшего обучения.

Авторы надеются, что монография будет интересна как теоретикам, так и практикам, осуществляющим на деле прогрессивные социальные преобразования.

ГЛАВА I

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ И ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА

Философские стратегии — это область динамичного способа мышления и соответствующих ему предельно общих моделей, направленных на будущее развитие событий и определенных форм социальной общности. Эти стратегии включают в себя решение двух основных задач: поиски так называемых «планов спасения», возникающих под влиянием катастрофических обстоятельств и жизненных опасностей для народа, и открытие оптимальных форм «обычного» социального развития, обретающих динамичную «формулу прогресса».

Поиску планов спасения как первой задаче обязана своим возникновением философия, пришедшая на смену мифологическому способу мышления в период 800–200-х гг. до н. э. («Осевого времени», по Ясперсу); добавим при этом, с основной философской идеей справедливости и будущего времени, которые заложили основы философских систем. Следует заметить, что поиски планов спасения оказались движущими силами и мировых религий, возникавших также начиная с VIII в. до н. э. (буддизм) и продолживших свое становление в I в. н. э. (христианство) и VII в. н. э. (ислам).

При всем разнообразии путей поиска планов спасения философией и мировыми религиозными системами население планеты от начала «Осевого времени» и до наших дней сохранило в своем сознании глубокое понимание справедливости как высшей ценности человечества. Это понимание справедливости стало базовым фактором планов спасения и вхождения в прецедентное международное право, всякий раз, так или иначе, освящаемое и воспроизводимое народными референдумами или иными массовыми действиями. Естественно, прецедентное международное право не может не быть руководящим принципом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, как и каждого государства в мире.

Рождение оснований подобного прецедентного международного права имеет свои глубокие исторические корни уже в Древней Греции, в частности в формуле Аристотеля о том, что «если нарушается мера справедливости, то гибнут политии (мягкие формы демократии. — В. М.) и аристократии».¹

Если нарушается мера справедливости и создаются условия опасности для жизнедеятельности населения, то прецедент становится отправной точкой правомерного поиска планов спасения, формирования и дополнения прецедентного права, проведения народного референдума, раскрывающего перспективы обращения к другим сообществам в целях осуществления планов спасения. Под флагом планов спасения проходили мощные переселения народов на новые географические территории или объединения стран, например, Украины и России в прошлой истории, Западной и Восточной Германии в недавней истории, или, наконец, выход из состава государственного объединения (Римская империя и т. д.). Естественно, прецедентное право обладает преимуществом своего обогащения на основе народных референдумов, ибо народ есть суверен, что признается международным правом. В планы спасения история включала и социальные революции, о которых писал Аристотель, имея в виду нарушения меры справедливости, а также социальные преобразования, которые пытался осуществить Платон вместе с пифагорейцами на острове Сицилия.

Мысли Аристотеля и Платона рождались и осуществлялись в то время, когда в Риме возникла формула «*homo homini lupus est*», что в переводе с латыни означало «человек человеку волк есть». Платон с пифагорейцами полагали, что смена частной собственности на другие отношения изменит «волчий» облик человека. В этих целях приглашенный тираном Дионисием Платон прибыл на о. Сицилия для обсуждения с тем вопроса о смене частной собственности на иной вариант существования богатства. Но, как свидетельствует Диоген Лаэртский, вопрос о частной собственности оказался непростым, а его обсуждение было столь острым, что чуть было не закончилось казнью Платона. Друзья Дионисия — пифагорейцы отговорили тирана от столь неподобающего обращения с гостем, т. е. спасли жизнь Платону. По их совету Дионисий отказался от сурового

¹ Мыслители Греции. От мира к логике / ред. В. Шкода. Харьков, 1988. С. 601.

решения и объявил о продаже Платона в рабство. Друзья Платона прибыли из Греции и выкупили философа, который стал с тех пор ярким противником частной собственности. Как известно, его работа «Государство»² посвящена в значительной степени идее справедливости. Эта идея и порождает ныне мысль о том, что философия, в подлинном смысле слова, рождается как социальная философия, в которой оформляется практическая функция философии и начинается подлинный поиск планов спасения и справедливого устройства общества. Эту тенденцию в поисках плана спасения и развития общества противники таких поисков, в определенных исторических обстоятельствах, могут притормозить, но, увы, этот тренд, как теперь принято говорить, нельзя изменить, как невозможно поменять объективный естественно-исторический процесс на субъективный.

Вторая фундаментальная задача философских стратегий, связанная с формулой прогресса, как правило, опирается на идею нелинейности причинных отношений. Парадоксально, но эта идея выражает неравенство причины и следствия. Идея неравенства, повторимся, парадоксальна, но идея неравенства здесь — это философская идея, упредившая математику с ее разделом нелинейных дифференциальных уравнений, где философия и математика тесно соприкасаются друг с другом. И не просто соприкасаются, более того, философия, как это видится, становится источником и вместе с тем движущей силой возникновения теории нелинейных дифференциальных уравнений. Ведь основоположником данной теории вместе с Ньютоном стал Лейбниц, который был одновременно и философом с его теорией монадологии. Именно в монадологии Лейбница заключалась продуктивная идея взаимодействия монад как целостных явлений, что послужило, как мне кажется, теоретическим импульсом для порождения математической области нелинейных дифференциальных уравнений, несущих в себе неравенство причины и следствия.

В свое время, еще не будучи знаком с монадологией Лейбница, а также с областью нелинейных дифференциальных уравнений, при подготовке кандидатской диссертации по философии я смог обнаружить, почти эмпирическим путем, разнофункциональный характер двух взаимодействующих причинных систем — источников и движущих сил развития производительных сил, т. е. неизбежное

² Платон. Государство // Мыслители Греции. От мира к логике / ред. В. Шкода. М., 1999.

раздвоение самой причинности. Мне кажется, что такая концепция была несколько сильнее концепции функционально недифференцированных образов монадологии Лейбница. Тем более что с идеей разнофункциональности взаимодействующих причинных факторов мне уже раньше удалось познакомиться как с высшей сферой диалектического мышления. Вспомним тезис Ленина: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики». Именно это и есть высшая ступень не просто всякого познания, но связанного с высшей степенью диалектического постижения исследуемого явления или процесса.

Позднее, когда мне представилась дополнительная возможность учиться в спецгруппе «физика» физико-механического факультета Ленинградского политехнического института, раздел нелинейных дифференциальных уравнений произвел на меня сильное впечатление и породил надежду: философскую концепцию источников и движущих сил выразить в виде математических уравнений. Первый экспериментальный вариант совместно с профессионалами — математиками ЛГУ (С. М. Ермаков, О. А. Малафеев) был опубликован в книге «Стратегия обновления. Новый социальный механизм».³

Естественно, возникает вопрос, каков механизм становления неравенства причины и следствия, т. е. нелинейности причинных отношений, который позволяет тем не менее конструктивно воздействовать на социально-экономические процессы. Вместе с тем, как показали современные текущие исторические события, некоторые зарубежные политические деятели, будучи негативно настроенными по отношению к российской политике и обращаясь с призывами к своим правительствам, предлагали в качестве наказания за «плохую» политику обрушить российскую экономику. Однако объективный анализ подобных действий и соответствующий ответ многих, в том числе зарубежных, деятелей оказался, по итогам анализа, своеобразным «бумерангом» для тех, кто попытался бы реализовать свои враждебные замыслы. Очевидно, дело заключается не только в известном законе Ньютона — на всякое действие есть равное противодействие, — но что касается общественных процессов, еще и в более результативном итоге. Достаточно сослаться на исторический опыт, который свидетельствует, что большие «походы» — от

³ Стратегия обновления. Новый социальный механизм / под ред. И. А. Глебова и В. Г. Марахова. М., 1990. С. 13, 28, 362.

Александра Македонского (в Индию) до Наполеона и Гитлера (на Россию) — заканчивались катастрофой этих великих (и не совсем великих) полководцев. Можно сказать, что в механизме нелинейности причинных отношений всегда таится большая мера неопределенности. Причем эта мера неизбежно сопрягается с гениальной формулой Аристотеля о наказуемости тех, кто нарушает меру справедливости. Мудрость древних греков поразительна. Не случайно Александр Македонский «консультировался» у Диогена Синопского, у его знаменитой бочки, перед походом в «варварскую» Индию. Но не внял полководец мудрости философа. Очевидно, мудрости недоставало и Наполеону, и Гитлеру.

Нужно заметить, что детерминанты варианта планов спасения или нелинейности причинных отношений сталкиваются не только с единичными событиями исторического процесса, но, по преимуществу, и с цепными реакциями, представляющими собой систему, еще и объективной, цепи взаимозависимых и взаимообусловленных процессов, что позволяет подчас смоделировать предвидимый вариант траектории почти на столетие вперед. Не претендуя на абсолютную достоверность, предлагаю читателю вместе с автором и участниками студенческого семинара, пройти по траектории некоторых возможных фундаментальных событий XXI в. Семинар был посвящен теме гражданского общества, с докладом выступала хорошо подготовленная студентка. По ходу изложения темы она очень коротко затронула идею социалистической революции.

На 1-й вопрос из зала: «А когда будет социалистическая революция?» докладчица ответила, что не знает. Но может быть знает (она назвала имя и отчество) преподаватель? Студентка, задававшая вопрос о революции, присоединилась и спросила преподавателя о том, действительно ли он в курсе, когда будет социалистическая революция. В аудитории наступила полная тишина. Ответ: «Конечно, знаю!» Вопрос: «Когда?» Ответ: «После третьей мировой войны».

2-й вопрос: «Почему после мировой войны?» Ответ: «По крайней мере, по двум основаниям. А. Исходя из опыта истории XX в. можно заметить, что в период после мировых войн непременно происходили социалистические революции. После Первой мировой войны свершилась Великая октябрьская социалистическая революция. После Второй мировой войны произошла серия социалистических революций — в Восточной Европе, а также в Азии (Китай, Корея,

Вьетнам), Америке (Куба). В мире вместе с тем начался процесс национально-освободительных движений. В этот водоворот «усилиями самих мировых войн» была втянута огромная масса населения планеты и подготовлена к военной и преобразующей деятельности. Естественным путем была создана сила, способная сокрушить возможные препятствия на пути к социальным преобразованиям, включая вариант гражданской войны. Б. Именно Первая и Вторая мировые войны, с их небывалыми в истории человечества жертвами, предстали перед цивилизованным миром как грубейшее нарушение меры справедливости и как преступление перед человечностью. Международный военный трибунал в Нюрнберге определил развязывание Второй мировой войны как преступление перед человечностью и вынес соответствующие решения.

3-й вопрос: «А когда может начаться третья мировая война?» Ответ: «Когда исчерпаются запасы углеводородного топлива (нефть, газ, отчасти уголь), на основе которого существует современная цивилизация». Вопрос: «Почему проблема топлива связывается с мировой войной?» Ответ: «Потому что исчерпание запасов топлива приведет к тому, что остановится транспорт, прекратят работу заводы, фабрики, электростанции. Наступит коллапс, остановка практически всякого развития. Что касается закона прибавочной стоимости, то, порожденный условиями частной собственности, он, как лакмусовая бумажка, заставит еще раньше ощутить падение прибыли, кризис финансов и экономики и вынудит бизнес, государства развернуть глобальную войну за остатки сырьевых ресурсов с применением самого разрушительного оружия, способного смести цивилизацию с поверхности Земли.

4-й вопрос: «Что же делать в подобной катастрофической ситуации?» Ответ: «Форсировать развертывание новой научно-технической революции, специфическими особенностями которой станут кардинальное обновление энергетической базы, разработка моделей новых эффективных источников энергии. При этом нужны движущие силы, способные подтолкнуть страну к развитию новых отраслей промышленности и сельского хозяйства, к развитию науки, способной обеспечить такое развитие. Но в особенности нужны движущие силы, способные обеспечить развертывание новой научно-технической революции XXI в. с ее новым энергетическим потенциалом. Это должна быть энергетическая революция, основанная по

преимуществу на использовании водородного топлива, как, впрочем, и других природных сил (ветра, приливов и отливов мирового океана, фотосинтеза). Все указанные задачи должны быть поставлены перед Академией наук России. Должна быть разработана энергетическая программа, подобная Плану ГОЭЛРО, но программа новой научно-технической революции XXI в.», подверженная воздействию причинности в форме упомянутых источников и движущих сил, что и порождает ситуацию нелинейности причинных отношений, как особой формы детерминизма.

Под источниками развития следует понимать «то, что делает» развитие непосредственно, т. е. развивает каждого из нас, производительные силы, экономику и общество в целом. Это труд, разделение труда, образование, наука, иными словами, непосредственный комплекс причинных факторов.

Движущие силы, напротив, выполняют другую функцию. Они есть то, «что заставляет делать»: идти учиться, получать профессию, работать. Это — производственные отношения, профессиональный и научный интерес, потребности, соревнование, конкуренция. Это тоже комплекс причинных факторов, но опосредуемых системой источников. Движущий импульс задают иногда и негативные факторы, к которым можно отнести войны, отчуждение, финансовые и экономические, экологические кризисы. Такие и иные движущие силы, с негативным уклоном, вызывают к жизни планы спасения, перемещающие не только народы в локальном и мировом социальном и географическом пространстве, но и центр тяжести в сфере научно-технического прогресса. Видимо, в цепной реакции траектории социального развития, перед лицом возможных катастроф XXI в., появляется новое звено философской стратегии системного развития российского сообщества. И этим звеном становится, как очевидно, новая научно-техническая революция, рождающая вместе с тем и новый тип культуры.

Накануне Второй мировой войны известный австрийский социолог Вальтер Шубарт обратил внимание на то, что с исторической сцены сходит (и должен сойти) героический тип культуры, который он связывал с тоталитарными обществами Германии, Италии, Испании, где лидерами и идеологами тоталитаризма были такие деятели, как Гитлер, Муссолини, генерал Франко. Героический тип культуры, по его мнению, должен был быть заменен другим типом культуры,

который он назвал мессианским (от слова *мессия* — спаситель). Ибо спасение, полагал исследователь, должно распространиться не только на отношения между людьми, но и на отношения мира людей и мира природы. При этом В. Шубарт, говоря об истоках движения мессианского типа культуры, восклицал: «*Ex oriente lux!*», что в переводе с латыни означает: «Свет с востока!». Он имел в виду Советскую Россию, — так тогда называл он Советский Союз.

Сейчас, опираясь на материалистическое и диалектическое видение будущего и на тот потенциал, который в свое время вывел страну первой в космическое пространство в остром соревновании с такой державой, как США, можно сказать, что новая научно-техническая революция не только необходима, но и достижима. В ней просматриваются возможности предотвращения третьей мировой войны, а также социально-экологических катаклизмов на планете. Для этого вместо бессмысленных поисков взаимных наказаний в мире должно быть согласие, взаимное сотрудничество перед лицом цепных реакций, способных стереть цивилизацию с лица земли.

Следует заметить, что в развертывание цепных реакций социальных процессов, с вероятной долей возможности, подключается процесс формирования гражданского общества от его предварительного характера до гражданского общества как формационного явления. Этот процесс в России сопровождается созданием общественных палат, института омбудсменов и, наконец, Народного фронта. Гражданское общество рассматривается как антипод гражданской войны в условиях функционирования института частной собственности, но с наличием системы общественных отношений, освященных ценностями свободы, справедливости и безопасности. Высказывается предложение о разработке варианта Великой хартии свободы, справедливости и безопасности, аналогом которой в некотором отношении выступает Великая хартия вольностей, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Опираясь на прецеденты, эта Хартия расширяет правовое пространство, заменяя собой Конституцию. Конечно, речь не может идти о простом копировании данной Хартии. Но такую ее особенность, как опора на прецеденты, можно было бы рассматривать как дополнительное условие придания гибкости конституционным основам российского общества. В особенности, такой вариант гибкости правового поля имел бы значение для

процесса формирования гражданского общества в России до уровня формационного явления.

Если иметь в виду, что социальные процессы подчиняются закономерному явлению нелинейности причинных отношений, т. е. неравенству причины и следствия, то цепные реакции этих социальных процессов могут приобретать временами неожиданные исторические повороты. С учетом вероятности таких неожиданностей, естественно, возникает необходимость тщательного анализа различных вариантов траекторий цепных реакций в социальных процессах, чтобы с наибольшей вероятностью противостоять нежелательным сдвигам истории (мировые войны, социально-экологические катаклизмы, финансовые и экономические кризисы и т. п.).

Нежелательным явлением истории начала XXI в. стало раскручивание фактора агрессивности со стороны некоторых стран в мировом порядке устройства общества на Планете. Появление этого фактора в значительной степени обусловлено начавшимся с осени 2008 г. мировым финансовым и экономическим кризисом в США, распространившимся в глобальном масштабе. Интерес в этом отношении представляют суждения Нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана, который связывал Вторую мировую войну с Великой депрессией начала 30-х годов прошлого века.

П. Кругман писал: «Великая депрессия почти уничтожила и капитализм, и демократию и в значительной степени способствовала развязыванию последовавшей после нее Второй мировой войны».⁴ И далее: «Основными врагами капиталистической стабильности всегда были и остаются война и депрессия».⁵

Выводы П. Кругмана напоминают современную ситуацию в мире. Правда, еще в 2009 г. ученый все еще сомневался, что в наше время это может повториться. Но, увы, бомбежки, санкции, гражданские войны, охватившие ряд стран Европы, Африки, Азии в условиях наблюдаемого кризиса, говорят о том, что П. Кругман засвидетельствовал объективный исторический механизм возникновения большой военной катастрофы.

Возможен ли выход из сложившейся ситуации цепной реакции?

Представляется, что многое в XXI в. будет зависеть от ряда исторических обстоятельств. Среди них занимает ведущее место такое

⁴ Кругман П. Возвращение Великой депрессии? М., 2009. С. 32.

⁵ Там же.

звено цепной реакции, как замена общественной системы, породившей начало мировой войны, на социалистический вариант общества, включая тип гражданского общества, основанный на ценностях справедливости, свободы, безопасности.

Опыт истории позволяет сформулировать адекватную истории модель цепной реакции в общественном процессе. Цепная реакция начинается с нарушения меры справедливости (по Аристотелю), что ведет к гибели «политий и аристократий» или, в конечном счете, к военной катастрофе агрессоров. В этой цепи важным звеном выступают кризисы и депрессии (по Марксу) в сфере финансов и экономики, что созвучно результатам современного анализа П. Кругмана, связавшим депрессии с мировыми империалистическими войнами. И наконец, социалистические революции, и национально-освободительные движения как завершающая фаза цепных реакций, что дважды подтверждалось самой историей XX в. и не исключается XXI в. для стран-агрессоров.

Социалистические революции и национально-освободительные движения выступают в функции «планов спасения». Они вызываются к жизни предшествующими обстоятельствами, которые способны привести к нарушению меры справедливости, как свидетельствовал Аристотель еще две с лишним тысячи лет тому назад. Вероятно, эффективной компонентой «планов спасения» может стать Всемирное гражданское общество (идея которого осмыслена И. Кантом еще в XVIII в.) как антипод новой Мировой войны. Основной детерминантой нового мироустройства при этом, конечно, станет масса населения, терпящая наибольшие страдания и несправедливости от военной катастрофы, возникшей под влиянием объективного закона прибавочной стоимости системы капитала и его кровно заинтересованных носителей и исполнителей.

Следует заметить, что Всемирное гражданское общество может выполнить свою миссию сохранения мира на Планете, лишь разработав и воплотив в жизнь совсем новую Великую хартию свободы, справедливости и безопасности, естественно сохранив суверенитет для каждого из существующих государств. Подобная задача, конечно, должна стать первостепенной заботой Организации Объединенных наций.

ГЛАВА 2

ЕВРАЗЭС КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

О ЕврАзЭС многие, конечно, слышали, но, на наш взгляд, до конца не осмыслили, что собой представляет эта аббревиатура. Может быть потому, что о ЕврАзЭС говорят и пишут, но время от времени, от случая к случаю, на фоне чередующихся друг за другом событий. Между тем этот новый экономический феномен заслуживает глубокого анализа.

За прошедшие годы многое изменилось. О ЕврАзЭС пишут теперь систематически. Появившаяся в 2007 г., как «отчетное» издание, «Евразийская интеграция» превратилась ныне в полноценный научный журнал, всесторонне освещающий экономические, политико-правовые, социокультурные процессы, наполняющие своим анализом информационное пространство от Балтики и Причерноморья до Тихого океана. В настоящее время международный авторитет ЕврАзЭС неуклонно возрастает, и потому на фоне кризисных тенденций, охватывающих другие экономические союзы, перспектива развития этой организации нуждается в детальном обсуждении.

На первый взгляд это обсуждение может показаться праздным, так как тринадцатилетняя история Евроазиатского экономического сообщества практически продемонстрировала его востребованность и жизнеспособность. И все же одного десятилетия крайне мало для того, чтобы судить даже о деятельности небольшой организации, не говоря уже о содружестве государств, территориально превышающем любое из подобных образований.

Вместе с тем важно иметь в виду, что ЕврАзЭС как сообщество стран было создано в энергетическом поле геополитической, если не сказать цивилизационной, катастрофы, когда, казалось, что даже время пошло вспять под тяжестью проблем исчезающей сверхдержавы. Вот как охарактеризовал тот период нашей истории инициатор

евразийской реорганизации СССР Н. Назарбаев: «...политический кризис добивал экономику. На глазах разрывался прежде единый хозяйственный механизм. Валились набок не просто отдельные предприятия, а целые отрасли. Распространялись межнациональные конфликты... Велика и реальна была для всех постсоветских стран опасность разлома по этническим и религиозным основаниям... несущим нашим странам лишь братоубийственные раздоры, бездонную пропасть нищеты и высокую вероятность оказаться на обочине истории, заняв лишь нишу сырьевого придатка мировой экономики».¹ Подобная ситуация фактически исключала возможность сколько-нибудь тщательного продумывания, планирования даже ближайших действий. Перманентный цейтнот оставлял время только для решений, подсказанных интуицией. И как бы это ни казалось странным, интуитивное принятие решений в кризисной обстановке оказывается единственно эффективным. И вот почему.

Методологические принципы интуиции на философском уровне определены только в самых общих чертах. Об этом способе познавательной деятельности достоверно можно утверждать всего несколько положений, например: 1) интуитивная форма знания предполагает обобщение, опирающееся на относительно небольшое число эмпирических фактов; 2) интуитивное утверждение предполагает активизацию волевого потенциала интеллектуальной деятельности. Очевидно, что первое утверждение теснейшим образом связано со вторым. Фактически первое как бы оправдывается вторым. Здесь уместно вспомнить прагматистское толкование мыслительного акта, сформулированное Чарльзом Пирсом: «Окончательный результат мышления есть акт воления, в котором мышление больше уже не принимает участия».² В самом деле, любая мыслительная деятельность, так или иначе, всегда завершается тем или иным родом активности (конечно, не обязательно миропреобразующего характера). Другими словами, любое наше решение подготавливается более или менее длительным размышлением. И зачастую выбор не может быть сделан в силу или ограниченной информации, или невозможности ее оценить. Тогда, видимо, «включаются» неотрефлексированные,

¹ Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 76.

² Пирс Ч. Как сделать наши идеи ясными // Пирс Ч. Избранные философские произведения. М., 2000. С. 275.

предрассудочные аргументы принятия решений. Такие аргументы predeterminedены самим стилем мышления, выработанным благодаря вековому опыту освоения пространственно-временного горизонта бытия многими поколениями людей. В любом, даже самом, казалось бы, незначительном, но продуктивном миро- и жизнеутверждающем, волевом акте, заключен духовный опыт предков и современников. Тем более это относится к решению эпохального масштаба. Принимается ли такое решение формально индивидуально или коллегиально, фактически оно всегда соборно. Князя Владимира Киевский и Дмитрий Донской, цари Иван Васильевич и Петр Алексеевич своими мироустраивающими деяниями, по-видимому, воспроизводили одну-единственную интуицию, которая каждый раз по-новому актуализировалась то как Киевская Русь, то как Московское царство, то как Российская империя.

Национально-историческое самосознание от этнокультурного отличает не просто наличие памяти о наиболее значимых событиях своего прошлого, но стремление уловить их внутреннюю связь, глубинное родство, единый смысл при всей внешней несхожести и хронологической удаленности. Национально-историческое самосознание подобно зрелому индивидуальному самосознанию отдает себе отчет в том, что ни одно из удерживаемых памятью событий не было случайным. Случайным может оказаться тот или иной объективный факт. Событие же как переживание и потому субъективация, освоение произошедшего явления включается в миропорядок именно духовным опытом отдельного человека или какой-либо общности. Историческая память, общая для этнокультурного и национально-исторического уровней самосознания, выступает результатом непосредственного духовного опыта. В опыте коллективной памяти народа актуализируется социокосмическая интуиция его существования. На национально-историческом уровне происходит рациональное истолкование этого опыта, которые проявляются ценностно-смысловые константы, определяющие структуру цивилизационного пространства. Фактографическая видимость трансформируется в феноменологический горизонт, в перспективе которого последовательность и рядоположенность фактов задаются взаимоопределением их смыслов, порождающих особую логику миропорядка. К примеру, с точки зрения западной историографии важнейшие сражения Второй мировой войны произошли в Африке

и Юго-Восточной Азии, а промышленный потенциал США обеспечил техническое превосходство армий антигитлеровской коалиции. В нашей же стране ни у кого не вызывает сомнения, что без побед Советской Армии в Сталинградской и Курской битвах, без тотальной эвакуации военных предприятий за Урал не могло быть и речи о разгроме Третьего рейха. Кроме того, именно такие события, как победы под Сталинградом и Курском, позволяют достоверно судить о величии подвига, совершенного народом глубоко в тылу.

Другими словами, речь идет о том, что различие смысловых полей, охватывающих один и тот же фактический материал, зиждется на признании в качестве константных событий разных фактов. Соответственно, и в хронологическом изложении материала неизбежны условно-произвольные пропуски или вероятные допущения, приводящие к несовместимости параллельно сосуществующих представлений.

Какова же причина подобной несовместимости? По-видимому, не стоит говорить о тривиальной предвзятости. В данном случае мы имеем дело как раз со столкновением мировоззрений на до-рефлексивном, предрассудочном, т. е. интуитивном, уровне. Исток этого столкновения исторически обозрим. Формально он определен 1054 г., когда произошел первый раскол христианской Церкви, приведший сначала к обособлению Западной Европы, а потом к ее мировой экспансии.

Примерно в XVI в. в Европе происходит системный мировоззренческий переворот, в результате которого оформилось принципиально новое отношение к сущему. Суть этого переворота выразилась в том, что, по словам Хайдеггера, мир стал картиной. Жизнь и все, что попадает в ее окружение, оказываются произведением искусства. Если еще для мастеров Ренессанса способность творить была предпослана богоподобием человека, то в Новое время любой акт человека обосновывается его самодовлеющей мыслью. Все, начиная от индивидуальной судьбы человека до политических свершений, осуществляется именем свободного разума. Существенно не то, как оно есть само по себе, а то, как оно представлено сознанием и объективировано им.

Сегодняшнее развитие интеграционных процессов в западном мире наглядно иллюстрирует реализацию исходной интуиции западноевропейской культуры. «Единая Европа» — это действительно

организующий концепт. Тем не менее его продуктивность ограничивается теми социокультурными образованиями, которые в силу объективных причин не могут стать участниками такой интеграции. Пример России наиболее очевиден, но он не единственный. То же самое можно, скорее всего, сказать о Белоруссии, Украине, Молдавии, Армении, Грузии. Их место в Европейском союзе вряд ли определимо даже при той отчаянной политической, идеологической и экономических экспансии, которые они испытывают со стороны евро-атлантической «метрополии».

В то же время самодостаточное существование любого из собственно западных государств, по всей видимости, маловероятно. Жизненная сила и политический статус каждого из них обусловлены не собственной, внутренней интенцией, а напряжением, которое создается во взаимодействии с другими национально-политическими образованиями, и их совместным противостоянием, в которых Европа сегодня открылась сообществам другого типа. Сравнивая западный (романо-германский) и другие миры, нетрудно увидеть их структурные различия. Запад формировался как система ландшафтно обособленных образований, испытывающих ограниченность материальных и людских ресурсов. В таких условиях наиболее эффективным, а возможно, единственным, фактором развития могла стать только частная инициатива, объективирующаяся на различных уровнях. На индивидуальном уровне она проявилась как частная конкуренция, на социальном — как противоборство относительно замкнутых и относительно самодостаточных образований (цехов, гильдий, городов, государств). Причем как индивидуальное, так и социализированное самосознания, обоснованные субъективистским рационализмом, полагают, что частное как таковое есть самодовлеющая индивидуальность.

Внутренне любая индивидуальность представляет собой совокупность индивидуальностей более низкого порядка, добровольно «согласившихся» сосуществовать на основе взаимовыгодного обмена. Устойчивость каждой из индивидуальностей гарантируется степенью ее продуктивности, олицетворяющейся в благоустройстве преобразованного хаоса. По выражению А. С. Панарина, структура западной цивилизации выражается формулой: «социум — человек — космос». Иначе говоря, «первичен здесь социум, понятый как

коллективное предприятие, связанное с эксплуатацией природы».³ Отсюда нивелирование представления об актуальности какого-либо неизменного, субстанциального начала.

Искусственная технологичность, обеспечившая эффективное развитие в условиях истощенности и ограниченности ресурсов, привела к цивилизационному образованию империалистической, или колониальной, системы мирового сообщества. Вместе с тем в современный период истории все более обостряется противоборство между полярными элементами данной структуры — метрополией и колониями. Инициатива, перехваченная «колониями», вызвана не одним только наращиванием своего присутствия в сфере планетарной экономики. Само это наращивание оказалось возможным благодаря усилиям, направленным не только на экономическую и политическую независимость, но и на идеологическую суверенность некогда колониальных народов.

Нельзя не отметить исключительную роль, которую сыграла в антиимпериалистическом процессе наша страна. Международный резонанс октябрьской революции в России приобрел антиколониальный, а следовательно, антикапиталистический характер. Собственно, и в России он был того же рода. Революционные потрясения стали неизбежными вследствие фундаментальных противоречий, катастрофически обострившихся между тем укладом жизни, который исторически сложился благодаря многовековому опыту нашего народа, и тем укладом, который проник к нам в виде буржуазно-капиталистической модели. Последнее двадцатилетие еще раз подтвердило, что для России и ряда других государств, входивших в состав СССР, западная модель развития противопоказана, именно в силу принципиального культурно-исторического отличия.

Вопрос о цивилизационном статусе ЕврАзЭС еще долго будет оставаться открытым. ЕврАзЭС — это большой вопрос. Именно — «большой», и именно — «вопрос». История XX столетия убеждает в том, что ни одна из территорий (даже Великороссия), входивших в Российскую империю, получивших государственную определенность в составе Советского Союза, не может самостоятельно сохранить свою социокультурную идентичность. СССР был создан не по большевистскому произволу, а своего могущества достиг скорее

³ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 130.

вопреки ему. Воссоздание евразийского государства в формате СССР, возможно, было единственным способом избежать угрозы колонизации со стороны мирового капитала. Причем и явная военная интервенция, и скрытая идеологическая (коммунистический интернационал) интервенция, по-видимому, имели общий исток и общий ориентир. Советское государственное строительство в своих наивысших достижениях было социалистическим лишь в той степени, в какой оно не противоречило общим социокультурным принципам евразийского мироустройства. Уже поэтому конкуренция, частная собственность, либеральная демократия, формально-гражданское равноправие изначально были ему чужды.

Русско-евразийский мир образовался в пространстве, изобилующем жизненными источниками. Конкуренция в таких условиях функционально оказывается деструктивной, так как наличие неограниченного богатства порождает тенденцию к неограниченному его присвоению. Соперничество может быть конструктивно при условии доминирования сугубо частногоиндивидуального, т. е. интеллектуально-волевого (иногда физического) потенциала. В таком случае внешние ресурсы, распределенные между соперничающими сторонами, с одной стороны, обеспечивают обладателей необходимыми для существования благами, а с другой стороны, стимулируют обладателей к интенсификации их использования. Гражданско-правовой механизм при этом гарантирует не просто защиту имущества частных лиц, но их право осуществления властных полномочий на демократических принципах. Государство регулирует баланс имущественных потенциалов, ограничивая те, которые чрезмерно усиливаются, и поддерживая по тем или иным причинам ослабевающие. В противном случае возникнет угроза нарушения социально-правового баланса.

Как только конкуренция оказывается вне этих условий, ее конструктивная цивилизационная сущность перерождается в полную противоположность. Захват даровых богатств и отказ от поиска восполняющих технологий их использования (ведь они даровые) обрачиваются утверждением псевдопринципа: «война каждого против каждого». Именно так обстояли дела в XVIII–XIX вв., когда велась борьба за колонии между западными державами и отдельными гражданами. Именно так обстояли дела на постсоветском пространстве, «распахнувшем двери» долларовому капиталу.

Фактическая неисчислимость природных ресурсов евразийского пространства предполагает, по крайней мере, признание единого организующего начала, несомненного в своей очевидности для всех жизненно заинтересованных сторон. Поэтому евразийское мироустройство может осуществляться исключительно на принципах единоначалия. Вместо персональной заинтересованности (корысти) здесь культивируются соучастие (душевность), соборность, острое переживание общности судьбы (особенно в моменты смертельной опасности). Причем перечисленные добродетели распространяются не только на людей, но и на природу, «схватывая» нравственным принципом целостность космоса.

Согласно А. С. Панарину, структура нашего бытия раскрывается в логике прямо противоположной западной: космос — человек — социум. Это означает такое отношение к существу, при котором человек исходит не из абстрактных представлений «виртуализированного замысла», а из сопереживания реальности, вызывающего у него чувства благодарности и благоговения.

Глубоко прав был русский философ, считавший, что «энергетику русской души» «невозможно описать в привычных терминах социологии — стимулируемости, мотивированности», проистекающих из искусственной социальной обусловленности. Ведь изобилие космической естественной полноты не замыкает человека в ограниченности частного интереса, оно открывает ему неисчерпаемые источники энергии, находящиеся в нем самом. При таком укладе «нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще на принципах эквивалентного обмена стоимостями».⁴ «Здесь человек, питаемый энергией вдохновения, идущей от воли, верит в мировое устройство, он неизменно дает больше того, что предусмотрено обменом».⁵

В работе «Хозяин и хозяйство» П. Н. Савицкий в экономическом ракурсе, по сути, сделал общий набросок ценностных ориентиров, вокруг которых устраивается мир дарения. Хозяину в отличие от предпринимателя присуща забота не столько о «получении наибольшего чистого дохода», сколько о сохранении, укреплении и расширении «полноты функционирования и полноты развития того

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 99.

живого и осязаемого целого, той одухотворенной системы людей и вещей. в качестве которой хозяин воспринимает свое хозяйство».⁶

Дарящая сущность хозяина выражается в обеспечении наилучшего состояния каждого элемента своего хозяйства. Особенно замечательно то, что «землю к концу каждого производственного цикла хозяин стремится оставить в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности — лучшем, чем то, в котором она вступила в производственный цикл».⁷ Хозяин относится к окружению не в отношении использования полезных свойств вещей, и даже не обмена, а в отношении взаимоотдачи, видя в своем окружении все тот же источник изобилия. Поэтому русская колонизация Азии была естественным, необходимым процессом органического развития, экологическим процессом, лишенным политических и прочих привходящих мотивов. Это был процесс активизации евразийской традиции, инициированный русским подвижничеством, выстроенным на отношении дарения — обретения.

Такова таинственная структура дарения, заложенная в русском «православном космоцентризме» (Панарин), близкая и понятная всем причастным ему культурам. Каждая из евразийских культур ориентирована непосредственно воспринимаемым изобилием на дарение. Ландшафтно-климатическое единство Евразии восполняется духовно-ценностным родством народов, ее освоивших. Из этих единства и родства как производные происходят политические, идеологические, бытовые соответствия не совпадающих, но внутренне близких образов жизни, которые составляют богатейшую палитру евразийской традиции. Всесторонность соответствий задает достаточно жесткую конструкцию структуры, удерживающей все элементы в единстве. Ведь продуктивность связи между элементами не только ограничена, она, вероятнее всего, уникальна так же, как уникальна среда, в которой связь возникает. Потому-то традиционный плюрализм инокультурных практик предполагает державный характер власти, опирающейся на идеологию, «предсодержащую в себе жизненные стихии конкретной деятельности». Понятно, что не только оппозиционная деятельность, но и оппозиционная идеология здесь невозможны, так как будут отрицать конкретную действительность, противоречить ее существованию.

⁶ Хозяин и хозяйство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 220.

⁷ Там же. С. 223.

Евразийское экономическое сообщество пока не достигло феноменальной степени определенности в строго философском понимании. Ни формальная, ни содержательная его стороны не выражены в полной мере. Да это и вряд ли возможно в рамках только экономической реализации. Ни для кого не секрет, что ЕврАзЭС наследует цивилизационную идею советского периода, суть которой прояснилась после того, как стала понятна невозможность включения советской системы в мировое экономическое сообщество на условиях равного партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Экономическая изоляция⁸ со стороны западного мира вынудила наше союзное государство пойти по пути создания автаркической, т. е. самодостаточной, экономики в континентальном масштабе. Пожалуй, именно в этот период практически было доказано, что Евразия — глобальный, т. е. естественно сформировавшийся органично-целостный, регион, «ожидаящий» своего социально-исторического свершения. Не исключено, что кризис и распад советской системы были связаны с чрезмерной увлеченностью экономическими показателями. Пренебрежение к развитию культурно-идеологической сферы, усилившееся примерно к 60-м годам прошлого века, тормозило, а в конечном счете, застопорило и обратило вспять исторический процесс на шестой части суши.

Экономическая самостоятельность сегодня — это необходимое, но недостаточное условие политической независимости. Да и политическая независимость не должна рассматриваться как целеполагающая ценность. В глобально-историческом масштабе предназначение человека состоит в плодотворном освоении предоставленных ему в пользование просторов, продуктивной актуализации тех потенциалов, которые он открывает в природе и в самом себе. Поэтому и проект «ЕврАзЭС» будет иметь историческую перспективу при условии осуществления трансгрессии экономических потенциалов в социальную и культурно-идеологическую области.

⁸ Достаточно вспомнить, что западными правительствами было разрешено предоставлять нам модернизационные технологии только в обмен на хлеб.

ГЛАВА 3

ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ДИНАМИКА, ПРОТИВОРЕЧИЯ, КРИЗИСЫ

Попытки осмысления стратегий социальных преобразований XXI в. весьма заманчивы хотя бы потому, что они нацеливают на необходимость сопоставления истории созидания глобального мира в прошлом в виде колониальных империй и современных тенденций построения полицентричного мира на основе коалиций государств и геоцивилизаций. Перед нами предстают новые горизонты глобального мира, в котором просматриваются контуры глобальной культуры и глобальной идеологии.

Идея осмысления стратегий социальных преобразований XXI в. весьма заманчива хотя бы потому, что она нацеливает нас на неизбежность сопоставления попыток построить глобальный мир в прошлом в виде колониальных империй и современных тенденций построения полицентричного мира на основе коалиций государств и геоцивилизаций. Перед нами — новые горизонты глобального мира, в котором просматриваются контуры глобальной культуры и глобальной идеологии. Ретроспективный взгляд в прошлое предстает в новой парадигме — глобальной истории. В ракурсе глобальной экологии получает обоснование концепция устойчивого развития. Ученые и политики ломают копья по поводу поиска целей, средств, механизмов глобального управления и установления нового мирового порядка. Наш мир опутан сетями глобального терроризма, а военные стратеги и конструкторы заявляют о создании глобального оружия, которое ждет своего применения в сетевых войнах — войнах шестого поколения. Но в то же время в мировой политике все более явственно прослеживается переход от силовой геополитики, зародившейся на рубеже XIX–XX вв. и олицетворившей передел мира между колониальными империями, к геополитике глобальной.

Географы стали выделять в связи с этим два феномена: а) «глокализацию» (от *glock* — колокол, ограниченное пространство, в котором слышны удары колокола) процессов транснационализации, что представлялось как возникновение систем контроля и управления, способных совместить глобальную централизацию с локальными экономическими интересами; б) образование «экономических архипелагов», в частности, ассоциаций крупнейших городов-мегаполисов. Французский географ Оливье Дольфюс писал о глобализации как процессе создания метапространства, вовлекающего в себя все человечество и всю планету. Подчеркивая «несовершенство» сил унификации мира, он указывал на существующие в глобальном пространстве маргинальные области, изолированные от позитивного воздействия глобализации. По поводу «планетарной деревни» Герберта Маклюэна он тонко иронизировал: «Любопытная же, однако, эта деревня: с кварталами, которые не сообщаются между собой, изрезанная трещинами, границами и барьерами, затрудняющими передвижения людей, особенно если они бедны. В мозаике территорий пятна отторжения и маргинализации обнаруживаются везде — и в центре Вашингтона, и в странах, расположенных к югу от Сахары. Если мир и унифицируется, то только через дифференциацию. Из-за отсутствия политических институтов, обладающих общемировой легитимностью, локальные экономические, политические или культурные различия сглаживаются под влиянием соотношения сил отдельных субъектов, не порождая единого механизма регулирования. Именно в этом смысле верно утверждение, что мир еще находится на стадии “несовершенной” или “незавершенной” глобализации».¹ Пожалуй, такая ирония Дольфюса больше подходит для сюжета апокалиптического живописного полотна, нежели для выработки стратегий социальных преобразований.

Историки представляют глобализацию в качестве одного из многих этапов многовекового развития капитализма или даже в целом человеческой цивилизации, развитие которой изначально было ориентировано на становление единого человечества. *Социологи* сосредоточили внимание на отслеживании фактов, свидетельствующих о сближении под влиянием универсализации культуры образа жизни людей разных стран и регионов, ее гибридации (метисизации,

¹ *Dolfus O.* La mondialisation. Paris, 1997. P. 13.

креолизации). В их трактовке глобализация выступает многосторонним процессом взаимопроникновения, диалога культур в мировом масштабе, феноменом интенсификации мировых социальных отношений, сжатия мира в одно целое. *Культурологи* использовали и объясняли понятие глобализации по-разному, подразумевая под ней и тенденцию к созданию некой единой мировой культуры (цивилизации), и растущую взаимосоотнесенность различных культур, не порождающую новую культуру, но построенную либо на господстве одной из них, либо на их «концерте». *Представители технологических наук* обсуждали слияние появляющихся в отдельных странах ноу-хау и новых технологий в единый комплекс «технологических макросистем», в первую очередь в сфере связи, транспорта, производства, которые сближают народы в прямом и переносном смысле. *Ученые-международники* обращают особое внимание на усиление взаимозависимости стран и народов, на становление нового миропорядка. Они все чаще стали анализировать не только «транс»- и «кросс»-феномены, но и мировой социум, в котором международные дела выступают как его внутренние отношения. Международные отношения они трактуют как постмеждународные или транснациональные отношения, решающим образом воздействующие на создание нового мирового порядка. Наконец, не остались равнодушными к явлениям глобализации и *философы*, активно включившись в решение проблем универсализации человеческих ценностей, становления единой мировой цивилизации, формирования новой научной картины мира, нового прочтения кантовской идеи вечного мира, связанной с образованием мирового правительства, и т. д.

В мировой научной литературе сформировано достаточно широкое представление о разных аспектах глобализации как явления многоуровневого, многогранного, многоликого и исторически многообещающего. Будем исходить из признания глобализации как стратегического проекта, реализуемого человечеством с целью сознательного и целенаправленного воздействия на стихийные процессы мирового развития для созидания желательного и благоприятного для людей будущего, перевода их жизни на рельсы устойчивого развития.

1. К вопросу о природе и смысле социальных закономерностей.
Проблема выявления природы социальных закономерностей, их

содержания и смысла исторически обусловлена. В мифологическом сознании господствовало стремление утверждать постоянство, вечность человеческого бытия в непрестанно изменяющемся мире, что было вызвано бессознательным неприятием смерти. Символическим выражением идеи бессмертия в мировой культуре оказывались нравственный императив, абсолютная истина, неземная красота, воинская доблесть, мировой разум, выступающие инициаторами духовного творчества, подвижничества, героизма. В Новое время представления о социальных закономерностях воплотились в идеях о связи общества с географической средой, об исторических круговоротах, мировых цивилизациях, могуществе человеческого разума и науки. Выявление социальных закономерностей позволило представить развитие общества как естественно-исторический процесс. К. Марксу принадлежит заслуга первооткрывателя принципа материалистического объяснения истории как основы теоретического изучения и прогнозирования развития общества. В современную эпоху — постмодернистскую — многочисленные и разнородные объяснения исторического процесса направляются в единое русло глобального мировидения коэволюционного развития природы и общества. Некоторые авторы пытаются утверждать идею вечности капитализма (глобализма как его современной модификации) и исторического поражения коммунизма, лишая тем самым свои теоретические рассуждения важного вопроса — вопроса о смысле человеческой истории. Раз капитализм (некоторые авторы определяют его как глобализм) в своей сути вечен, то теряется всякий смысл его теоретического анализа, который заменяется умозрительными построениями. Искать смысл происходящего значит выявлять причины, источники развития, характеристики изменений, направленность и цели развития, витальную и духовную ценность происходящего. Так, к примеру, Жак Аттали с легкостью, достойной удивления, заявил: «Я вообще не считаю, что выбор между социализмом и капитализмом — это именно тот вопрос, который определяет современную эпоху». Отличие нашей эпохи, по его мнению, — «глубокое противоречие между рынком и демократией». После того, как в результате массовых народных движений (когда «бедность станет правилом») наступит этап войны — «гиперконфликта», то на смену этому этапу, если человечество его переживет, с воодушевлением заявляет Аттали, придет не социализм, а «гипердемократия», т. е.

демократия, утвердившаяся в глобальном масштабе и ставшая не менее могущественной, нежели рынок. Это достаточно утопичное мировидение Аттали дополняет тезисом, вполне соответствующим принципу материалистического объяснения истории: «Будущее принадлежит не постиндустриальному, а, наоборот, “гипериндустриальному” обществу, где основная роль отводится не производству услуг, как это подразумевает постиндустриальная концепция, а *производственной сфере* (выделено мной. — И. К.). Более того, “индустриализация” охватит даже сферу услуг. Этот процесс начался уже сейчас благодаря информационным технологиям. И так будет происходить буквально во всех областях жизни».²

Но при этом любая теоретическая система, имеющая отношение к познанию социума и исключая из рассмотрения вопрос о природе и смысле социальных закономерностей, противоречит теореме К. Гёделя о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой системы. Эта теорема гласит следующее: если какая-либо содержательная теоретическая система содержит в себе предложения, истинность которых в рамках данной системы не может быть ни доказана, ни опровергнута, то это означает, что система не только принципиально не полна (т. е. она не исчерпывает всего заложенного в ее структуре смысла), но и обладает значительной долей неопределенности. Иначе говоря, социальная теория, так или иначе, должна предлагать варианты ответов на вопрос о смысле истории. Во-вторых, социальной теории, лишенной вопроса о смысле истории, присуща значительная доля неопределенности, что позволяет интерпретировать ее взаимоисключающим образом и выводить из нее прямо противоположные следствия. Наоборот, вопрос о смысле в контексте социальной теории задает определенную направленность и предназначенность ее для всего человечества вообще или же для определенных социальных общностей как основу идеологии и программу действий. В связи с этим рассмотрим сначала законы социальной организации и динамики, как они были представлены А. А. Зиновьевым.

В ряде своих последних работ А. А. Зиновьев утверждал мысль о необходимости разработки научного подхода к изучению реального коммунизма, который строился в Советском Союзе на протяжении

² Аттали Ж. Понятие «нация» превратится в отзвук былых реалий // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. С. 56.

семидесяти лет и был разрушен под влиянием внешних и внутренних сил. Достаточно назвать хотя бы две из них — «Русская трагедия» (М., 2005) и «Фактор понимания» (М., 2006), в которых социологический анализ реального коммунизма органично срастается с описанием жизненных переживаний автора, а формулировки социальных законов — с предвидением будущего России. Зиновьев, признавая свершение великого перелома в социальной реальности на протяжении XX в., заявляет, что все учения, претендующие на ее понимание, оказываются неадекватными новым явлениям и теряют вследствие этого какой-либо смысл. Марксизм плох, но он же хорош, теоретически объяснив зарождение реального коммунизма. Марксизм — не наука, а чистая идеология. Никто и никогда не смог сформулировать социальные законы. Реальный коммунизм лучше, чем его теоретическое обоснование в марксизме, и т. п. Свою последнюю работу «Фактор понимания» автор завершает далекими от оптимизма словами: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости».³ Действительно, деидеологизация общественной жизни в той или иной форме, навязывание плюралистического мировоззрения уводят мыслящий разум от необходимости поиска смысла социального бытия. Социокультурное пространство предстает как некий калейдоскоп явлений, не заключающий в себе какого-либо смысла. Деидеологизация как раз и есть ситуация отказа от поиска смысла. Постигание же смысла истории обусловлено не только обращением к ней самой, что позволяет проследить развертывание смысла в форме общезначимой мысли, фиксирующей вечные ценности человеческого бытия, картины мира (художественную, религиозную, научную), социальной идеологии, это еще и обращение взора в будущее в контексте той философской парадигмы, которая задает образ мира на основе господствующих духовных интенций современности. Так, японский религиозный мыслитель Д. Икеда в диалоге с А. Тойнби справедливо говорит о необходимости создания нового духовного базиса, в основании

³ Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521.

которого должны заключаться универсальные человеческие ценности, а не узкие, ориентированные на удовлетворение интересов лишь индивидуумов, групп, рас, наций или идеологий. «Природа человека, будучи частью жизненной силы, — утверждает Икеда, — представляет собой универсальное явление, превосходящее общества, нации и расы. Человек в качестве всего лишь социального существа, с другой стороны, изменяется в зависимости от исторического периода, страны и расы. Для того чтобы люди вели жизнь, достойную их человеческой сущности, они должны возвратиться к осознанию своей природы как части вселенской жизненной силы и принять это за основу всех своих действий. Как только они усвоят подобное отношение, они будут в состоянии определить смысл ценности, которая настоятельно требуется сегодня. Это осмысление ценности придаст наиболее важное место самой жизни и направит основную заботу на решение вопросов, связанных с жизнью, поскольку они являются теми, что определяют ответы на все остальные».⁴

Может быть, сформулированные Зиновьевым социальные законы помогут нам, через обращение к истории, яснее понять смысл происходящего в нашей стране и в мире? В «Факторе понимания» автор сформулировал ряд законов социальной организации и динамики, вводя в научный оборот понятия «советизм», «западнизм» и «постсоветизм». Не ограничиваясь сугубо теоретическими рассуждениями, хотелось бы, в их развитие, задаться вопросами: утрачивает ли человечество смысл своего существования, в чем ценность социального бытия? Зиновьев дал свой ответ. Но так ли это? Уж очень не хотелось бы, чтобы такой удел достался нашим потомкам. Что тогда говорить о смысле существования наших предков, если *здесь и теперь* порвалась связь времен? Раньше смысл был, руководил нашими поступками, а теперь он утрачен. Что же послужило причиной этому? Невольно вспоминаются поэтически заостренные слова Назыма Хикмета: «Если я не для себя — то для кого же я? Если я только для себя — то зачем же я?».⁵

Рассмотрим следующие вопросы: социальные законы в интерпретации А. А. Зиновьева; советизм, западнизм и постсоветизм как социальные феномены; действие социальных законов

⁴ Тойнби А. Дж., Икеда Д. Диалог Тойнби — Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1998. С. 165–166.

⁵ Хикмет Н. Легенда о любви. М., 1978.

в формировании постсоветизма; глобальные проекты и социальные технологии их осуществления; личностное, социальное и политическое измерения смысла существования.

2. Законы социальной организации и динамики. Социальные законы Зиновьев определяет как законы организации и поведения людей в различных объединениях. Эти законы объективны, во-первых, потому, что они не зависят от сознания и воли людей, хотя они сами по себе есть законы их коллективной сознательной и волевой деятельности. Во-вторых, объективность социальных законов объясняется их неустранимостью независимо от того, осознают их люди или нет. Социальные законы разнообразны. Зиновьев различает дефинитивные, аналитические и другие их виды. Так, дефинитивные законы раскрывают основные характеристики, уровни и сферы социальной организации. Аналитические законы представляют социальные объекты как сложные системы, включающие разнородные компоненты социальной организации. Законы социальной комбинаторики являются априорными по отношению к эмпирическим исследованиям. Автор различает социальные законы и социальные нормы. Последние представляют собой сознательно принимаемые решения людей, которые могут соответствовать действию социальных законов либо ограничивать негативные последствия их игнорирования. В качестве социальных норм выступают моральные нормы (нравственные императивы), юридические законы и другие регуляторы жизнедеятельности социума. Те законы, которые рассматривает далее Зиновьев, я бы подразделил на две группы: законы социальной организации и законы социальной динамики. Автор раскрывает их действие на примере таких социальных феноменов, как советизм, западнизм и постсоветизм, каждый из которых характеризуется своей социальной организацией и динамикой развития. Рассмотрим эти феномены подробнее.

3. Советизм, западнизм, постсоветизм. Советизм, по Зиновьеву, — это Советский Союз на протяжении более чем семидесятилетней своей истории, социальная организация, ставшая лидером социальной эволюции человечества в XX в., вершина российской истории. Советизм предстал как реальный коммунизм, который, считает Зиновьев, зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Заявление Зиновьева о необходимости изучения реального коммунизма, который воплотился в советизме,

заслуживает всяческой поддержки. Примечательно, что в современной отечественной философской литературе все более четко высказывается мысль о вполне закономерном характере постсоветского марксизма, который не только не исчезнет, но и будет успешно развиваться и расширять круг своих приверженцев. Более того, как справедливо утверждают С. И. Дудник и В. М. Камнев, особую актуальность приобретает марксистская социальная теория, которая, отвергая правомерность «натуралистического редукционизма», в новых исторических условиях нацелена на решение проблемы «онтологической данности социальной реальности».⁶ Более того, следует иметь в виду, что из всего спектра постсоветского марксизма выделяются критический марксизм (неомарксизм) и эклектический марксизм. Критический марксизм в современной России является маргинальным течением, не оказывающим серьезного влияния ни на политический дискурс и социальную практику, ни на обществоведческие научные направления. В то же время эклектический марксизм пытается применить марксистские идеи к объяснению процессов и явлений глобализации, а также к особенностям развития России в посткоммунистическое время. Общим для критического и эклектического марксизма остается стремление опереться на идею творческого труда, характеризующую реальное обобществление как условие всестороннего и гармонического развития человека в коммунистическом обществе. Однако эклектический марксизм пытается расширить сферу исследований, включив в нее идеи глобалистики и геополитики, цивилизационного подхода и концепцию устойчивого развития, «русскую идею»; в «эклектическом марксизме» традиционный марксизм вытесняется геополитикой и теорией цивилизации.

Западнизм автор определяет как социальную организацию западной цивилизации. Западнизм — это продукт холодной войны, в ходе которой интеграция западного мира осуществлялась под эгидой США с главной мотивировкой спасения его (западного мира) от угрозы советского коммунизма. Западнизм, утверждая себя в процессе этой интеграции как сверхобщество после окончания Второй мировой войны, направил все свои усилия против Советского Союза, который Зиновьев определяет как исторически первый образец

⁶ Дудник С. И., Камнев В. М. Постсоветский марксизм: идейное своеобразие и перспективы развития // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 67, 71–72.

сверхобщества с претензией на мировое лидерство, опередивший западный мир в эволюционном развитии более чем на полвека. Двумя глобальными геополитическими соперниками в то время стали СССР и США, а сверхобществами — реальный коммунизм (включивший в свою орбиту социалистические страны) и консолидирующийся западнизм, «глобальное западнистское сверхобщество». Деятельность последнего вовне, по отношению к остальному миру, Зиновьев называет западнизацией, сущность которой состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры, образа жизни, подобных таковым, что существуют в западных странах. Автор подробно анализирует реальную цель и тактику западнизации, результатом чего должно стать утверждение нового мирового порядка, т. е. мировое господство (это отнюдь не мировое лидерство, на что претендовал Советский Союз) и овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах. Здесь мы опять должны обратить взор на эклектический марксизм, в рамках которого сформировался и мир-системный подход, популяризацию которого мы связываем с именем Им. Валлерстайна. Однако мы не должны забывать его предшественника — Андре Франка — автора ориенталистского варианта данного подхода. Еще в 1966 г. в статье «Развитие неразвитости» Франк первым предложил марксистскую интерпретацию теории зависимости: капитализм можно понять только как мировую систему, экономическое развитие в одних частях которой оборачивается неразвитостью в других. Вследствие этого страны капиталистической периферии вовлекаются в процесс «развития неразвитости», когда участие страны в системе мирового капитализма приводит к усугублению ее бедственного положения. Опубликованная им позже книга «Капитализм и неразвитость в Латинской Америке» предопределила возникновение направления марксистской мысли, сосредоточившегося на проблемах неразвитости и зависимости стран третьего мира и поиске путей его независимого развития. Кстати, эти идеи Франка обретают актуальность в связи с планами создания Евразийского союза на постсоветском пространстве.

Первая глобальная победа западнизма — это антикоммунистический переворот в Советском Союзе в 1991 г., который готовился на всем протяжении холодной войны. Но на этом процесс западнизации

не завершился, он обретает, по мнению Зиновьева, форму эволюционной войны, т. е. мирной войны за всю последующую эволюцию человечества. Здесь следует пока остановиться с выяснением деталей феномена западнизма, поскольку пора перейти к рассмотрению указанных выше групп социальных законов. Однако для этого необходимо обратить внимание на еще один указанный Зиновьевым феномен — постсоветизм, поскольку действие данных законов выявляется как раз в единстве этих трех феноменов — советизме, западнизме и постсоветизме. Постсоветизм — организация социума, которая сложилась в России в результате антикоммунистического переворота. Переход от советизма к постсоветизму был осуществлен насильно и планомерно, а не как естественно-исторический процесс, соответствующий историческим, социокультурным и геополитическим условиям существования России — СССР. Возникший на наших глазах постсоветизм представляет собой своеобразный гибрид советизма, западнизма и «национально-русского (дореволюционного) фундаментализма». На примере подобного гибрида как раз и предоставляется возможность проследить действие социальных законов.

4. Социальные законы формирования постсоветизма. Возникновение этого гибрида явилось результатом действия законов социальной регенерации, социальной деградации как законов социальной организации в целом, а также законов социальной гибридизации, зеркальности и управления, которые выявляют социальную динамику. Попытаемся разобраться в этой матрице социальных законов. Согласно закону социальной регенерации, считает Зиновьев, советизм выступает решающим фактором формирования постсоветизма. Западнизм, в свою очередь, становится ингредиентом постсоветизма по воле и намерениям устроителей антикоммунистического переворота и их последователей под давлением со стороны сил Запада. Однако внедрение западнизма в социальную организацию России осуществляется в нарушение действия закона адекватности (соответствия, однокачественности) социальной организации человеческому материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям. Созревание постсоветизма происходит также в силу действия закона социальной деградации, суть которого проявляется в реанимации православия, дореволюционных названий, обычаев, различных явлений культуры, идей монархизма, великодержавности и т. п. Смысл деградации заключается в том,

что эти «новации» искусственны, они изобретаются как фальсификация прошлого в качестве средства, используемого против устоев советизма и его естественно-исторической обусловленности. В своем единстве действие законов социальной регенерации, деградации и адекватности объединяется в законе социальной гибридизации, определяющем динамику развития постсоветизма. Появление последнего, в отличие от советизма и западнизма самих по себе, — это не естественно-исторический процесс, а процесс искусственный, т. е. целенаправленный, планируемый и управляемый.

В соответствии с законом гибридизации эволюция постсоветизма может осуществляться по двум направлениям (раздвоение единого) — либо советизированный западнизм, либо западнизированный советизм. Внешние факторы инициируют развитие постсоветизма по первому направлению. Однако внутренние факторы, укорененные историей, традициями, менталитетом и характером экономического развития, утверждают приоритеты западнизированного советизма. Зиновьев полагает, что наиболее вероятна эволюция постсоветизма в направлении западнизированного советизма. Однако главным препятствием на этом пути является позиция «Кремля»: «Он в силу необходимости и действия социальных законов вынужден делать нечто такое, что выглядит как восстановление советизма, но делает это, сохраняя и укрепляя результаты переворота и придавая своим действиям подчеркнуто антикоммунистический характер».⁷ Эволюция постсоветизма в направлении западнизированного советизма — это имитация советизма. Постсоветизм — закономерный преемник советизма, а имитационность становится свойством, определяющим сущность социальной организации постсоветской России. Наглядным примером тому может служить корректировка прогноза развития российской экономики до 2030 г. В апреле 2013 г. российское правительство, утверждая разработанный Минэкономразвитием долгосрочный прогноз, выбрало в качестве базового инновационный сценарий развития страны (средний между худшим — консервативным и лучшим — форсированным). Но уже в сентябре того же года правительство передумало и остановилось в своем выборе на консервативном варианте. В результате вместо прогнозируемого к 2030 г. достижения развитых

⁷ Зиновьев А. А. Фактор понимания. С. 427.

стран по уровню и качеству жизни нам предлагают модернизацию страны, ограниченную лишь нефтегазовым комплексом. Представляется, что оптимальный путь модернизации страны следует реализовать в рамках Евразийского союза.⁸

Зиновьев указывает на действие в постсоветизме еще одного закона — закона зеркальности, согласно которому постсоветская идеология представляет Россию, в действительности находящуюся по большинству показателей экономической, социальной, военной, геополитической и культурной динамики на нисходящей ветви эволюционного развития, как будто бы идущей от успеха к успеху. На нисходящей ветви эволюции действуют те же социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют как зеркальное отражение — похоже, но наоборот. На деле получается лишь имитация подъема: успех: меры по подъему российской экономики сводятся к встраиванию ее в мировую экономику исключительно в качестве сырьевого придатка, а действия по укреплению власти ведут к ее ослаблению и разрушению связей между центром и регионами. Все это ведет к появлению реальных предпосылок нарушения целостности страны как единого целого, что было обусловлено, как отмечает А. Зиновьев, выбором для России губительного направления по нисходящей ветви эволюционного процесса. «Вал приватизации» все еще продолжает разваливать российскую экономику. Пятьсот крупнейших промышленных гигантов России были проданы по бросовым ценам. По некоторым оценкам, реальная стоимость всех проданных на протяжении 90-х годов предприятий составляла не менее 6 трлн долл., из которых в государственную казну поступили лишь 9,3 млрд долл. Наша страна только в 2012 г. продала за рубеж сырья всех видов на 16 трлн рублей, но в госбюджет из этой суммы попало лишь около 6 трлн рублей, остальные деньги ушли на счета российских и иностранных олигархов. В результате безудержной приватизации полностью были разорены такие важнейшие отрасли, как электронная и химическая, авиационная и космическая, машиностроение и металлообработка. На сегодняшний день 90 % объектов хозяйственной деятельности нашей страны находятся в частных руках, тогда как в Западной Европе и США в собственности

⁸ Кефели И. Ф. Геополитика Евразийского союза: от идеи к глобальному проекту. СПб., 2013.

государства находятся от 33 до 60 % предприятий. И вот результат: если в 1990 г. за счет научно-технического потенциала у нас обеспечивалось до 65 % экономического роста, то сейчас — менее 5 %. Для сравнения: на долю семи высокоразвитых стран приходится 80–90 % наукоемкой продукции, а на долю России — 0,3 %. Подобного рода примеров можно приводить достаточно много, но это лишь подтверждает действенность закона зеркальности, характеризующего разрыв между благими намерениями и верными заверениями, с одной стороны, и реальными событиями — с другой.

5. Компоненты законов социальной динамики постсоветизма.

Постсоветизм — это ставшая реальность, по отношению к которой законы социальной динамики воплощаются в постановке целей, прогнозировании, проектировании и управлении социальными процессами. Цели, социальное прогнозирование, проектирование и управление реализуют в таком случае действие законов социальной динамики. Целями выступают как построение общества социальной справедливости, так и построение общества, в котором утверждается принцип социального неравенства и обогащения меньшинства за счет бедствующего большинства. Подобная дивергенция целей была заложена еще в социальных утопиях гуманистов Возрождения. Уже в то время наметились две тенденции в истории развития гуманистических идей. Первая, как известно, выражала интересы идущей к власти молодой буржуазии. Это был тот самый буржуазный гуманизм, представители которого (начиная с итальянских гуманистов) строили планы справедливого общественного устройства на основе индивидуализма и «разумного эгоизма», свободного развития «естественной природы» человека, творческой личности. Вторая тенденция получила воплощение в утопическом социализме, выражавшем интересы зарождающегося пролетариата, человека труда. Здесь ключевой темой выступала проблема форм общения и связи людей, имущественного равенства, равного участия всех в общественном производстве, создания справедливого общественного устройства, где, как писал в «Городе Солнца» Т. Кампанелла, «знания, почести и наслаждения являются общим достоянием». Условием счастья каждого и всех должен стать «философский образ жизни общиной». Эти идеи Кампанеллы были восприняты менталитетом русского человека, культурной историей России, что, в конечном

счете, реализовалось в социалистическом гуманизме.⁹ Социальное проектирование опирается на социальные цели, которые выражают глубинные ментальные характеристики цивилизационного устройства того или иного общества, и направлено на создание масштабных социальных институтов, социальной инфраструктуры и социотехнических систем, которые в своей совокупности обеспечивают развитие и функционирование социума на новых принципах организации. Так, советский проект включал в себя и утверждение социалистических отношений, и создание институтов социалистического государства, и реализацию общегосударственных технических проектов, обеспечивающих геополитическую безопасность Советского Союза — ракетно-ядерного щита, освоение космоса, коммуникационной (транспортной и информационной) инфраструктуры страны. Для постсоветизма такого рода социальное проектирование представляется проблематичным. Все еще неопределенной остается идеологическая платформа «Единой России» — центризм и консерватизм, которые предполагают прагматизм, государственническую позицию и противопоставление партии другим движениям, настроенным более радикально. Консервативная модернизация — вот основа партийной идеологии. Иногда считают, что модернизация — необходимость, а консерватизм — данность. Представители «Единой России», исходя из того, что антиподом консерватизма является радикализм, идеологически воплощенный в социалистической модернизации, порой усматривают «светлое будущее» России именно в консервативной модернизации. Но при этом, ссылаясь на зарубежный опыт (будь то британский, японский, сингапурский и проч.), они забывают о том, что в российских условиях консервативная модернизация нередко приводила к краху (вспоминая при этом и Александра III, и Л. И. Брежнева, и др.). Проводить аналогии в данном случае, очевидно, неуместно. Но, вероятно, нужно подумать о том, нет ли какой-либо связи между провозглашенной идеологической платформой консервативной модернизации и ситуацией, связанной с отмеченным выше вынужденным переходом к консервативному варианту долгосрочного прогноза социально-экономического развития России? Ведь Россия, как иногда считается, на рубеже столетий стала нестабильной страной, требующей частых и масштабных

⁹ См. подробнее: Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004. С. 178–199.

преобразований, необходимых для сохранения своей целостности. Современная ситуация в России напомнила аналитикам Stratfor период, предшествовавший революции 1905 г.: «История не повторяется в точности, но изучение ситуации в России на рубеже XX в. позволяет увидеть повторение общественных волнений и понять, как Кремль собирается при этом выстоять».¹⁰ Над этими перспективами нужно подумать. Надо надеяться, что следование тем самым геополитическим закономерностям, в соответствии с которыми возрождается Русский мир в своих исторических границах (Крым — наглядный тому пример), станет признанием евразийской идеи в качестве важной стратегии социальных преобразований в нашей стране.

¹⁰ *Russia: Social Turbulence and Recollections of 1905 / Stratfor* (дата обращения 04.11.2013 г.).

ГЛАВА 4

О ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-х гг. XX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)¹

«И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом...»

Лермонтов «Дума», 1839

В 2011 г. исполнилось 50 лет со дня выхода «Программы КПСС» (1961), где проектировалось к 1970 г. обогнать развитые страны Запада по основным показателям развития промышленности и сельского хозяйства, а к 1980 г. — построить материально-техническую базу коммунизма. Сменились два поколения, казалось бы, это достаточное время для того, чтобы понять, почему этот проект не был исполнен. Однако никаких серьезных попыток научного и научно-философского анализа неисполнения данной грандиозной программы не было. Я знаю только одну диссертацию на эту тему,² и похоже — это всё. Почему же огромная проектировочная и исследовательская работа, которая была проделана в 60-е гг. XX в., была так прочно забыта? Ведь при подготовке данного документа была мобилизована советская социально-политическая наука. Первоначальные работы над созданием проекта новой Программы начались еще в середине 1958 г., в итоге в течение трех лет над ней трудились около ста крупнейших ученых и специалистов. В июне 1958 г. от имени О. В. Кусинена, одного из секретарей и члена Президиума ЦК КПСС, были разосланы тематические задания научным институтам, государственным ведомствам и общественным организациям. Особые

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ i2-06-0002690a «Интеллектуальный потенциал инновационного развития России: стратегии модернизации образования».

² Фокин А. А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.

задания получили академики Е. С. Варга и С. Г. Струмилин, подготовившие записку «На путях построения коммунизма», где приводились перспективы развития на 10–15 лет. 25 июля 1959 г. Президиум ЦК расставил акценты следующим образом: теорией займутся академики, практические подсчеты — сколько, когда и где произведет промышленность и сельское хозяйство, — должны представить Госплан и Госэкономкомиссия. 30 июля 1961 г. текст проекта Программы был опубликован в газетах «Правда» и «Известия» с тем, чтобы население могло ознакомиться с ним и высказать свои предложения и замечания. К 15 сентября 1961 г. в шесть журналов и в двадцать газет поступило 29 070 корреспонденций, из которых 5039 было опубликовано. В общей сложности на партийных конференциях и собраниях трудящихся, посвященных обсуждению этого документа, присутствовали почти 44 млн человек. И вся эта огромная работа была совершенно забыта! Тут нельзя по-обывательски сказать: «Ну, ошиблись, бывает!» Дело не в ошибке, а в чем-то гораздо более серьезном. Данная ситуация поистине заслуживает философского удивления и философского анализа!

Когда мы просматриваем социально-политическую литературу 60-х гг., то видим, что она в основном настроена футуристически — исполнена проектов, причем это касается как советской, так и зарубежной литературы.³ Речь идет не только о научной литературе, но и о литературе, доступной широким слоям населения. Весь поток массовой культуры 60-х гг. проникнут *идеей будущего как ценности*. Взять хотя бы вал фантастической литературы о будущем (братья Стругацкие, С. Лем, Рей Бредбери, Иван Ефремов), фантастические фильмы. Бросается в глаза зрительный ряд массовых научно-популярных журналов. Скажем, в каждом номере журнала «Техника молодежи» в эту эпоху дается красочный разворот под названием «Окно в будущее».

Как радикально изменилось настроение во всех развитых странах мира после нефтяного кризиса 1973 г.! Разумеется, футуристический момент в сознании остается, но акценты резко сдвигаются. Если раньше как в сознании ученых, так и в массовом сознании господствовало предположение, что научно-технический прогресс проблему сырья и ресурсов трансформирует во второстепенную

³ См., напр.: Бааде Ф. Соревнование к 2000 году. Наше будущее: рай на земле или самоуничтожение человечества / сокр. пер. с нем. М., 1962; Какое будущее ожидает человечество / ред. А. М. Румянцев. Прага, 1964; и др.

и современная наука и техника могут «сделать всё из всего», то оказалось, что есть такие ресурсы, прежде всего энергетические, которые не могут быть заменены тогдашним уровнем достижений науки и техники. Нефть не может быть заменена водой, хотя, абстрактно говоря, технологии разложения воды на водород и кислород и использование водорода в качестве топлива в принципе существуют и разрабатываются возможности их практического применения.

Стало окончательно ясно, что социальные проблемы не могут быть разрешены научно-техническими средствами.⁴ Крупнейшие государства столкнулись с охлаждением народов к научно-техническому прогрессу. Властвующая элита, озабоченная экономической и военной конкуренцией, а также возможностью осуществлять свое господство через организацию научно-технических мобилизационных стратегий, поняла, что нацию необходимо стимулировать к научно-техническому прогрессу специально. Особенно ясно это стало в США, когда там впервые поколебался американский научно-технический приоритет.⁵

Возникло отрезвление и в отношении возможностей кибернетической техники. Оказалось, что научно-технический прогресс не приводит к экономии труда при замене людей автоматами и роботами. Так, было показано, что в СССР в 1971–1975 гг. за счет повышения производительности труда в целом по народному хозяйству получено 80 % прироста национального дохода и обеспечена экономия труда 20 млн чел. В то же время затраты на прирост основных производственных фондов, обеспечивающих расширение производства и повышение производительности труда, равнялись затратам труда 36 млн чел. В 1976–1980 гг. в результате роста производительности труда был сэкономлен труд 6 млн чел., а на прирост основных производственных фондов затрачен труд 35 млн чел.⁶ Аналогичные процессы происходили и в США. Ожидаемого уменьшения числа рабочих мест из-за автоматизации и роботизации в Соединенных Штатах не произошло. Напротив, количество рабочих мест возросло.

⁴ См., напр.: *Vazquez S. A. La ideologia de la «neutralidad ideologia» en las ciencias sociales // Historia y soc. Mexico. 1975. N 7. P. 9–25.*

⁵ См., напр.: *Hughes K. H. Facing global competitiveness challenge // Issues and technology on line. 2005. Summer. Made of access: <http://www.issues.org./issues/21.2/Hughes.html>.*

⁶ *Кочерыгин В. В. К вопросу об эффективности замены живого труда машинным // Известия АН СССР. Сер. Экономическая. 1982. № 5. С. 44.*

Скажем, с 1974 по 1984 г. в США было создано 18 млн рабочих мест.⁷ В более общей форме данный тезис убедительно обосновал болгарский исследователь З. Стайков. Он показал, что научно-технический прогресс в целом хотя и изменяет характер и содержание труда в народном хозяйстве, но не приводит к его экономии.⁸ И более того, было показано, что экономический рост как результат научно-технического прогресса даже в западных странах не отражает прогресса в терминах реальной жизни людей, таких, как здоровье, питание, жилье, образование, досуг.⁹ Что касается национальной безопасности, то постепенно стало выясняться, что прогресс в вооружениях не обеспечивает ее. Чем больше ядерного оружия, тем меньше шансов на его, скажем так, послушное поведение.¹⁰

Соответственно, после 70-х гг. стал падать и авторитет естественных и точных наук. Теперь доказывать обществу практическую результативность и необходимость своего существования приходится самой науке. Эта тенденция и для мировой науки в целом, и для России. Наука не занимает того приоритетного положения, которое она занимала в СССР.¹¹ Существенно также, что и в плане философии науки наметился в середине 70-х гг. определенный перелом. Выход на первый план постпозитивистских исследований в философии науки подчеркнул проблематичность самого прогресса в естественных науках (Т. Кун), решающее значение в развитии науки вненаучных факторов (П. Фейерабенд) и т. п. В социальной философии исследование будущего и вкус к анализу природы футуристического знания стал чрезвычайно редким.¹²

⁷ Миллер У. Ф. Новые направления развития техники и технологии и их значение для промышленно развитых и развивающихся стран // США, 1986. № 8. С. 79–85; № 9. С. 74.

⁸ Стайков З. Научно-техническата революция — социологически прблемы // Социологически проблеми. София, 1976. № 3. С. 15–27.

⁹ Auzes R. Y. Turning Point. The End of Growth Paradigm. London, 1997. -- См. также обстоятельную рецензию на эту книгу: Кондратьев Н. Я. Поворотная точка: конец парадигмы роста // Известия русского географического общества. 1999. № 2. С. 1–14.

¹⁰ См., напр.: Горбачев М. С. За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений. Речь на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» // Литературная газета. 1987. № 8. С. 1.

¹¹ См., напр.: Горохов В. Г., Бахманн Г. Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 3. С. 258–266.

¹² Исключением является, насколько нам известно, одна диссертация, которая, скорее, есть свидетельство о феноменальной ригидности некоторых

Пожалуй, наиболее показательными в изменении настроений в обществе развитых стран, в частности, России, являются две книги. Во-первых, это работа Жака Аттали «На пороге нового тысячелетия»¹³ и, во-вторых, исследование Б. Ф. Егорова «Российские утопии».¹⁴ В обеих работах, претендующих, в сущности, на историсофское обобщение, научно-технический фактор хотя и присутствует, но совершенно не играет той решающей роли, как это было в работах 60-х гг. Соответственно, и в массовой культуре сам жанр утопий исчезает, а господствуют антиутопии, вроде фильма «Терминатор» Джеймса Кэмерона (1984).

Как же относиться к этому всплеску социальных проектов, базирующихся на научно-техническом прогрессе 60-х гг.? Я полагаю, что это явление в общественном сознании не должно расцениваться как ошибочное, от которого следует отказаться. Тем более этот феномен не следует забывать. Создатели социальных проектов, ориентированных на решающую роль научно-технического прогресса 60-х гг., — это своего рода дон кихоты, которые заслуживают уважения в своем высоком безумии. Они выражают некоторую суть самого человека в его безоглядном порыве в будущее на крыльях научно-технического проекта. Эти дон кихоты заслуживают своего доброжелательного Сервантеса, который раскрыл бы высочайший смысл научно-технического безумия.

Однако люди, как ученые, так и обыватели, что называется, «обжегшись» на футуристических научно-технических прогнозах, впали в другую крайность — в презентизм. Стали господствовать санчо пансы. Маргарет Тэтчер,¹⁵ Рональд Рейган,¹⁶ Б. Н. Ельцин¹⁷ — так или иначе, явно или скрыто, применительно к особенностям национального развития, руководствовались ментальными принципами Санчо. Эти принципы нашли свое теоретическое обоснование

исследователей «в глубинке», которые всё еще продолжали сражаться «на линии Мажино» футурологического бума 60-х (см. работу, подготовленную в Чите: Дондокова Б. Б. Социально-философские основания футурологического знания: Дис ... канд. филос. наук. СПб., 2009.

¹³ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.

¹⁴ Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007.

¹⁵ См., напр.: Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003.

¹⁶ См., напр.: Рейган Р. Дневники // <http://www.chayka.org/node/1457>; 11.01.13.

¹⁷ См., напр.: Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990.

у Эдмунда Бёрка, как реакция на Французскую революцию,¹⁸ а потом и в либеральном необёркианстве.¹⁹

Каковы же самые общие методологические обоснования такой существенной и масштабной смены общественных настроений и теоретических установок в отношении научно-технических проектов и идеи проекта вообще?

Во-первых, теоретическая проблематичность проектов таится в некоторых принципиальных особенностях функционирования причинно-следственных и целе-средственных связей в обществе. Исследование внутренней структуры взаимообусловленности целей, средств и результатов показывает, что мы никогда не достигаем тех результатов, которые задумывались как цели. Эти результаты могут быть выше, значительно выше формулированных целей, они могут быть ниже целей, но никогда не такие, как первоначально предполагалось. Особенно это касается крупных проектов, предполагающих использование значительных материальных и людских ресурсов, особенно если от замысла цели до реализованного результата проходит сравнительно большое время. «Процесс реализации цели... всегда имеет и такие последствия, которые никак не входили в намерения человека... не формулировались человеком как цели его деятельности, хотя скрыто содержались в самой деятельности».²⁰ К. Поппер связывает это радикальное недостижение целей не только с ограниченностью человеческого интеллекта, но и с наличием свободной воли, которая делает недостижимой не только сознательно исполняемый, требующий концентрации больших материальных и духовных ресурсов проект, но и прогноз, который оказывается фатально несовершенным по причине уже упомянутой ограниченности интеллектуальных возможностей прогнозиста. К. Поппер прав: историю, если она действительно человеческая история, со стопроцентной гарантией предсказать невозможно, ибо у человеческих существ есть свобода воли.²¹ Прогнозировать историческое развитие,

¹⁸ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6, 7, 9; 1992. № 2; 1993. № 4.

¹⁹ См. серьезный теоретический анализ в: Шамшурич В. И. Ренессанс Э. Бёрка и либерально-консервативное необёркианство // История теоретической социологии. Т. 4 / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. СПб., 2000.

²⁰ Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 3.

²¹ «Историческое развитие непредсказуемо в той мере, в какой на него оказывает влияние развитие нашего знания» (Поппер К. Нищета историцизма / пер. С. А. Кудриной. М., 1993. С. 5).

не только революционное, но даже и эволюционное, можно лишь постольку, поскольку она не человеческая, а, скажем, биологическая или космическая (например, техногенез²²). Если собственно человеческую историю нельзя даже предсказать, то тем более не имеют смысла и обречены на неисполнение и масштабные проекты.

Эти общетеоретические построения подтверждались и конкретными данными. Показательна с этой точки зрения одна публикация 1988 г. в международном журнале «Мир науки». Специалисты подчеркивали, что свойства новых материалов, как и эффективность программы информирования общественности о них предсказать заранее невозможно. Ученые пришли к выводам, что структура взаимосвязей между человеком, техникой и природой в принципе не может быть управляемой, поскольку поведение элементов этих взаимосвязей невозможно прогнозировать и, следовательно, контролировать. Вообще, с их точки зрения история техники, математики и физики не дает оснований для построения идиллической картины взаимосвязи между знаниями и практической деятельностью. Налицо разрыв между знаниями и практикой: либо теория опережает возможности практики, либо практика оказывается самостоятельной. Нередко допущения и предположения, связанные с конкретной ситуацией, выдаются за теоретические выводы, и тем самым порождаются неоправданные иллюзии. Скажем, чтобы предотвратить загрязнение грунтовых вод, были созданы печи для сжигания отходов. Однако оказалось, что при их сжигании образуются HCl и диоксин, которые еще опаснее. Таким образом, технические возможности реализации ошибочной альтернативы задержали развитие более полезных альтернатив. Ученые оговариваются, что, разумеется, не расширяющиеся границы науки вносят в нашу жизнь недопустимый риск, а безответственное игнорирование этих границ. Отсюда вытекают все более жесткие требования не только к политехническому, но и к политическому, экономическому и этическому образованию общества, что лежит за пределами возможностей самой науки. Сами по себе наука и техника не могут повысить заинтересованность и ответственность людей за ближайшие и отдаленные

²² Техногенез предстает как тип минералообразования, связанный с хозяйственной деятельностью человека (см.: Ферсман А. Е. Геохимия. В 4 т. Т. 2. Л., 1934. С. 27).

последствия своих действий.²³ Однако напрашивается еще один вывод, который авторы, к сожалению, не делают: получается, что если, к примеру, свойства новых материалов наука не может предсказать заранее, то каким образом массовое образование и растущая ответственность смогут здесь помочь?

Итак, после нефтяного кризиса 1973 г. воцаряется настроение необёркианства как выражение идеологии Санчо. Необёркианство, вообще говоря, не есть нечто совершенно новое, к примеру, порожденное разочарованием в результатах Французской революции. Оно, естественно, существовало и до Эдмунда Бёрка: М. Монтень отмечал, что нужно обладать беспрецедентной дерзостью (или, по более позднему мнению Б. Рассела, — «космической непочтительностью»), чтобы пытаться по своему рассудку строить общество, перестраивать общественный организм в общественный механизм. Нельзя безжалостно (или проливая крокодиловы слезы) ломать то, что складывалось тысячелетиями. Апологеты осуществления футуристических проектов, социальные инженеры, поскольку они оказались на троне, полагают, что в социальной сфере «все можно сделать лучше» и что «история — это чепуха»,²⁴ что оружие критики следует заменить критикой оружием, что «философы объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Вот против этого и выступают Бёрк и его современные последователи.

Э. Бёрк призывает ориентироваться не на создателя проектов Платона, а на призывавшего к смирению и приспособлению Цицерона. Это выход Санчо — откуда связь и с концепцией повседневности и с рассмотрением повседневности в качестве основы понимания социума.²⁵ Либеральный консерватизм необёркианства — это вовсе не «подмораживание», не «византизм», не «монархический социализм» К. Н. Леонтьева, не панславизм Н. Я. Данилевского, не самодержавие М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева. Перечисленные виды российского консерватизма — это уже не консерватизм, а ретризм, регрессизм. В России аналогичным необёркианству было

²³ Боос-Бавибек Б., Боле-Карбонелл М. Развитие техники и прогресс науки // Мир науки. 1988. № 3. С. 1–6.

²⁴ Известные афоризмы Г. Форда (см.: Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989).

²⁵ См., напр: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов. М., 2003.

либерально-консервативное направление «государственной» школы естественного права конца XIX — начала XX в.

Концепция либерального консерватизма глубже и умнее топорного «ретризма». Э. Бёрк и его современные последователи исходят из того, что рабское и слепое возвращение к прошлому вовсе не самоцель. Да, консерватизм ориентируется на традиции, но традиция есть то, что непрерывно существует в нас самих. Это характеристика не прошлого, а вечности. Истинная новизна, свобода, творчество, рождение — всегда именно «возрождение» как приобщение к живительным силам Вечности и Постоянства. Творчество и свобода — лучший способ консервации. Научно-технические средства в их способности прогрессировать необходимо держать в узде, не позволяя оборваться в безудержную гонку. С точки зрения такого консерватизма самая страшная болезнь нашего времени — социальный радикализм. Он может принимать и форму научно-технического прогресса, обязательно выступающего по преимуществу как военно-технический прогресс (стремление «догнать и перегнать»). Радикализм, в том числе и в научно-технической сфере, как показал опыт XX в., связан с невероятными кровавыми жертвами, фундаментализмом, фанатизмом, нетерпимостью, расизмом, падением нравов, разложением человека. В противоположность радикализму либеральный консерватизм исполнен гуманистического пафоса. В нем обоснование абсолютной самоценности человеческой жизни (либерализм) осуществляется из религиозных установок. (Кстати говоря, ресакрализация современного мира, как и его фундаментализация представляются весьма характерными чертами конца XX — начала XXI в.). Либеральный консерватизм исходит из того, что внутренний духовный мир человека есть таинство, которое как величайший дар Бога идет от поколения к поколению и подлежит сохранению.

Главный принцип и стратегия либерального консерватизма — это «тримминг» (соответственно, «пруденция» у Э. Бёрка), основные идеи которого — баланс, подстраивание, приспособление, ситуативное решение. Актуальное знание всякий раз по-новому отражает новую ситуацию и исчезает так же быстро, как и появляется. Такой консерватизм отказывается от доктринерства, от догматической последовательности. Либеральный консерватизм, в известном смысле,

это «похвала. непоследовательности».²⁶ Консервативное мышление носит в этом смысле «антитеоретический» характер. Оно не конструирует рационалистично и целенаправленно абстрактные схемы, в соответствии с которыми пытается перестроить общество. В этом смысле консерватизм есть не идеология или доктрина, а способ творческого мышления. Э. Бёрк говорил, что государственному деятелю, не теряя из виду принципов, следует руководствоваться обстоятельствами; в противном случае в спешке он погубит свою страну. Голые, не связанные друг с другом истины в мире практики то же, что и ложь в теории. Идея сочетания жизненных обстоятельств и глубочайших мыслительных установок как учение о конкретно-личностном познании человека заимствуется у Цицерона.

Собственно, такого рода мудрость здравого смысла может быть обнаружена и у греков. Она именовалась как софросюне — предвидение, пред-мышление, рассудительность. Э. Бёрк и говорит о такой рассудительности по преимуществу. С точки зрения софросюне, абстрактно-теоретический подход, созерцательность в отношении к человеку способствуют появлению фанатизма и жестокости. Непроверенный, пусть даже и самый совершенный в теории идеал на практике может дать самые неожиданные последствия. Идеологи Французской революции, возводившие в догму просветительские теории, руководствуясь самыми благими намерениями, по сути дела превратили человека в средство осуществления абстрактных идеалов прогресса человечества, а на самом деле «правление философов» превратилось в технократию просвещенных деспотов.

Рациональность — опасное средство руководства. Такой же опасной является и демократия, базирующаяся на «общественном договоре» Руссо. Ошибочны надежды, будто бы благополучие государства должно целиком и полностью зависеть от единодушной поддержки, всеобщего согласия. Как шутил У. Черчилль: «Лучший аргумент против демократии — пятиминутная беседа со средним избирателем». На самом деле современные события — это не результат разумного выбора народа или интеллектуалов, это производные прошлого. Порядок в государстве — итог истории, а не теории и уж, конечно, не «демократических выборов». В конечном счете, с точки

²⁶ Колаковский Л. Похвала непоследовательности / пер. с польского В. Кольцов. Флоренция, 1974.

зрения необёркианцев, только либеральный консерватизм способен соединить мораль и микропроцессор в обществе.

Значит ли это, что в выводах своей статьи автор склоняется к цicerоновой мудрости необёркианства и отвергает платонов идеальный порыв к возможности разумного создания совершенного общества? Отнюдь нет! В наши скромные задачи входило только подчеркнуть существенное различие Проекта и Прогноза в плане постижения и организации социальной реальности. Ошибочно как безусловное преобладание Проекта над трезвым Прогнозом, так и безвольный отказ от всяческих попыток Проекта и стоическое скольжение в русле Прогнозов. Проект и Прогноз, насколько это возможно, должны находиться в равновесии. В общих чертах неудача 3-й Программы КПСС объясняется тем, что Проект в ней решительно возобладал над Прогнозом. Этот провал можно уподобить столкновению Дон Кихота с ветряными мельницами. Н. С. Хрущева справедливо обвиняли в волюнтаризме. Но и обратная крайность, преобладание Прогноза над Проектом, более того, даже попытка просто и как бы «не замечать», что Прогноз, по крайней мере, возможен (а именно такую попытку мы наблюдаем в постсоветские времена), не может удовлетворить как властвующую элиту, так и народ. Необходимо действительно и конструктивно осмеливаться «хотеть как лучше», необходимо обозначить «как должно». Страна жаждет пусть несовершенного, но Проекта достойного будущего своей страны. Необёркианство как будто предлагает союз Проекта и Прогноза, но уж слишком здесь господствует Прогноз, который, впрочем, также обделен вниманием. Идеал состоит в том, что Дон Кихот Проекта, дружески и сотрудничая, едет в одном направлении с Санчо Панса Прогноза.

ГЛАВА 5

СТРАТЕГИЯ И ДЕТЕРМИНИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Проблема общественных отношений и общественного развития вот уже на протяжении многих веков является одной из центральных проблем философских учений. В процессе развития социальное общество видоизменялось, преобразовывалось, в результате чего возникали и до сих пор возникают различные проблемы, как глобальные, так и локальные. Чтобы найти способы разрешения всех этих проблем, а также причину их возникновения, необходимо обратиться к социальному детерминизму и принципам развития общества. Знания о детерминантах дают возможность рассмотреть каждую проблему в индивидуальном порядке и найти способы ее решения, а также разработать стратегию дальнейшего развития в той или иной области и устранения недостатков.

Общество — это динамичная, саморазвивающаяся структура, в которой любые изменения, преобразования определяются пространственно-временным континуумом,¹ благодаря которому и обеспечивается цивилизованное выживание социума. Всякое явление, будь то духовное или материальное, может выступать как детерминанта последующих за ней явлений. А если учитывать различные способы пребывания явлений и событий в пространстве и во времени, и все те бесчисленные детерминанты, представляющие собой конкретные явления как в материальном, так и в духовном плане, то можно сделать вывод, что их скопления воедино образуют свой вариант пространственно-временного континуума. Этим континуумом и определяется конечный результат явления или процесса.

¹ О пространственно-временном континууме см.: *Марахов В. Г. Материализм и пространственно-временной континуум // Марахов В. Г. Философия. СПб., 2014. С. 30; и др.*

Естественно, что «конечный результат», в свою очередь, может стать, и становится, новой детерминантой, влияющей на развитие последующих процессов и явлений.

Теперь давайте рассмотрим, что такое стратегия, какие виды стратегий могут быть, и какую роль в каждом из них играет детерминизм. Итак, существует два способа понимания стратегии: первый — это когда под стратегией имеют в виду четкое и точное определение конечного состояния, определены четкие временные рамки, которые разбиваются на несколько промежутков, после чего разрабатываются способы достижения этого конечного состояния. В данном случае подразумевается, что все явления детерминированы, предсказуемы, и поэтому можно ими управлять и их контролировать.

Второй же способ, наоборот, подразумевает, что разработка стратегии определяет направление в сторону конечного состояния, однако предполагает несколько способов развития в сложившейся ситуации и свободу выбора, связанного с данными обстоятельствами. Иными словами, такой способ интерпретации стратегии исключает предсказуемость в поведении общества, что, можно сказать, ведет также к периодическим и неожиданным кризисам. Примером тому может служить финансовый и экономический кризис, разразившийся с осени 2008 г. в США и прокатившийся по всем странам. До сих пор не все государства смогли выйти из такого кризисного состояния и продолжают нуждаться в финансовой поддержке (в частности, такие европейские страны, как Греция, Португалия и некоторые другие).

Если говорить о социуме с преобладающей в нем частной собственностью, то второй вариант определения стратегии, конечно, больше связан с ускоренным ростом производства. Однако частое изменение среды и многие другие факторы требуют более детального рассмотрения и приспособления к возникающим изменениям, для того чтобы достигнуть конечного результата, заявленного вначале, т. е. в процессе разработки стратегии.

Первый же вариант стратегии подходит больше для строя, где используются методы планирования, где все четко предопределено, и не требуется существенных изменений или преобразований. Однако мы понимаем, что такого, в принципе, быть не может, по крайней мере, в течение долгого времени, что доказывается исторически.

Поскольку детерминанты представляют собой каузальный (причинный) характер, то следствием может оказаться также неожиданный результат, ведь многое зависит от пространства, времени и сопутствующих в данный момент факторов, которые могут привести, действительно, к совершенно неожиданному исходу события.

Надо сказать, что детерминизм и стратегия тесно связаны между собой, ибо в разработке стратегии важно знать заранее возможные причины возникновения проблем и способы их устранения или недопущения. Стратегия — это вариант субъективного, однако не всегда научно обоснованного видения будущего. Но она не перестает, тем не менее, относиться к сфере и разновидности причинности и, следовательно, детерминизма. Но детерминизма духовной природы и потому несущего в себе возможности как конструктивного, так и разрушительного порядка.

Итак, можно сделать вывод, что в процессе построения стратегий, а также в процессе решения возникших проблем, как в социуме, так и в природе, необходимо учитывать множество факторов, повлиявших на возникновение и развитие тех или иных событий, в первую очередь, это, конечно, пространственно-временной континуум, а также детерминанты как духовного, так и материального характера. Кроме того, разрабатывая стратегии развития в целом, необходимо учитывать непредсказуемость и каузальность, которые будут то и дело встречаться на пути к достижению конечной цели.

ГЛАВА 6

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

На первый взгляд может показаться, что в теоретическом плане проблемам модернизации и социального прогресса уделялось и уделяется достаточно большое внимание. Но это только на первый взгляд. Когда же указанные проблемы начинаешь глубоко исследовать и анализировать, то вырисовывается следующая картина.

Во-первых, до сих пор нет научно выверенных, а потому теоретически приемлемых определений понятия «модернизация», с одной стороны, и понятия «социальный прогресс» — с другой.

Во-вторых, в научных исследованиях отсутствует стремление ученых выяснить отличительные черты и в то же время вскрыть взаимосвязь и взаимообусловленность таких однопорядковых категорий, как «модернизация» и «социальный прогресс».

В-третьих, наблюдается умышленный уход авторов (в связи с зашумеванием ими своих классовых позиций) от исследования базисных (экономических) отношений как первоосновы модернизационных и социальных процессов в том или ином обществе.

Сама же актуальность исследования модернизации и социального прогресса в их взаимосвязи и взаимообусловленности объясняется, прежде всего, тем, что именно модернизация и социальный прогресс и определяют стратегию развития человеческого общества. Если следовать латинскому выражению «*ab ovo*», то исследование любого явления необходимо начинать с его истоков (с яйца), а применительно к модернизации — с этимологии данного термина, в основе которого лежит французское слово *modernisme*, что в переводе на русский язык означает «новый», «современный». Именно данного содержания указанного термина мы и будем придерживаться в дальнейшем при исследовании проблемы модернизации. Модернизация как процесс обновления (осовременивания) характерна как

для общества в целом, так и для его составляющих элементов и сфер. Объектом модернизации могут быть социально-экономические, политические, правовые, культурологические явления и процессы, а также технико-технологические явления и их предметные (вещные) образования (например, средства труда). В этом смысле можно утверждать, что модернизация не знала и не знает никаких временных рамок и границ. Вот почему модернизация не столько историческая, сколько вневременная категория. Как только человечество осознало себя самостоятельной природно-общественной силой, оно целенаправленно двинулось от одной ступени развития — к другой, причем не вспять, а вперед по лестнице общественного прогресса. Необходимо подчеркнуть, что модернизация как процесс осуществляется, как правило, эволюционным путем. Высшей же формой проявления модернизации является революция (как качественный скачок), будь то в технической или социальной сфере. Пример тому — научно-техническая революция. Модернизация выступала и выступает как источник социального прогресса. Это ее родовый признак, на что исследователи проблемы модернизации по существу не обращают внимания, рассматривая модернизацию как некое самостоятельное явление (процесс). И здесь резонно встает вопрос: если модернизация не ориентируется на социальный прогресс (на потребности общества как такового), образно выражаясь, грош цена такой модернизации. Более того, в этом случае сама модернизация выступает как антимодернизация. Пример тому — возврат бывших социалистических стран в «лоно капитализма». Если исследовать различные подходы к проблеме модернизации, то можно прийти к выводу, что большинство исследователей под модернизацией подразумевают, во-первых, переход от традиционного (доиндустриального) общества к индустриальному обществу, а в нынешних условиях — к постиндустриальному (информационному) обществу; во-вторых, глобальный процесс развития и сближения разнообразных национальных культур, формирующихся в рамках той или иной цивилизации. Подобной позиции, в частности, придерживается известный исследователь модернизационных трансформаций Ш. Айзенштадт. В первом случае сама модернизация в социальном плане связывается со становлением и с развитием только капиталистического способа производства, техническую основу которого, как известно, составляет машинное производство, и с так называемой

западной протестантской трудовой этикой с ее экономическим индивидуализмом (эгоизмом). Отсюда и оценка западного (капиталистического) общества как общества модерности. Сведение процесса модернизации только к созданию индустриального (капиталистического), общества не только исторически сужает процесс модернизации, но и противоречит объективному ходу развития человеческого общества, которое и социально (переход от первобытнообщинного способа производства к рабовладельческому, от рабовладельческого — к феодальному, от феодального — к капиталистическому) и технически развивалось во все времена поступательно. Например, изобретение колеса для Древнего мира с точки зрения технического прогресса было не менее революционным, чем изобретение паровой машины для эпохи Нового времени.

Вместе с тем можем ли мы современное капиталистическое общество, выражаясь языком западных исследователей, — общество модерности, рассматривать как образец социального прогресса?! У каждого здравомыслящего человека на данный вопрос будет только отрицательный ответ, поскольку современное так называемое рыночное, а научно говоря, капиталистическое, общество — это общество социального неравенства и расслоения. Последнее объясняется тем, что в нынешнем капиталистическом обществе распределение материальных благ осуществляется, прежде всего, по размерам собственности на вещественный фактор производства (средства производства), а не по труду. Отсюда проблема богатых и бедных, т. е. проблема социального неравенства. Говоря о так называемом обществе модерности, необходимо в связи с этим определить такие понятия, как техническая модернизация общества и социальная модернизация общества. Техническая модернизация общества во все времена сводилась к развитию производительных сил общества — прежде всего к развитию вещественного фактора производства (средств производства). Техническая модернизация, выражаясь образно, обходит стороной исторические формы собственности на средства производства, а следовательно, формы распределения жизненных благ между членами общества, что и составляет содержание социальной модернизации. Поскольку западные ученые умышленно уходят от классовой оценки экономических и социальных явлений, что объективно заложено в исторических формах собственности на средства производства, а следовательно, и в системе

распределительных отношений жизненных благ, то вполне естественно при характеристике этапов развития человеческого общества они уходят и от формационного подхода, сводя все развитие к технической модернизации. Отсюда и выделение в развитии человеческого общества не исторических способов производства (исторических форм собственности на средства производства), а технологических способов производства: доиндустриального общества, индустриального общества, постиндустриального общества.

Современные ученые-экономисты как западного, так и отечественного «разлива» бездоказательно сводят историю развития мировой экономики (а, следовательно, человеческого общества) к проблеме технологических революций, технологических укладов, что никакого отношения не имеет к социальной модернизации общества. Так, по мнению С. Глазьева, историю экономического развития необходимо рассматривать как смену господствующих технологических укладов.¹ Подобными техноучеными уже выдумано 6 технологических укладов. Причем в рамках наивысшего — 6-го технологического уклада якобы уже развиваются такие страны, как США, Япония, Германия, что и характеризует, по их мнению, постиндустриальное (информационное) общество. И ни слова о том, что в названных постиндустриальных странах такой же эксплуататорский капиталистический строй, как и в других не постиндустриальных, а просто индустриальных странах. Таким образом, под видом технической модернизации апологетами капитализма открыто игнорируется классовый подход к оценке буржуазного общества, хотя объективно в буржуазном обществе классовые противоречия всегда были и остаются.

Техническая модернизация общества исторически осуществлялась в рамках закона экономии времени. В этом и заключается отличие технической модернизации от социальной модернизации как источника и основы социального прогресса. Как социальная модернизация (в отличие от технической модернизации), так и социальный прогресс развиваются, а следовательно, и реализуются, прежде всего, в рамках закона возвышения потребностей. Известно,

¹ Глазьев С. Ю. Учет смены технологических укладов при реализации стратегий партнерства цивилизаций. Сб. докл. участников IV Цивилизационного форума «Перспективы развития и стратегия партнерства цивилизаций». М., 2010. С. 203–204.

что западные ученые-обществоведы (в большинстве своем) как апологеты капиталистического способа производства умышленно уходят от исследования социальной модернизации, сводя процесс модернизации, как уже было сказано, по существу к технической модернизации. Отсюда и трактовка современного западного капиталистического общества как общества модерности. И в этом они по-своему правы. С точки зрения технической модернизации действительно страны западного мира — это наиболее развитые в технико-экономическом плане страны, где закончен этап индустриального развития и начинается переход к постиндустриальному (а по некоторой терминологии — шестому технологическому укладу) развитию, где непосредственный производитель из простого придатка системы машин превращается в оператора (управляющего) средствами производства. В этом плане можно говорить, что западные страны достигли определенного уровня технической модернизации, чего не скажешь о России, где за годы так называемых экономических реформ произошла полная деиндустриализация страны. О полной деиндустриализации российской экономики говорит и такой основной показатель технической модернизации, как производительность труда, по которому Россия отстает от высокоразвитых рыночных стран в 3–4 раза. О деиндустриализации российской экономики говорят и такие данные, как экспорт продукции машиностроения — всего 5–6 %, в то время как в технически развитых странах (США, Япония, Германия) подобный показатель в разы превышает российский показатель. Статус деиндустриализованной России подтверждает и факт неполного (а в общем, неэффективного) использования российским обществом имеющихся ресурсов. По некоторым экспертным оценкам, экономические ресурсы в современной России используются лишь на 25 %, людские ресурсы — на 15 %, интеллектуальные ресурсы — всего на 3,3 %, совокупные же ресурсы в современной России используются всего на 18 %, в то время как в США — на 76 %, в Японии — на 88,6 %, в странах ЕС — на 78 %. Вот вам реальный резерв для новой индустриализации России. Безусловно, если Россия хочет выжить и технически, и экономически, ей предстоит в ближайшие десятилетия осуществить новую индустриализацию. Иного, как говорится, не дано! Новая индустриализация для России как раз и означает техническую модернизацию на современном этапе развития. А. С. Казённов справедливо пишет:

«Видов модернизации два: модернизация на основе образцов самого субъекта модернизации, а второй — модернизация на основе образцов другого субъекта модернизации».² Объективно, Россия должна использовать (в их разумном сочетании) и то, и другое в рамках так называемой догоняющей модернизации. Прямо скажем, в современной России достаточно экономических, людских, а также интеллектуальных ресурсов для осуществления современной технической модернизации, как это в свое время было осуществлено в бывшем СССР. Социалистическая индустриализация как раз и являла пример успешной технической модернизации Советского Союза в первой половине XX в.

Мы уже говорили о том, что социальная модернизация может быть успешно осуществлена только в рамках закона возвышения потребностей, который требует максимального удовлетворения как первичных (материальных), так и вторичных (духовных) потребностей не вороватого богатого меньшинства, а всех членов современного общества. О невозможности успешного проведения социальной модернизации в рамках капиталистического способа производства (рыночной экономики) говорят следующие данные, характеризующие социальное положение людей наемного труда как на мировом уровне, так и на уровне отдельных стран. Известно, что современный мир — это капиталистический мир, экономическую основу которого, как уже было сказано, составляет частнокапиталистическая форма собственности на средства производства. Из 210 капиталистических стран только 40 (и то условно, в связи с разразившимся мировым кризисом) можно отнести к высокоразвитым (рыночным) странам (т. е. по уровню жизни). Остальные 170 — это бедные страны, где уровень жизни в 10–15 раз ниже, чем в высокоразвитых рыночных странах. Поражает социальный контраст как на уровне мира, так и на уровне отдельных стран. Например, из более чем 7 млрд населения нашей планеты один миллиард — это голодающее население, где дневной доход на одного человека составляет всего один доллар. И на фоне этой нищеты — сверхбогатство. Так, в настоящее время совокупный доход 1226 миллиардеров мира составляет 4 трлн долларов. Вот поистине капиталистический строй — это строй, где одна группа людей стремится жить за счет других. Из-за разразившегося

² *Модернизация* Российского общества: реальность и мифы. Коллективная монография / под ред. А. В. Воронцова и В. Н. Воловича. СПб., 2012. С. 6.

мирового экономического кризиса во многих странах мира (включая США) резко обострились социально-экономические противоречия. В частности, в настоящее время в странах ЕС уровень безработицы превысил 15 %, в США — 10 %. Очень высокая степень безработицы среди молодежи — свыше 50 % (пример тому — Греция, Португалия, Испания). Около 200 млн мигрантов из Азии, Африки, Восточной Европы бродят по миру в поисках работы, а следовательно, средств существования. Ни о какой социальной модернизации нельзя вести речь, и даже на примере такой внешне благополучной страны, как США. Именно в США, по их собственным меркам, пятая часть населения (около 60 млн человек) отнесены к разряду бедных. О глубоком социальном неравенстве в США говорит и такой факт: 1 % населения в США владеет 35 % национального богатства (по расчетам американских лауреатов Нобелевской премии по экономике). Еще более угнетающая социальная картина в нынешней России — капиталистической. Страна, где в прошлом был самый высокий в мире социальный статус человека, сегодня выглядит следующим образом: в отчете о глобальном благосостоянии, представленным банком Credit Suisse, сказано, что по имущественному расслоению населения Россия занимает одно из первых мест в мире. В настоящее время 110 российским миллиардерам принадлежит 35 % национального богатства. Кроме того, в России на 10 % богатого населения приходится свыше 30 % всех доходов. По данным Всероссийского центра уровня жизни, в нынешней России число людей с месячным доходом ниже среднего составляет 83 % населения. Как известно, основным показателем, характеризующим социальную дифференциацию населения той или иной страны, является так называемый децильный коэффициент, характеризующий соотношение доходов 10 % наиболее богатого и 10 % наиболее бедного населения. На сегодняшний день в России децильный коэффициент формально = 1/15, фактически же = 1/35. Для сравнения: в бывшем СССР (а значит, и в бывшей России) децильный коэффициент был равен 1/4. Общеизвестная же в мире предельная величина децильного коэффициента = 1/8.

В настоящее время в России около 80 % работающих — это низкооплачиваемые работники. В России самый низкий уровень пенсий в мире. Россия, будучи самым богатым государством в мире по запасам природных ресурсов, занимает всего лишь 56-е место в мире по уровню жизни и 105-е место — по качеству жизни населения.

Важнейшим показателем социального благополучия любой страны является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); его еще называют Индексом человеческого развития. Структурно ИРЧП включает: уровень жизни населения, уровень и качество образования в стране, продолжительность жизни населения данной страны. Так, бывший СССР по ИРЧП занимал 26-е место в мире, нынешняя Россия 57-е место. Факты говорят сами за себя. Все вышеизложенное еще раз подтверждает тот непреложный факт, что капитализм как исторический способ производства был и остается обществом социального расслоения и неравенства, а капиталистическое государство было и остается эксплуататорским государством. Или, как верно можно заметить, комитетом по управлению делами буржуазии. Поэтому все потуги апологетов капитализма представить капиталистическое государство как «государство всеобщего благоденствия» выглядят не только неправдоподобно, но и фальшиво, поскольку при капитализме основным принципом распределения жизненных благ был и остается принцип распределения не по труду, а по размерам собственности на средства производства. Всё вышеизложенное также со всей убедительностью подтверждает и тот факт, что никакая техническая модернизация, даже с самым современным технологическим укладом, не оказывает по существу никакого влияния на социальную модернизацию, в основе которой лежит прежде всего принцип социальной справедливости, поскольку без справедливости, как об этом писал ещё в V в. Августин Блаженный, «государство превращается в вертеп разбойников». Подобное мы нередко как раз и наблюдаем в современных так называемых рыночных странах.

Техническая модернизация общества при всей её значимости объективно не может решить те задачи, которые стоят перед социальной модернизацией, а следовательно, и перед социальным прогрессом, поскольку она осуществляется (как уже было сказано) в рамках Закона экономии времени. Поэтому основным критерием оценки технической модернизации был и остается уровень развития производительных сил. В отличие от технической модернизации социальная модернизация (как уже было сказано) осуществляется в рамках закона возвышения потребностей. Основным критерием социальной модернизации в связи с этим является степень удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей всех

членов того или иного общества (государства). Отсюда и проблема социальной справедливости, в основе которой лежат распределительные отношения, т. е. способ распределения материальных благ и доходов между всеми членами общества, а не только в угоду кучки нуворишей, как происходит при капитализме.

В свою очередь способ распределения материальных благ и доходов в том или ином обществе напрямую зависит от форм собственности на средства производства. Поскольку при капитализме основной формой собственности на средства производства является частная форма собственности, отсюда и способ распределения доходов в первую очередь по размерам собственности на средства производства (т. е. в пользу капиталистов-собственников) и лишь частично — по труду, т. е. между наемными работниками. Почему — частично — по труду?! Потому что при капитализме основной целью производства является получение собственником средств производства (капиталистом) максимальной прибыли, которая формируется, в первую очередь, за счет неоплаченной части труда наемного работника. В этом смысле ни в одной капиталистической (рыночной) стране (включая и высокоразвитые рыночные страны) уровень заработной платы не соответствует уровню (величине) стоимости рабочей силы. Наибольший разрыв в этом плане наблюдается в нынешней России. Так, по расчетам экономистов, в Российской Федерации средняя величина заработной платы в 5 раз ниже стоимости рабочей силы.

Конечно, если упор делать на первичном распределении доходов (т. е. по размерам собственности на средства производства) при капитализме, то ни о какой социальной справедливости при капитализме и речи не может быть. Здесь выигрывают в первую очередь собственники средств производства — капиталисты. Подобное явление мы наблюдаем и в нынешнем российском обществе, где главный упор сделан именно на первичном распределении доходов, т. е. на распределении по размерам собственности на средства производства. Отсюда — ускоренный рост в нашей стране миллионеров и миллиардеров. Отсюда самая глубокая в мире социальная дифференциация населения. Необходимо подчеркнуть, что степень решения проблемы социальной справедливости в том или ином обществе характеризует не только социальную зрелость данного общества, но и уровень общественного прогресса. В этом плане, вполне

естественно, наиболее социально зрелым обществом является коммунистическое общество, где, как известно, распределение жизненных благ будет осуществляться не по размерам собственности на средства производства, и даже не по труду, а по потребностям индивида (человека). Это в полной мере соответствует модели социальной модернизации, поскольку экономическую основу коммунистического способа производства будет составлять не частная, а общенародная собственность на средства производства. Следовательно, сама сущность социальной модернизации сводится, прежде всего, к модернизации (обновлению) базисных отношений общества, какими и являются производственные (экономические) отношения, в основе которых и лежат отношения собственности на средства производства. Именно модернизация базисных отношений, прежде всего отношений собственности на средства производства, в корне меняет не только экономический, но и общественный строй. Примером тому является нынешняя Россия: стоило в процессе приватизации сменить государственную (общенародную) собственность на частную форму собственности, как автоматически бывшая социалистическая Россия превратилась в капиталистическую. Таковы, как говорят, законы жанра. Необходимо подчеркнуть, что социальная модернизация общества включает не только обновление базисных (экономических) отношений, но и всех без исключения надстроечных отношений: политических, юридических, правовых и даже этических. Ведь то глубочайшее падение морали, которое мы наблюдаем в нынешней буржуазной России, обусловлено, прежде всего, теми качественными изменениями, которые произошли в структуре базисных отношений в связи с переходом общественной формы собственности на средства производства к частной форме собственности, породившей идеологию экономического эгоизма, индивидуализма, а следовательно, и морального беспредела. Именно для капитализма характерным является моральный принцип «человек человеку — волк» (латинское: *homo homini lupus est*). Вполне естественно, повторный исторический возврат России к капитализму трудно назвать социальной модернизацией, скорее, это антимодернизация. Но тем не менее данная антимодернизация произвела глубочайшие изменения в структуре как базисных, так и надстроечных отношений. Модернизация как направленный процесс объективно может быть осуществлена прежде всего в рамках того или иного

государства, каковым является на сегодняшний день и Российская Федерация. Известно, что реально любое общество функционирует, не как некий технологический уклад, а как сложившаяся общественно-экономическая формация, в основе которой лежит тот или иной исторический способ производства, а более конкретно — исторически сложившаяся собственность на средства производства (общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая). Именно исторический способ производства определяет сущность и содержание той или иной общественно-экономической формации, а более узко — его базиса и надстройки. Поскольку, как уже было сказано, в большинстве стран, включая и нынешнюю Россию, определяющей формой собственности на средства производства является частнокапиталистическая форма собственности, постольку в этих странах функционирует капиталистический способ производства, завуалированный под названием «рыночная экономика».

Мы уже говорили о том, что при капитализме с позиции социальной модернизации невозможно достичь какого-либо оптимума, поскольку здесь основной принцип распределения жизненных благ — это распределение по размерам собственности на средства производства, т. е. распределение жизненных благ не в пользу социального большинства (чего требует социальная модернизация), а в пользу социального меньшинства (капиталистов). Конечно, при капитализме, как уже подчеркивалось, существует и частичное распределение жизненных благ по труду, что, однако, не решает проблемы социальной справедливости, а следовательно, и проблемы социальной модернизации. Однако при этом и в рамках нынешнего монополистического капитализма отдельные элементы социальной модернизации в той или иной степени проявляются. Это связано с тем, что в отдельных социально ориентированных рыночных странах наряду с первичным распределением жизненных благ по размерам собственности на средства производства и частично — по труду активно осуществляется вторичное перераспределение национального дохода в пользу остального большинства, что в определенной мере уменьшает степень социального расслоения и неравенства людей в данной стране. Особенно здесь положительно проявила себя так называемая скандинавская социальная модель, основными представителями которой являются такие страны, как Норвегия, Швеция, Финляндия, где уровень жизни населения самый высокий

в мире. Именно в этих странах более или менее эффективно реализуется общеизвестный капиталистический социальный принцип, каковым является Парето-эффективность. Но капитализм есть капитализм, что подтверждает разразившийся мировой экономический кризис. В этих условиях даже в высокоразвитых рыночных странах государство (ради спасения класса капиталистов) открыто пошло на урезание различного рода социальных программ — вплоть до сокращения уровня заработной платы. Пример тому — Греция, Португалия, Испания, Италия. Ярко выраженной антикапиталистической позиции придерживается и нынешний социально ориентированный папа римский Франциск. Так, в недавнем Рождественском послании он пишет буквально следующее: «Как одна из заповедей говорит “не убий”, так и мы должны сказать “нет” экономике, которая выбрасывает людей как нечто ненужное... Всё вокруг основано на законах конкуренции выживания наиболее приспособленных, а массы людей выбрасываются, оставаясь без работы и возможности существовать». И далее папа Франциск свою антикапиталистическую идею развивает следующим образом: «И в этих условиях некоторые продолжают защищать существующую экономическую систему, настаивая, что экономический рост, стимулируемый свободным рынком, принесет справедливость и благополучие для всех. Но эти благообразные перспективы не подтверждаются никакими фактами, а представляют собой грубую и наивную веру в благонамеренность тех, кто сейчас обладает властью, а также в доминирующую экономическую модель, которой приписываются некие сакральные качества». Какая точная и нелюбезная характеристика современной экономической модели капитализма, благообразно именуемой рыночной экономикой! Все это говорит о том, что в рамках капиталистического способа производства социальная модернизация, в основе которой лежит социальная справедливость, объективно не может быть осуществлена до конца. Для этого требуется модернизация, прежде всего, отношений собственности на средства производства, т. е. требуется переход от частнокапиталистической собственности на средства производства к общественной собственности на средства производства, что даст возможность перейти обществу от распределения жизненных благ по размерам собственности на средства производства к полному распределению по труду. Подобное объективно можно осуществить только в рамках обновленного

социалистического способа производства, к чему рано или поздно человеческое общество, реализуя те или иные этапы социальной модернизации, без сомнения придет.

Мы уже говорили о том, что модернизация — это источник социального прогресса, причем имеется в виду и техническая, и социальная модернизация. Если рассматривать социальный прогресс, прежде всего, с позиции поступательного развития человеческого общества, то этому объективно способствует как техническая модернизация (характеризующая уровень развития производительных сил), так и социальная модернизация, характеризующая не только степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, но и степень реализации социальной справедливости в том или ином обществе. Безусловно, в отличие от технического прогресса определяющим критерием социального прогресса является не столько уровень развития производительных сил, сколько уровень (степень) проявления социальной справедливости в том или ином обществе, а более конкретно в той или иной стране (государстве), поскольку, по мнению К. Маркса, «понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции».³ Известно, что сам термин «прогресс» происходит от латинского выражения *progresses*, что в переводе означает движение вперед, а значит, движение от низшего к высшему. Применительно к социальному прогрессу это означает движение от одного исторического способа производства к другому по восходящей линии. Каждый последующий исторический способ производства является более прогрессивным по отношению к предыдущему как по уровню производительных сил (по уровню технической модернизации), так и по формам собственности на средства производства (характеризующей социальную модернизацию). В этом плане не вызывает сомнений, например, тот факт, что капиталистический способ производства был более прогрессивным по сравнению с феодальным. Однако на нынешнем этапе капитализм как исторический способ производства себя изжил, поскольку он уже лишился внутренних источников самодвижения и саморазвития, ярким доказательством чего являются постоянно повторяющиеся глубокие экономические кризисы, которые буржуазное государство уже не в силах обуздать. Поэтому переход от социалистического способа производства (что

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

произошло с бывшими социалистическими странами) к капиталистическому (рыночной экономике) — это уже движение от высшего к низшему, это уже регресс, а не прогресс. И как бы нас апологеты капитализма ни убеждали в обратном, любому здравомыслящему человеку ясно, что уровень социальной модернизации (т. е. социальной справедливости), например, в бывшем СССР, на порядок был выше, чем в нынешней капиталистической России. Это очевидный факт. Чего стоят такие элементы социальной модернизации в бывшей Советской России, как распределение жизненных благ по труду, а не по размерам собственности на средства производства, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, культурная революция, отсутствие безработицы и многое другое, что при капитализме недостижимо в принципе! Нельзя путать в этом плане уровень технической модернизации и уровень социальной модернизации. Да, в некоторых капиталистических странах уровень технической модернизации был даже выше, чем в социалистических странах. Однако по уровню социальной модернизации любая социалистическая страна превосходила любую капиталистическую страну, поскольку в любой социалистической стране уровень социальной справедливости был выше, чем в любой капиталистической стране. Ведь именно уровень социальной справедливости, как мы уже говорили, является определяющим критерием для социального прогресса, поскольку социальный прогресс, как и социальная модернизация, развиваются, прежде всего, в рамках закона возвышения потребностей. Что же касается закона экономии времени, то для социального прогресса он носит всего лишь опосредованный характер, являясь не основным, а вспомогательным источником социального прогресса. Таковы диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность глобальных начал развития человеческого общества: модернизации, с одной стороны, и социального прогресса — с другой.⁴

⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // www.economy.gov.ru.

ГЛАВА 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОРОДАХ, А НЕ ВЫВОД ПРЕДПРИЯТИЙ В ЗОНЫ

К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» сделал акцент на практической преобразующей деятельности человека, подчеркнув: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».¹ Но изменение изменению рознь. Как учит материалистическая диалектика, изменения бывают различного характера. Изменения, которые способствуют общественному развитию, называются прогрессивными, а противоположные, ведущие к деградации общества, называются регрессивными, реакционными.

Говоря о развитии России, необходимо прежде всего сказать о развитии городов, ведь в них сейчас проживает более 70 % населения России. Процесс переселения людей из сел в города уже в основном завершился, и надо думать о том, чтобы у нас село не пропадало, не уничтожалось. Но каким образом мы будем это осуществлять? На основе развития отечественной промышленности или путем закупки за границей комбайнов и тракторов? На основе чего мы будем развивать наше сельское хозяйство, Дальний Восток, завоевывать неосвоенный Север? Как мы собираемся решать те объективные задачи, которые стоят перед Россией, которые исторически сложились в связи с ее территорией, историей, в связи с ее интересами основных классов и групп? Вроде бы всем понятно, что такое город. Но надо это выразить в понятиях.

Основой существования общества является экономика, т. е. производство. Какое производство является решающим — промышленное или сельскохозяйственное? Сельскохозяйственное производство является условием развития промышленного производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

Но главную опору и основу развития представляет собой крупное машинное производство, которое развивается в городах.

Крупное машинное производство предполагает наличие квалифицированных рабочих кадров, инженерно-технического состава, наличие конструкторов, прикладной науки по той причине, что, как писал Маркс, производство превратилось в технологическое применение науки. Продукт современного материального производства — это идея, воплощенная в металле.

Первый этап производства — разработка идеи продукта, а потом уже включается конструкторская, проектная мысль, только после этого начинается собственно производство. Основу технической культуры, технического образования, основу развития технической интеллигенции составляет крупная городская промышленность. Вокруг крупной промышленности, технической интеллигенции развивались научные центры. Эти научные прикладные центры предполагают фундаментальную науку, а она существует в крупных городах. Хотя в отдельных случаях некоторые подразделения выводятся и в какие-то уголки природы, чтобы там, в тишине, творить для того, чтобы результат этих творений принести опять-таки в крупную городскую промышленность. Иначе ученые «задыхаются».

Отчего «задыхается» Академия наук? На нее нападают, говоря, что ученые ничего не делают. Потому что государство фундаментальных задач по развитию промышленности перед Академией наук не ставит. Потому что стимулом развития науки являются не выплаты каких-нибудь средств, а крупные идеи, крупные государственные задачи, которые решают с помощью науки.

Вокруг крупной промышленности, где сосредоточен квалифицированный рабочий класс, сосредотачиваются научно-технические, научно-образовательные центры. Начинают развиваться и учреждения культуры: театры, концертные залы, крупнейшие библиотеки, в которые идут специалисты, рабочие, ученые, инженеры, техники, конструкторы.

Кроме того, в городах должна быть организация, которая обслуживает производство, т. е. банки, которые в отличие от современных ростовщических контор накапливают временно свободные в хозяйственном обороте средства и направляют их туда, где есть их временный недостаток.

Понятно, что в городах должна быть и торговля.

Однако сегодня невидимые городские начальники, рассчитывая не на отечественное производство, а на покупку зарубежных товаров, упрямо пытаются вывести промышленные предприятия из городов. Иными словами, из той социальной пирамиды, которую образует город, они стремятся выбить самое нижнее, основное звено, после чего неминуемо начнется разрушение городов. А как может существовать прикладная наука в промышленной зоне около помоек (где, например, расположен завод «Ниссан»). Территория этого предприятия называется вполне правильно — промышленная «зона». Поэтому рассыпается вся система подготовки кадров. Кто из квалифицированных рабочих, которым уже за 50 лет и более, добровольно поедет в «зону»? Никто. Туда поедут средства производства, хоть и новые, но без подготовленных кадров, и производство тогда будет умирать.

Совсем закрывать заводы сейчас как-то не принято. Поэтому предприятия выводят куда-то с глаз долой, а потом про них забывают. Например, Инструментальный завод в Сестрорецке: сначала его сделали не оборонным, а инструментальным, территорию, здания и оборудование продали американцам, а завод как бы не закрыли, и якобы переводят в Конную Лахту. А там даже нет возможности подвести электричество. Просто американская фирма купила Сестрорецкий завод — тем самым она купила землю, уничтожила конкурента и на этом все. Но Сестрорецкий завод сдает в аренду своим бывшим работникам часть помещений и оборудования и еще жив.

Если убрать из городов промышленность, захиреет прикладная наука, начнет хандрить лишенная связи с прикладной и фундаментальной наука. Тем более, что ее сейчас начали бить сверху. На чем она могла бы выстоять? Только на том, что она свои достижения внедряла бы в производство, в том числе и оборонное.

Таким образом, люди, которые сегодня выступают против крупного производства в городах и говорят, что производство должно быть куда-то вывезено, — это разрушители России.

В таких условиях работники, организованные в профсоюзы, — это основная сила, которая может — в том числе через забастовочную борьбу, выдвижение требований, соответствующее давление на все звенья государственного аппарата, при поддержке тех политических организаций и партий, которые действительно являются защитниками интересов народа и России, — остановить это разрушение и действительно стимулировать развитие.

Отсюда вывод, что профсоюзы должны всеми средствами, какие у них есть, бороться против того, чтобы предприятия выводили из городов. Бороться не только против данной негативной тенденции и ее носителей, но и непосредственно за развитие городов как центров крупного промышленного производства.

У рабочего класса есть экономические интересы. Экономические интересы рабочего класса — самые передовые. Они состоят в том, чтобы уничтожить любое социальное неравенство: и национальное, и экономическое, уничтожить деление на классы и прийти к обществу, в котором обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества является целью производства.

А если мы имеем дело с производством, в котором есть частная собственность и частный капитал, то здесь, естественно, капиталисты должны создать резервную армию труда, и если им не удастся привезти рабочих из других регионов, то все равно будет конкуренция среди безработных. Специально создают резервную армию труда, о чем написано в первом томе «Капитала» Маркса, для того, чтобы за спиной рабочих стояли люди, всегда готовые в любой момент заменить работника, как только он станет для работодателя негодным. Поэтому выход только один — объединение рабочих в единое целое, в единые профсоюзы и политическую партию рабочего класса, также монополизация борьбы за свои интересы. Тогда можно успешно противодействовать негативным тенденциям.

А вот задача, которую ставят недалекие собственники средств производства, — привезти сюда гастарбайтеров, чтобы они конкурировали с местными рабочими гораздо меньшей зарплатой. И это незаконно в городах труднее осуществлять, чем в неких зонах, куда стремятся отправить предприятия, чтобы изолировать рабочих от солидарной поддержки работников других предприятий.

Поэтому не случайно в решениях Российского комитета рабочих записано, что надо объединяться не в профсоюзы по национальному принципу, а в единые профессиональные союзы и требовать одинаковой платы для всех. И представители профсоюзов должны разъяснять рабочим, какую зарплату они должны требовать и как сделать так, чтобы их не обманули. Ведь капитализм — товарное хозяйство, в котором и рабочая сила является товаром. Поэтому заработная плата как цена рабочей силы должна устанавливаться на уровне ее

стоимости, определяемой стоимостью жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства работника и членов его семьи. Такая задача зафиксирована в Программе коллективных действий профсоюзов.

Обратимся к позитивному опыту борьбы московских рабочих. Есть такая организация «Донстрой», объединяющая тридцать тысяч работников. Из них одна тысяча москвичей — русских, которые работают на автомобилях, на бульдозерах, на кранах, на всей технике и на автобусах, которые привозят гастарбайтеров и увозят их из общежития на работу и в общежитие после работы. Забастовали только русские рабочие, но производство по этой причине полностью остановилось. Рабочие требовали прекратить нелегальное использование работников. После этого прокуратура по требованию русских рабочих заставила руководство компании оформить все индивидуальные трудовые договоры — в итоге прекратилось то страшное безобразие, которое там было. Когда разразилась забастовка, тогда и депутаты пришли. С нелегальным трудом в компании было покончено. И это было сделано профсоюзами в порядке забастовки, в порядке борьбы за общие интересы. Поэтому и сердцем, и умом надо бороться за общие интересы рабочих и не давать раскалывать себя ни по национальному, ни по какому иному принципу.

Что называется рабочей силой? Рабочей силой называется совокупность физических и духовных потенций, которые пускаются каждый раз в ход для производства материальных благ. Поэтому считать стоимость рабочей силы нужно исходя из тех условий, в которых работники пускают в ход свою рабочую силу. Когда в Балахне Нижегородской области определяли стоимость рабочей силы, то учли, что там затраты на жилье ниже, чем в Санкт-Петербурге, поэтому и уровень нормальной зарплаты будет существенно ниже. Но каждый раз при расчете нужно решать задачу обеспечения нормального воспроизводства, т. е. не только не ухудшающего положение, но и обеспечивающего не просто осуществление труда, а развитие работника. Конечно, берутся условия той страны и того региона, для которых производится расчет.

Концентрация промышленного производства в городах позволяет успешнее бороться за повышение зарплаты до нормального объективно обусловленного уровня. Но нет зарплаты без работы — все профсоюзы должны заниматься борьбой за сохранение и развитие

городов как промышленных центров России, потому что это и есть борьба за Россию. Недавно вышел новый фильм о защите Сталинграда. Сталинград нужно защищать и сейчас, причем буквально, как промышленный город. Так же нужно защищать и другие города. Сейчас все крупные заводы в плохом состоянии, а что построено нового? Ничего. Так, по крайней мере, надо не дать уничтожить то, что еще осталось.

Первичные, «низовые» профсоюзы должны требовать от своих объединений профсоюзов и от других профсоюзов, чтобы они свою работу вели не как отдельные организации. Профсоюзная надстройка пусть думает и заботится о сохранении производства в целом. Только тогда можно думать о том, какие условия у нас на производстве, если оно есть. А если не будет производства, о чем тогда говорить?

Больше всего заинтересован в сохранении промышленных предприятий рабочий класс. Только при наличии промышленных предприятий будет рабочий класс. И только тогда можно будет всерьез говорить о быстром общественном развитии.

Развитие — это движение от низшего к высшему, от простого к сложному. Капиталистическое развитие в мире идет, несмотря на то что у нас империализм, стадия капитализма, при которой во всех отношениях наряду с развитием происходит и загнивание. Во всяком развитии есть и регресс. А прогрессом называется такое направление развития, которое совпадает с направлением развития. Ведь чистого развития без регресса не бывает никогда. Развитие капитализма в мире идет, но может так получиться, что все плоды такого развития окажутся в других странах. А здесь будет пустыня. Если мы не хотим этого, а, напротив, хотим сохранить опыт, основы, объективные и субъективные предпосылки для развития России, нужно сохранить рабочий класс. Для этого необходимо сохранить производство, ибо человек, лишившись работы, лишается основы своего дальнейшего существования.

Развитие промышленности, прежде всего в городах, с использованием современных экологически чистых технологий — это основа развития рабочего класса, основа его действий и решения всех политических вопросов, а в итоге основа возрождения и развития России.

ГЛАВА 8

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1. Проблема оценки социальных преобразований. Социальные преобразования — постоянно повторяющееся в жизни общества явление. И как таковое оно является закономерным, существенным и сущностным. Поэтому как бы кто ни относился к преобразованиям, они объективны и необходимы для всякого общества. Другое дело — для кого они необходимы: для всех членов общества или для индивидов.

Многообразная научная и публицистическая литература показывает, а практика подтверждает, что не всегда все члены общества хотят преобразований, а тем более участвуют в них или поддерживают их морально. Кроме того, разные преобразования поддерживают разные слои общества; порой преобразования приводят к острым гражданским противостояниям вплоть до вооруженной борьбы. Вот здесь и возникает проблема оценки социальных преобразований, которая заключается в том, что эти оценки также многообразны, а иногда противоположны, как и многообразны и затрагиваемые данными преобразованиями интересы. А полемика по оценке тех или иных преобразований продолжается десятилетиями и столетиями. Так, реформы Никона (середина XVII в.) раскололи православное население России на века, а эхо раскола долетело до XXI в. Преобразования Петра I коренным образом повлияли на Россию XIX в., а полемика продолжается и по настоящее время. Острым до настоящего времени является спор о личности П. Столыпина: одни его проклинают, а другие восхваляют. А идейная борьба вокруг преобразований Ленина и Сталина просто вплетена в современную жизнь как ее живая составляющая. Сегодня, глядя на уничтожение памятников Ленину, люди вновь чувствуют связь с вождем мирового

пролетариата: одни отрицательную, а другие — положительную: он участвует в современной борьбе, он жив, если его так ненавидят и хотят уничтожить.

Наконец, продолжаются, и не скоро еще закончатся, споры о реформах М. Горбачева и Б. Ельцина, затронувших материальные и духовные интересы миллионов людей — сторонников и противников новой рыночной экономики, капиталистического общества, буржуазных ценностей.

Поэтому остро стоит вопрос: как и в чем найти основания, которые стали бы критерием для истинной и глубокой оценки социальных преобразований, которая отвечала бы интересам и мнениям убедительного большинства членов общества и совпадала бы с интересами общественного развития.¹

2. Определение и разделение социальных преобразований. Для того чтобы найти основания оценки преобразования, во-первых, следует выделить из массы форм изменений общества такие, которые можно *определить* как социальные преобразования, а не как случайные или внешние изменения. Во-вторых, необходимо осуществить разделение и классификацию социальных преобразований. В-третьих, надо рассмотреть их параметры и влияние на общество, социальные группы и личности. В результате такого рассмотрения можно получить основания для оценки социальных преобразований как критерии оценки каких-то конкретных исторических преобразований.

Что касается определения социальных преобразований, то нужно сказать: *социальные преобразования — это целенаправленное изменение всего общества или его крупных сфер в сторону прогрессивного исторического развития.* Конечно, изменение важных сфер жизни общества (образование, медицина, социальное обслуживание и т. д.) отражается опосредствованно и на всем обществе, но это уже другой вопрос. В то же время изменение таких сфер жизни общества, как экономический строй и государственное устройство, непосредственно влияют на все общество сразу. Поэтому важно различать и учитывать, в какой сфере проводятся социальные

¹ Сразу, однако, можно сказать, что абсолютно всеми принимаемой оценки социальных преобразований не найти — всегда кто-нибудь будет несогласным. Однако объективные и необходимые основания такой оценки вполне можно сформулировать.

преобразования, поскольку они различаются по широте охвата интересов людей. Ведь одни преобразования касаются пенсионеров или учащихся, а другие — экономически активного населения или даже всего населения. При этом важно учитывать и глубину преобразований, а именно влияние на качество экономических интересов и степень влияния на жизнь отдельных членов общества. Ведь одни преобразования касаются только налогов на добычу полезных ископаемых, а другие — налогов на приватизацию жилья или национализацию собственности.

Учитывая это, следует все преобразования разделить сначала на две большие категории: на коренные, фундаментальные социальные преобразования, затрагивающие все общество в целом или его главные сферы — экономический и политический строй, и некоренные, текущие преобразования, которые касаются, как правило, отдельных областей общественной жизни и не затрагивают фундаментальных основ общества. Первые обычно называются революциями, вторые — реформами. Поскольку революции исследовались больше и подробнее, остановимся на них лишь вкратце.²

Революции — это такие социальные преобразования, которые изменяют само качество общества, его экономический и политический строй. Соотношение экономического изменения и политического переворота (*revolt*) может быть различным по порядку и растянутости во времени, но эти два момента всегда связаны между собой. Завершение их в конкретном единстве означает переход к новой формации. Этим революция отличается от реформы, поскольку реформа — изменение лишь формы общества. Оно, при реализации крупных реформ, опосредствованно влияет и на сущность общества, но не изменяет его качества. Другое дело, что реформы могут вести к революции, как происходило в России после 1861 г.

Непонимание этих простых моментов ведет к многим заблуждениям в оценке так называемых «цветных революций», в том числе к страхам перед «оранжевой революцией» в России или в Украине. Пресса буквально запугала обывателя «оранжевой чумой». Конечно,

² Преобразования в виде революций исследовались автором в другой работе — «Революция как качественное преобразование самоорганизации гражданского общества» (Казеннов А. С. Революция и современность. Сб., посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В. А. СПб., 2001).

«оранжевой напасти» надо опасаться, поскольку теперь уже очевидно, что за ее спиной стоят западные коричневые силы. Но революциями перевероты в Египте, Тунисе, Ливии, Грузии, Украине не являются, так как в этих государствах не произошла смена экономического и политического строя. Там не произошла и контрреволюция. Ведь контрреволюция в капиталистическом обществе — это переход к феодальным экономическим отношениям. Такой переход теперь уже невозможен, ибо невозможен класс мелких земельных частных собственников даже в Африке. Революция теперь может быть только коммунистической. А в указанных странах осуществлены реакционные политические перевероты с помощью экспортного фашизма. К власти на первых порах пришли реакционные националистические и просто бандитские режимы. Под английское слово *revolt* они тоже подпадают, поскольку оно означает также «бунт» и «мятеж», но революциями в смысле понятия они не являются. Кроме того, понятие «революция» исторически приобрело значение чего-то положительного для основной массы рядового населения. А события в отмеченных странах имеют явно отвратительный для рядового большинства характер. Отсюда вытекает и их оценка: это реакционные, националистические, антигуманные перевероты, направляемые внешними фашистскими силами.

Что же касается собственно социальных преобразований, то их надо разделить, во-первых, на *завершенные* и *незавершенные*. Ибо среди них имеются и незавершенные (как, например, реформы П. Столыпина), но приведшие к крупным изменениям в обществе и даже к катастрофам. Во-вторых, надо учесть и то, *кто является субъектом преобразований и кто — получателем выгод и преимуществ* от соответствующих преобразований. В революциях этот вопрос решается просто: субъектом преобразований являются класс и его партии, и выгоды также получает класс (хотя опосредствованно прогрессивный класс несет выгоды также и всему обществу). А в реформах имеется многообразие: субъектом может выступить или глава государства (лидер партии), или правительство (партия), или класс, или даже народ; выгоды же также могут получить разные группы: или слои народа, или господствующие классы, или отдельные части господствующего класса. В-третьих, реформы следует различать на *совпадающие с направлением общественного прогресса, более или менее безразличные к прогрессу и противоречащие*

прогрессу. Например, многие реформы Наполеона соответствовали общественному прогрессу, и Франция в начале XIX в. стремительно развивалась. Выгоды получили французское крестьянство, французские предприниматели и, в конце концов, все общество. Точно так же было и в России при Александре II. Свободу, пусть и ограниченную (и без земли) получили крестьяне, права самоуправления получили земства, расширился круг рабочих и предпринимателей. А реформы в процессе перестройки конца XX в. в России не соответствовали общественному прогрессу, экономика задышалась от их рыночных реформ и, в конце концов, была разрушена этими самыми реформами. В результате масса русского населения оказалась за границей, возникло и два десятилетия продолжалось вымирание населения, возникли массовая бесконтрольная иммиграция, снижение уровня жизни населения и т. п.

Вот эти различия и являются основаниями для оценки социальных преобразований. Во всех этих основаниях просвечивает одна постоянная определенность, которая и позволяет объединить их чем-то целым, а именно: гуманистической сущностью, поскольку за всеми положительными реформами стоит все увеличивающаяся масса людей, получающая выгоды или преимущества от процесса социальных преобразований. Иными словами, там и тогда, где и когда реформы носят положительный характер, имеются массовый субъект преобразований и широкая народная поддержка преобразований, народ получает выгоды или преимущества в сравнении с предшествующим состоянием, социальные преобразования носят гуманный и гуманистический характер. Там же, где реформы проводят узкие группы в интересах немногочисленных, часто уже привилегированных слоев, преобразования часто остаются незавершенными, вредными для большинства населения, губительными для общества и самих инициаторов и, в конце концов, антигуманными и противоречащими общественному развитию.

3. Гуманистические критерии оценки социальных преобразований. Отсюда вытекают гуманистические критерии оценки социальных преобразований. Преобразования должны быть гуманистическими, т. е. совпадать с развитием общества, а развитие общества — с развитием человеческого рода. Для этого они должны:

— давать выгоды или преимущества широким массам людей по сравнению с их прошлым состоянием;

— быть сознательными, включающими широкие круги обсуждающих и реализующих эти преобразования членов общества;

— быть завершенными с положительным для большинства граждан результатом;

— гарантировать улучшение состояния общества и положения любого отдельного гражданина;

— гарантировать общественный прогресс.

Кроме того, проект реформ должен включать ответственность разработчиков и проводников реформ перед обществом за итоги реформ.

Эти положения можно считать критериями гуманистического характера реформ.

ГЛАВА 9

УВЕЛИЧЕНИЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Современное общественное производство справедливо характеризуют как инновационное, динамично прогрессирующее. Безусловно, такая характеристика должна быть подтверждена применением адекватных критериев.

Чаще всего в качестве подобного критерия рассматривается экономический рост, т. е. динамика общественного продукта. Однако продукт — средство удовлетворения общественных потребностей. Средство не должно замещать цель, когда речь идет об оценке развития общественного производства, образующего материальную основу жизни общества.

Адекватным критерием является величина свободного времени как времени для свободного развития человека. Субстанцией свободного времени выступает экономия рабочего времени общества, что позволяет рассматривать свободное время в качестве результата общественного производства. Хотя отмеченный результат не входит в целевую установку капиталистического производства, но именно он непосредственно характеризует условия для формирования и развития человеческих способностей.

С повышением производительности труда в единицу времени для удовлетворения фиксированной общественной потребности требуется меньшее количество рабочего времени. В результате возникает тенденция к сокращению общего фонда рабочего времени, что позволяет высвободить время для непроизводственной социальной деятельности, удовлетворяющей интеллектуальные, эстетические и иные потребности общества. Достижимое благодаря этому развитие работников способствует дальнейшему росту общественной производительности труда.

После утверждения господства крупной машинной индустрии повышение общественной производительности труда ускори́лось настолько, что рост общественного продукта стал многократно опережать увеличение фонда рабочего времени общества. Например, в течение XX в. при росте численности населения в мире с 1,6 млрд человек до 6 млрд мировой объем выпуска обрабатывающих производств увеличился в 50 раз, тогда как численность занятых в этих производствах — в 6,5 раз, причем количество времени, отработанного в расчете на одного занятого за год, сократилось.

Следует также учитывать, что обрабатывающие производства определяют динамику развития не только промышленности, но и всего материального производства в целом. Именно здесь создаются прогрессивные машины и оборудование, позволяющие экономить непосредственно производительный труд во всех остальных сферах экономической деятельности.

Вот почему объемы высвобождения труда из сферы материального производства в индустриальных странах стали существенно превышать прирост общего фонда рабочего времени. В итоге суммарное время непроизводительной социальной деятельности общества впервые в истории превзошло общий фонд рабочего времени, и это превосходство закономерно укрепляется, став в промышленно развитых странах трех- четырехкратным.

Больше того, в странах — лидерах НТП фонд производительного труда сокращается не только относительно фонда непроизводительной социальной деятельности, но и абсолютно. При этом повышение производительности труда в материальном производстве, прежде всего, в промышленности данных стран, как правило, опережало уменьшение фонда рабочего времени, что обеспечивало рост выпуска общественного продукта, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

С учетом того, что промышленный труд образует основную долю фонда производительного труда современного общества, следует констатировать: для капиталистических стран — лидеров инновационного развития типично абсолютное уменьшение общего фонда рабочего времени в материальном производстве. Его абсолютное уменьшение вполне совмещается с удовлетворением общественных потребностей, растущих вследствие как их возвышения, так и возрастания численности населения этих стран. Таков закономерный результат прогресса общественной производительности труда в условиях широкомасштабного использования достижений НТП в экономике.

Динамика объема промышленного производства, производительности труда и общих затрат труда в промышленности ряда экономически развитых стран за 2002–2007 гг. (в %)

	Велико- британия	Корея	США	Франция	ФРГ	Швеция
Динамика объема промышленного производства	+0,1	+42,8	+10,4	+3,0	+19,8	+18,1
Динамика производительности труда	+20,2	+36,6	+27,1	+15,2	+23,1	+34,2
Динамика затрат труда	-18,1	-9,9	-8,1	-8,1	-5,3	- 5,1

Источник: рассчитано по данным ОЭСР.

Тот факт, что в странах — лидерах НТП относительное сокращение совокупного рабочего времени сопряжено с его абсолютным уменьшением, демонстрирует перспективу прогресса мирового производства.

Таким образом, в инновационной экономике общественная норма рабочего времени в расчете на одного работника производительного труда устанавливается в условиях абсолютного уменьшения совокупного фонда рабочего времени. При этом произведенный общественный продукт возрастает, в том числе в расчете на душу населения, что служит экономической основой повышения уровня реального содержания заработной платы. Таков закономерный результат повышения общественной производительности труда.

Закономерность уменьшения общественного фонда производительного труда при росте общественного продукта еще не предопределяет динамики нормальной продолжительности рабочего времени отдельного работника. В расчет также следует принять величину занятости и ее изменение.

**Динамика затрат промышленного труда,
занятости в промышленности, времени,
отработанного в расчете на одного занятого в экономике за год,
реальной зарплаты за год в ряде промышленно развитых стран
за 2000–2007 гг. (в %)**

	Велико- британия	Корея	США	Франция	ФРГ	Швеция
Динамика затрат промышленного труда	-26,1	-9,4	-19,6	-13,6	-9,3	-8,7
Динамика занятости	-2,2	+1,9	-8,3	-7,1	-6,9	-3,9
Динамика отработанного времени	-1,4	-8,2	-2,1	-2,5	-3,3	-1,5
Динамика реальной зарплаты	+13,2	+18,9	+8,7	+8,4	+1,5	+13,8

Источник: рассчитано по данным ОЭСР.

Как свидетельствуют приведенные данные, для индустриально развитых стран типичным является сокращение общего фонда рабочего времени в промышленности в сочетании с уменьшением, более медленными темпами занятости в ней. Такой вариант сопровождается снижением продолжительности времени, отработанного за год в расчете на одного работника.

В рамках данного периода только в Корее снижение объема совокупного рабочего времени в промышленности сочеталось с увеличением занятости в ней. Как и следовало ожидать, это способствовало достижению более высоких темпов сокращения времени, отработанного каждым.

Несомненно, в условиях, когда новые технологии и техника требуют повышения квалификационно-образовательного уровня рабочих, их ответственного и творческого отношения к труду, сокращение рабочего времени является не только возможностью, но и необходимостью.

Из данных табл. 2 следует также, что в условиях современного капитализма сокращение затрат труда в материальном производстве выступает преимущественно в форме сокращения занятости в нем. Так, темпы сокращения занятости в промышленности превышали темпы сокращения рабочего времени в расчете на одного занятого в ней в США почти в 4 раза, во Франции — в 2,9 раза, в Швеции — в 2,6 раза, в ФРГ — в 2,1 раза и в Великобритании — в 1,6 раза.

Тем самым подтверждается известное теоретическое положение: «Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе производимого труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его сила возрастает с накоплением капитала».¹

Таким образом, реализация потенциала инновационной экономики означает уменьшение не только времени производительного труда общества в целом, но и времени труда каждого рабочего. Это задает закономерную направленность динамики нормальной продолжительности рабочего времени.

Экономия труда в сфере материального производства закономерно используется и для того, чтобы снизить общее количество отработанного времени за трудовую жизнь. В. В. Леонтьев справедливо отмечал: «Рост производительности труда, не приводя с неизбежностью к вынужденному безделью, конечно, имеет своим результатом устойчивое снижение числа лет и часов, которое средний американец затрачивает на то, чтобы зарабатывать себе на жизнь».²

Целесообразно различать номинальную величину трудового стажа и реальную. Номинальная характеризует общий период трудоспособности, в рамках которого осуществляется труд нормальной продолжительности, реальная определяется суммарной величиной отработанного времени за номинальный период трудоспособности.

Номинальная продолжительность трудового стажа не предполагает однонаправленного изменения с закономерным сокращением

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 649.

² Леонтьев В. В. Экономическое эссе. Теория, исследования, факты и политика / пер. с англ. М., 1990. С. 195.

рабочего времени. Дело в том, что рост общественной производительности труда, способствуя повышению материальной обеспеченности работников, оздоровлению условий их труда, увеличению свободного времени, ведет к продлению их жизни, включая время трудовой активности. При таких условиях сокращение нормального периода трудоспособности вступало бы в противоречие с разумной потребностью членов общества трудиться.

Динамика же реальной продолжительности трудового стажа подчиняется закону экономии рабочего времени. С развитием общественного производства общая величина отработанного времени за период трудоспособности у каждого последующего поколения должна снижаться в пользу увеличения суммарного свободного времени.

Межстрановые сопоставления способны выявить расхождения в относительных величинах номинального и действительного трудового стажа. При этом номинальный стаж можно рассчитать, сравнив средний эффективный возраст выхода на пенсию, который, как правило, не совпадает с установленным законом, и типичный возраст вступления в трудовую жизнь. Первый показатель содержится в статистике ОЭСР, второй приблизительно устанавливается, исходя из среднего количества лет, затрачиваемого на обучение, и принимается для вышедших на пенсию в 2012 г. в экономически развитых странах за 19 лет. Действительный стаж определяется суммированием годовых значений среднего отработанного времени за период номинального стажа. Результаты расчетов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Номинальный и действительный трудовой стаж работников, вышедших на пенсию в 2012 году, в экономически развитых странах

	Номинальный трудовой стаж (годы)	Действительный трудовой стаж (час)
Великобритания		
мужчины	44,7	84 355
женщины	44,2	83 386
Италия		
мужчины	42,1	80 149
женщины	41,5	79 192

Корея		
мужчины	52,1	113 932
женщины	50,8	110 209
Нидерланды		
мужчины	44,6	69 173
женщины	43,3	668 25
Норвегия		
мужчины	45,8	72 963
женщины	45,3	72 046
США		
мужчины	46	86 200
женщины	46	86 200
Франция		
мужчины	40,7	68 521
женщины	41	69 112
ФРГ		
мужчины	43,1	70 693
женщины	41,6	67 804
Швеция		
мужчины	47,1	76 341
женщины	45,2	73 272
Япония		
мужчины	50,1	103 045
женщины	47,7	97 662

Источник: рассчитано по данным ОЭСР.

Как видно из приведенных данных, относительная величина номинального трудового стажа далеко не всегда соответствует относительной величине действительного. Например, в Италии среднее количество лет трудовой активности меньше, чем в других странах, исключая Францию. Вместе с тем фактически отработанное время превосходит аналогичный показатель большинства рассматриваемых стран.

В Швеции номинальный трудовой стаж приблизительно одинаков со стажем работников США, однако действительный меньше американского более чем на 10 %.

В среднем (для женщин и мужчин) самый короткий действительный стаж в Нидерландах сочетается с относительно продолжительным номинальным.

Лишь в случае Кореи, Франции и Японии экстремальному значению номинального стажа соответствует аналогичное значение действительного.

Следовательно, только по количеству лет формальной трудоспособности нельзя судить о фактически отработанном времени. Между тем последнее имеет решающее значение с точки зрения условий для развития работников.

Расхождение в этих относительных величинах еще не выявляет динамики отработанного времени за период номинального стажа. Для ее оценки необходимо, прежде всего, учесть изменения объемов отработанного времени.

Таблица 4

Объем отработанного времени в расчете на одного занятого в экономически развитых странах (час)

	1970–1979 гг.	1980–1989 гг.	1990–1999 гг.	2000–2009 гг.	2010–2012 гг.	всего
Великобритания	18 726	17 487	17 341	16 766	4931	75 251
Италия	19 312	18 734	18 661	18 211	5296	80 214
Корея	н.д.	28 693	26 116	23 757	6440	85 006
Нидерланды	16 795	15 050	14 468	14 017	4147	64 477
Норвегия	17161	15 428	14 923	14 224	4254	65 990
США	18 605	18 259	18 354	18 019	5355	78 592
Франция	18 802	16 887	16 048	14 904	4441	71 082
ФРГ	18 229	16 514	15 301	14 318	4202	68 564
Швеция	15 400	15 506	16 221	16 085	4892	68 104
Япония	21 756	20 982	19 090	17 843	5206	84 877

Источник: рассчитано автором по данным ОЭСР.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в экономически развитых странах доминирующей тенденцией является снижение от десятилетия к десятилетию суммарной продолжительности времени, отработанного за год в расчете на одного занятого. Исключение составляют 1990-е гг. в США и 1980–1990-е гг. в Швеции.

Указанная динамика отражает не только сокращение рабочего времени полностью занятых, но и распространение практики частичной занятости. Однако, как показывают наши расчеты по данным ФРГ, у занятых полное время трудовая нагрузка в рамках анализируемых десятилетий сокращалась приблизительно такими

же темпами, как и в среднем у всех занятых. Правда, ее общая величина (71 793 час) была почти на 5 % выше указанной в таблице.

Сказанное позволяет предположить, что действительный трудовой стаж работников этих стран имеет тенденцию к понижению, поскольку период трудоспособности у разных поколений охватывает десятилетия, существенно различающиеся по объемам отработанных часов.

Для более точной оценки необходимо учесть динамику номинального трудового стажа в рассмотренных странах. Что касается среднего эффективного возраста выхода на пенсию, то в странах ОЭСР с 1970 г. по 1998 г. он снизился с 68,4 года до 63,2 года для мужчин и с 66,4 до 61,1 для женщин. С 1999 г. происходило его некоторое увеличение — до 63,9 года для мужчин и 62,6 — для женщин в 2011 г. Расширение охвата молодежи высшим образованием в последние десятилетия в определенной степени нейтрализовало тенденцию к увеличению номинального трудового стажа.

В ФРГ работники, выходявшие на пенсию в 2012 г., по нашим расчетам, отработывали за трудовую жизнь около 70 000–75 000 часов — против 120 000, отработанных пенсионерами 1970 г. Действительный трудовой стаж работников 1951 г. рождения был на 3 % меньше, чем у работников, родившихся в 1941 г. Тенденция к сокращению суммарного времени, в среднем отработанного одним работником за трудовую жизнь, была типична и для других экономически развитых стран в течение XX в. и в начале XXI в.

Тем самым для современных индустриально развитых стран закономерно увеличение свободного времени не только в рамках суток, недели, года, но и на протяжении всего трудового стажа. Так, в полной мере раскрывается роль увеличения свободного времени как критерия развития общественного производства.

С этой точки зрения целесообразно оценить динамику общественного производства в России.

До начала 90-х гг. в российской экономике происходил рост объемов промышленного производства. Так, с 1980 по 1987 г. промышленный выпуск в РСФСР увеличился на 28 %. Повысилась и производительность труда в промышленности — на 27 % за тот же период. Такая направленность изменения важнейших экономических показателей характерна для индустриально развитых стран.

Но динамика фонда производительного труда имела в РСФСР существенную специфику. С учетом того, что количество рабочих

в промышленности республики с 1980 г. по 1987 г. возросло на 0,1 %, а количество отработанных рабочих дней — на 0,5 %, можно констатировать, что общий фонд производительного труда в промышленности в абсолютном выражении не сократился. Его консервация не типична для стран — лидеров инновационного развития.

Повышение производительности труда в этой ключевой сфере материального производства было использовано для увеличения выпуска продукции и для роста численности работников, не выполняющих непосредственно производительные функции (численность служащих в СССР возросла за этот период на 2,8 млн человек, безусловно, основная часть этого роста приходилась на РСФСР).

Общая продолжительность рабочей недели оставалась неизменной с начала 60-х гг. Продолжал существовать 8-часовой рабочий день, введенный вместо 7-часового в 1967 г. под предлогом выделения дополнительного выходного дня, в результате чего резко сократилось свободное время работников на буднях. Тем самым значительный прирост производительности труда, происходивший в 80-е гг., практически не отразился на величине свободного времени работников, вопреки потребностям их развития.

В 90-е гг. произошел глубокий спад промышленного производства в России. По данным Росстата, в 1998 г. его объем составлял 48,2 % от уровня 1991 г., а для обрабатывающих производств — 40,7 %. Поэтому сокращение занятости в промышленности и ее увеличение в сфере услуг характеризовали мнимую экономию производительного труда, т. е. не обусловленную повышением его результативности.

С 1999 г. в России началось восстановление объема промышленного производства. Однако в полной мере эта задача пока не решена: к 2013 г. уровень выпуска составлял 90,1 % от имевшегося в 1991 г.

Следует отметить, что главным источником роста промышленного производства является повышение производительности труда. Так, в период 2005–2010 гг. объем выпуска обрабатывающих производств увеличился на 14,1 %, производительность труда возросла в этой ключевой сфере на 25,3 %, при том что общие затраты труда сократились в ней на 7,7 %.

Снижение суммарного фонда затрат труда, как отмечалось выше, открывает возможность сокращения рабочего времени работников. Однако эта возможность в России оказалась нереализованной.

Численность занятых в обрабатывающих производствах с 2005 г. по 2010 г. упала на 11,6 %, а суммарные затраты труда уменьшились только на 7,7 %. Не удивительно, что продолжительность времени, отработанного за год в расчете на одного работника в этой сфере, увеличилась на 3,1 % и достигает, по нашим расчетам, 1895 час. Подобная цифра трудовой нагрузки соответствует ее уровню 80-х гг.

Кроме того, в России необычно (для развитых стран) высоки затраты труда по производству сельскохозяйственной продукции для собственных потребностей, достигающие 95 % от совокупных затрат в обрабатывающих производствах. Безусловно, немалая часть труда в садах и на огородах выпадает на долю промышленных рабочих, что превращает их потенциально свободное время в период дополнительного труда.

Следовательно, за прошедшую четверть века положение промышленных рабочих России в отношении величины располагаемого свободного времени не улучшилось, что разительно контрастирует с достижениями стран — лидеров НТП. В этих странах снижение затрат труда в промышленности хотя и сопровождается снижением занятости, но по темпам опережает последнее, обеспечивая прирост свободного времени трудящихся. В России же более быстрое падение занятости пытаются компенсировать повышением трудовой нагрузки и урезанием свободного времени работников.

Весьма показательна и величина отработанного времени за период трудового стажа в России. Для определения величины такого стажа будем исходить из того, что выходявшие на пенсию в 2012 г. вступали в трудовую жизнь в среднем не в 19 лет, как в западноевропейских странах и США, а в 17 лет, что соответствует факту меньшего количества лет обучения взрослого населения России. Средний эффективный возраст выхода на пенсию примем за 58 лет для мужчин и 54 года для женщин — с учетом распространенности досрочного назначения трудовых пенсий по старости.

Очевидно, что часть трудового стажа таких пенсионеров приходится на работу в условиях социалистической экономики. С начала 60-х годов по конец 80-х продолжительность рабочей недели практически не изменялась, чуть увеличилась средняя продолжительность отпусков (на 3 дня), при том что все шире практиковались сверхурочные работы. При таких условиях можно принять, что в этот период в среднем за год отработывались 1850 часов. С 1992 г. величина

отработанного времени в России фиксируется статистикой ОЭСР, и эта статистика свидетельствует о росте трудовой нагрузки: с 1933 часов в 1992 г. до 1982 часов в 2012 г.

Как показывают наши расчеты, действительный трудовой стаж мужчин, выходявших на пенсию в 2012 г., составлял в среднем 79 547 часов, женщин — 72 147 часов.

Несмотря на то, что номинальный трудовой стаж российских мужчин был меньше, чем у работников практически всех стран, данные по которым приведены в табл. 3, суммарное количество отработанного времени в России превышало аналогичный показатель в Нидерландах, Норвегии, Франции, ФРГ, Швеции.

Отставание по величине номинального трудового стажа у российских женщин от их зарубежных коллег было еще более значительным, чем у мужчин. Однако их действительный трудовой стаж был продолжительнее, чем у работниц Нидерландов, Норвегии, Франции и ФРГ.

В отличие от большинства экономически развитых стран, в которых трудовая нагрузка работников, пусть и с замедлением, в последние десятилетия сокращалась, в России она имела тенденцию к увеличению. Так, с 1995 по 2012 г. она возрастала в среднем на 0,29 % в год. При этом и в нашей стране происходило повышение производительности труда в расчете на 1 отработанный час — в среднем на 2,8 % за год. Следовательно, в рамках трудового стажа в целом у российских работников проявляется тенденция к сокращению суммарной величины свободного времени.

Все это свидетельствует о том, что по критерию динамики свободного времени в нынешнем развитии российского производства преобладают негативные тенденции.

Поскольку данный критерий — более высокого порядка, чем динамика общественного продукта, то его использование становится все актуальнее для эффективного регулирования социально-экономических процессов в России. Необходимо осуществлять курс на сокращение рабочего и увеличение свободного времени российских работников.

ГЛАВА 10

О ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Основатель позитивизма Огюст Конт разработал эволюционную теорию социального развития, опирающуюся на идею прямолинейного общественного прогресса как движения к определенной цели на основе интеллектуального развития и морального совершенствования. Этот прогресс состоял в последовательной смене стадий теологической, метафизической и позитивной, которые следовали друг за другом. Правда, данную идею Конт заимствовал у Сен-Симона, у которого служил секретарем, но он разработал ее более подробно в своей социологии. Эта идея в свое время была отвергнута наукой. Однако в ней есть положительный момент, и ее следует вернуть в социальную философию, наполнив новым содержанием. Дело в том, что без представлений о прямолинейном историческом прогрессе нельзя разобраться в сложном историческом развитии.

Понятие прогресса вообще и исторического прогресса в частности может иметь разные значения. Это может быть движение к определённой цели, реализация какой-либо ценности, объективное совершенствование чего-либо. Последнее значение относится к историческому прогрессу. Этот прогресс может касаться отдельных сторон, отдельных элементов общественной жизни. Нас же будет интересовать прогресс применительно к обществу в целом, к обществу как единому организму. Выразиться исторический прогресс будет в последовательном чередовании совершенствующихся стадий. Представление об образующих прямую линию чередующихся стадиях и позволяет понять всю сложность и противоречивость хода истории.

Историческое развитие общества представляет собой сложную картину изменений стран и народов. Некоторые народы задержались в своём развитии и до сих пор находятся в первобытном

состоянии. Это племена в бассейне Амазонки, в некоторых районах Азии и Африки. Другие развивались быстрее и вышли на средний уровень. Третьи достигли высших результатов благодаря более быстрым темпам исторических изменений. Это страны Западной Европы, США, Япония. Еще более быстрые темпы характерны для ряда стран Южной Азии: Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и др. В настоящее время бурно развиваются Китай, Индия, некоторые страны Африки и Латинской Америки. Но в мире есть страны, утрачивающие достижения, откатывающиеся назад. Это касается современной России и особенно стран, переживающих «арабскую революцию», например, Египта. Историческое развитие отдельных стран и народов — сложный противоречивый зигзагообразный процесс с движением вперед, застоем, отступлением назад. В нем разные страны в определенное время находятся на разных ступенях исторического развития, показывают разные меняющиеся векторы движения. Естественно возникает вопрос — откуда это может быть известно? С точки зрения науки, это может быть сформулировано следующим образом.

У нас должно быть познавательное средство, своеобразная измеряющая «прямая линейка», приложив которую к историческому материалу, можно увидеть все его зигзаги, определить, кто куда движется и чего достиг. Без неё состояние истории выглядит как хаос, а это не соответствует реальности, действительным свойствам исторического процесса. «Линейку» эту будет представлять концепция прямолинейного исторического прогресса. Следовательно, должно быть две концепции исторического прогресса. Одна — концепция сложного противоречивого прогресса, а другая — прямолинейного. Ясно, что первая не может существовать без второй, иначе вместо прогресса будет хаос. Первая концепция отражает реальный ход истории на уровне стран, а вот откуда берется вторая? Выяснению этого и посвящена данная работа.

История человечества складывается из общественных изменений, происходящих в исторических событиях. Но она не может быть сведена к событиям, к «событийности» и простому описанию чередующихся событий или рассказу о них, к «нарративу». В этом случае мы получим не исторический процесс, а хаос событий. Исторические события не самодостаточны. Их нельзя уподоблять монадам. За событиями стоит общество. Именно изменения общества

и являются историческими событиями. Но всякого ли общества? Дело в том, что общества различны, а понятие общества многозначно. Под понятием общества скрываются различные образования: от общества охотников, акционеров, дурного общества до глобального общества. Эти общества не равноценны, как не равноценны меняющиеся их события. Есть основное общество, основная общественная форма. Историческими событиями будут события, относящиеся прежде всего к основному обществу. Таковым является, с тех пор как возникло государство, социальное устройство государства или страны.

Социальное устройство государства является основным обществом потому, что оно охватывает все отношения людей, граждан данной страны. Оно окружено охраняемыми границами, живет по законам, принимаемым его законодательными органами. Оно строит отношения с другими странами, обязательными для его граждан. Оно внутренне сбалансировано и самодостаточно. Социальное устройство государства представляет собой целостность, является социальным организмом. Понятие «социальный организм» одним из первых стал применять Огюст Конт, подчеркивая его целостность. Данное понятие использовал другой представитель позитивизма Герберт Спенсер, посвятивший статью этому понятию.¹ В настоящее время понятие «социальный организм» разрабатывает Ю. И. Семенов, использующий название «социально-исторический организм».² Это понятие имеет кардинальное значение для общественных наук.

Из изменяющихся социально-исторических организмов складывается исторический процесс. Обобщение развивающихся социально-исторических организмов дает концепцию прямолинейного исторического прогресса. Мы отвергаем абсолютизирующую особенности исторических обществ теорию локальных цивилизаций, отрицающую наличие общих свойств у различных социально-исторических организмов и исходим из того, что страны и народы имеют сходные существенные черты как в устройстве, так и в развитии. Следовательно, можно выделить эти черты с помощью абстрагирования и получить периоды прогрессивного развития отдельных стран, относящиеся к одинаково развитым странам, и соединить их

¹ Спенсер Г. Социальный организм / Спенсер Г. Научные, политические и философские опыты. Т. 1. СПб., 1866. С. 427.

² Семенов Ю. И. Философия истории. М., 2003. С. 21–22.

в общей теоретической картине исторического процесса. Это и будет прямолинейный прогресс. Прекращение движения вперед одной или несколькими странами будет продолжено другими странами. В итоге получим непрерывную прямую линию чередующихся стадий, в которой каждая последующая стадия будет превосходить предыдущую. Именно такие свойства присущи мировой истории, понимаемой как упорядочение известного исторического материала вокруг общих присущих всем странам свойств, выделенных и сформулированных в виде теоретической концепции исторического процесса.

Конечно, можно сказать, что таким способом можно построить общую картину не только прогресса, но и застоя и регресса. Разумеется, это возможно. Но только следует учитывать, что застой и регресс являются частными моментами внутри общего прогресса. В известной истории нет подтверждения того, что все страны перестали развиваться и тем более не подтверждается то, что был переход от более развитой к менее развитой высшей стадии, например, от капитализма к феодализму или от индустриальной к доиндустриальной стадии. Регресс возможен лишь в составе достигнутой стадии в виде разрушения общества и даже распада государства. Возобновление же развития будет происходить в составе той же стадии, при которой началась разруха, а не с более древних порядков. От этих частных в общей картине можно абстрагироваться.

Полученная концепция прямолинейного исторического прогресса будет той измеряющей линейкой или шкалой, которая позволит разбираться во всех сложностях изменений социального устройства стран. Таким познавательным средством давно пользуется общественная мысль, которая, начиная с глубокой древности, строит концепции прямолинейного развития, одним из вариантов которого является всемирно исторический прямолинейный прогресс. Началом подобных концепций является средневековое христианское представление о линейном историческом времени (сотворение мира — пришествие Христа — страшный суд). Сюда же относятся шесть исторических возрастов Августина (младенчество — детство — юность — зрелость — пожилой возраст — старость), а также четыре мировых монархии Иеронима-Орозия (Вавилонская — Мидо-Персидская — Македонская — Римская). Деятели Возрождения: Петрарка, Бруни, Биондо, Леонардо предложили трехчленную концепцию хода истории (Древний мир — Средние века — Новое

время). В наши дни линейная концепция исторического прогресса представлена марксистской теорией общественно-экономических формаций, теорией трех волн Э. Тоффлера³ и наиболее популярной сегодня теорией Д. Белла (доиндустриального — индустриального — постиндустриального (информационного) обществ.⁴

Линейная концепция исторического прогресса выражает существенные свойства общественной жизни. Отрицание ее либо свидетельствует о непонимании того, что такое всемирная история как общий процесс развития стран и народов, либо связано с преувеличением роли событий, оторванных от общественного устройства стран.

Концепция прямолинейного исторического прогресса может способствовать решению проблемы написания школьного учебника по истории, по которой идут острые дискуссии.

Для воспитания патриотизма, преодоления нигилизма и выработки правильной ориентации в жизни полезен единый учебник с единой трактовкой исторических событий. В то же время для развития мышления и самостоятельной позиции полезен выбор между различными точками зрения на историю, что достигается наличием разных учебников. Но при этом возникает опасность ничем не ограниченной множественности подходов, появления особых историй Татарстана, Башкирии, Чечни и т. д. с противоположными трактовками одних и тех же событий. А это чревато полной дезориентацией молодых людей и нигилизмом.

Инструментом уменьшения количества особых историй и достижения относительного единства может послужить концепция линейного прогресса. При ней события будут трактоваться с теоретических позиций, которых не может быть много, а не с многочисленных политических, национальных, региональных и прочих точек зрения.

Таким образом, концепция линейного исторического прогресса, будучи высшим теоретическим обобщением хода истории, может послужить единой общей основой для объединения различных точек зрения на историю и создания единого школьного учебника или нескольких, но не противоположных друг другу и не бесконечного их числа.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

ГЛАВА II

СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА ОСВОБОЖДАЮЩЕЙСЯ ОБЩНОСТИ

Читая и осмысливая Маркса, мы не должны пренебрегать важным тезисом, что революция произойдет лишь тогда, когда ее субъект, класс-освободитель, доведен до самого бедственного состояния. Лишь критическая масса может вызвать взрыв. Класс-освободитель есть по своей сути отрицательный результат развития капитализма, побочный продукт цветущих фабрик, продукт, который был порожден ходом истории и допускался в обществе лишь как инструмент для растущего капитала.¹ Чем больше развивается капитализм, тем более растет пролетариат как средство, тем более он образуется как выброшенный и бедствующий класс, тем более пролетариат формируется в себе как отрицание существующего общества. Потому диалектически, с точки зрения Маркса, коммунизм наступает после пика капитализма. Современная критика марксизма во многом определяется тем, что та самая всемирная революция не случилась, а главный локальный успех, Советский Союз, не только не смог освободить весь мир через себя и свою деятельность, но и сам оказался под ударами разрушительных обстоятельств.² Хотя нельзя принимать всерьез речи тех, кто обстоятельным исследованиям предпочел восторженные песни о конце истории,³ сама позиция, как аргумент от факта (а все названное выше есть факт), имеет право на существование, хотя бы потому что сам Маркс считал практику высшим судьей всякой теории. Движимые целью разработать практику социального изменения, используем сказанное как исходный тезис для дальнейшего исследования.

¹ И как рабочий, и как потребитель.

² При этом критики зачастую забывают указать на специфический характер причин распада СССР, во многом не связанных с марксизмом.

³ Ср.: *Fukuyama F. The End of History // The National Interest* 16 (Summer 1989). P. 3–18 (пер. с англ.).

Известно ли теоретикам капиталистического варианта развития общества об упомянутом тезисе Маркса? Представляется, что так. Не теоретически, потому что современное общество конформизма⁴ стремится представить всякую парадигму практики как одну из университетских теорий. Там, в книгах и на кафедрах, любая теория безопасна — что одновременно защищает капитализм и не позволяет увидеть опасности. Капитал понял тезис, это уравнение революции, на практике: алые флаги весны народов в Европе, октябрьская революция, выступления социалистов от Киева через немецкий Киль и английский Манчестер до самой Америки — все это показало, что призрак коммунизма стоит где-то в толпе рабочих и ждет своего часа. Как реакция, капитализм породил совокупность тактик, которые все вместе образуют стратегию анализа освобождающейся общности. Под освобождающейся общностью мы имеем в виду некий коллективный, сплоченный солидарностью субъект, который несет в себе отрицание существующего общества и разворачивает это отрицание в своей деятельности, тем самым освобождая и себя, и все общество. Поэтому он одновременно освобождающий и освобождающийся. Его деятельность можно видеть и узко, как революционную, и широко, как реальную оппозицию сильным мира сего.

Суть стратегии — в анализе этого субъекта. Анализе, в исходном смысле этого слова, как ἀνάλυσις, «расчленение», «разложение» этого субъекта. Капитал стремится не допустить формирования критической массы, ведь по ее достижении появится единый субъект, который станет костью в горлах всех голов капиталистической гидры. «Расчленение» практическое и состоит из вполне реальных шагов. Если представить тезис Маркса формально, то он будет выглядеть так: сначала достигается бедственное состояние, отсюда рождается единство, и далее начинается деятельность отрицания общества. Атака капитализма идет на первые два члена формулы, отсюда — две главные тактики в рамках стратегии социального анализа. Во-первых, это непосредственная разрядка собирающихся туч, избегание недовольства масс — некоего рода «материальная подачка». Стоит рабочим выйти на демонстрацию, начать реализовывать свой потенциал как отрицательный по отношению к обществу (чему сопутствует зарождение единства между ними) — и капитализм

⁴ Которое есть необходимый аспект капитализма.

в лице конкретного человека идет на уступку: повышает заработную плату, уменьшает количество рабочих часов и т. д. Тем самым капиталист убирает индивидуальное недовольство и препятствует возникновению (в пределе — мирового) единства. Что это именно уступка, показывает то, что характер «проигрыша» капиталиста случаен и выразим определенной денежной суммой. Однако основное — сама социальная топонимика, определенные места «капиталист»/«рабочий» — сохраняется. Тем самым, проиграв в малом, капиталист выиграл в большом, ибо упрочил свое положение в обществе. С этой точки зрения социальное законодательство капиталистического государства есть лицемерие и плата за продолжение кабального состояния общества. Необходимо отказаться от фантазий, что оно порождено «человечностью» капитала, ибо последний всегда имеет лишь одну цель — свою выгоду. Высшим проявлением этой тактики является создание *института борьбы*, допущение легитимных форм протеста. Для ясно мыслящего ума это есть театр абсурда — борьба против общества под знаком общества. На деле в этом случае социальная борьба не доходит до своей сущности (отрицание общества как оно есть), а выливается в комедию положений, в действие по индивидуальным причинам. В случайное, которое, с точки зрения истории, смешно. Во-вторых, это производство потребностей — порождение у рабочих определенных нужд и желаний, исконно им не присущих. Здесь мы сталкиваемся, возможно, с главным социальным вызовом современности — обществом потребления.

Возможен ли протест в обществе потребления? Вполне, как протест против чего-то конкретного, однако не как протест против всего общества. Ибо предмет желания (которое кажется людям естественным) не может существовать вне самого общества потребления. Люди протестуют ради вещей и услуг, которые могут существовать лишь на высших стадиях капитализма, потому люди и не могут бросить вызов самому капиталистическому обществу. И далее, прививаемая мораль общества потребления, мещанская по своей сути, подрывает солидарность и тем самым препятствует появлению коллективного субъекта.

Если первая тактика предотвращает бедственное положение рабочих и дает тем самым социальный (включая даже моральный!) гарант существования капиталистов, то вторая лишает рабочих

смелости протестовать до конца и культивирует их индивидуальность. Первая является более действенной, чем вторая, однако в современном обществе, где все социальные права уже «кинута» рабочим, вторая тактика выходит на первый план. Таков общий очерк стратегии анализа освобождающейся общности, стратегии, по сути, предотвращения появления этой общности и закрепления существующего положения дел. Исторически эта стратегия оказалась успешной, и ее главный успех — переход к постиндустриальному обществу, когда общество настолько изменилось, что можно поставить под вопрос (и остается — по крайней мере, в отношении развитых стран Европы — лишь развести руками и согласиться) само существование пролетариата. Действительно, какой может быть больший исторический удар по марксизму, скажут нам критики, чем практически полное упразднение пролетариата и сведение его к множеству разобщенных профессиональных групп?

Прежде чем пойти далее, заметим, что существует область, которую должен принять во внимание всякий, кто попытается осмыслить описанные процессы всемирно-исторически — и которую мы не можем включить в настоящее исследование. Это — «замалчиваемая» изнанка постиндустриального общества — перенос производства в страны второго и третьего мира. Как бы ни строили Вавилонскую башню биржевых бумаг — необходимость полагать за этими бумагами хоть какое-то реальное производство непреложна.⁵ Супер-Эго постиндустриального общества как совесть капитализма стыдится этого и всячески прячет, однако не может отойти от данной необходимости.

Стало быть, сценарий революции — как представлял ее Маркс — скорее всего, может быть осуществлен в таких странах. Однако же несколько причин делают исследование этого вопроса затруднительным. Во-первых, сложность построения мультикультурной философии, которая вобрала бы в себя историю и культуру всех народов, сняв все сингулярности. Скорее всего, мир еще не знает такой философии. Во-вторых, изучение перспективы марксизма в странах третьего мира требует осмысления большого материала особенно-стей местных культур. В-третьих, вопрос возможности коммунизма

⁵ В противном случае эта необходимость наказывает людей, как в экономическом кризисе 2008 г.

или даже социализма в отдельно взятой стране внутри самого марксизма в высшей степени проблематичен — многочисленные мутации КНР как социалистического государства в мире, где страны взаимодействуют друг с другом по «привычкам» капитализма, это показывает. Поэтому мы хотели бы оставить весь комплекс вопросов о модернизирующихся традиционных обществах. Учитывая также, что Россия, скорее всего, завершит переход к постиндустриальной модели общества в ближайшее время, имеет смысл сфокусироваться на решении вопроса социального изменения именно для данной модели.

Вернемся к нашим рассуждениям.

Непроницательность может заставить нас здесь сказать, что с исчезновением пролетариата исчезает и марксизм — как политическая философия Аристотеля исчезает с полисом, и вообще многие достижения духа исчезают со своей эпохой. Однако любая философия есть не теория и даже не практика, а метод в смысле *метá* (о себе) и *óðós* (путь) — *путь о себе*. Это соотнесенность с собой, которая принципиально нам не дана, но из глубины которой рождаются все возможные смыслы, теоретические и практические. Это внутренний хребет и вместе с тем возможность каждой философии перестраиваться в соответствии с требованиями эпохи.

Поняв так философию Маркса, позволим ей произвести этот акт жизни и соотнесения с собой и посмотрим, какие смыслы нам явятся. Позволим ей сказать за себя, а не быть задушенной руками критиков.

Итак, стратегия анализа общности, проведенная капитализмом (величайшая победа которого — исчезновение самого класса пролетариата⁶), предстала перед нами, как теоретически, так и практически, в истории и современном обществе. Старое имя — «пролетариат» уже не годится. Тезис продолжает быть истинным (сам капитализм в своей практике его не отрицает и даже поддерживает) — будучи доведенной до крайнего состояния, масса вспыхивает как сверхновая в последние моменты своего существования. Вопрос о том, есть ли логически возможный способ совершить освобождение общества помимо данного тезиса, мы оставим, сами же

⁶ Заметим, что ни одна из современных «постиндустриальных» стратификаций общества не исключает самих капиталистов, пусть и используя в их отношении эвфемизмы.

перейдем к стратегии социального синтеза освобождающейся общности в рамках названной схемы.

Социальная практика должна достичь некоторой критической массы и тем самым вызвать цепную реакцию. Есть два возможных пути из этой позиции.

Первый — попытаться породить достаточное напряжение в котле вопреки всем инъекциям аналитического. Однако же это значит, что «друзья революции» имеют своей целью буквально испортить жизнь людей, дабы реализовать саму революцию. Учитывая, что капитализм будет естественно наращивать интенсивность своей реакции (ибо его логика остается неизменной — не допустить точки кипения), такая стратегия (вдобавок к своей негуманности) скорее дискредитирует социальных реформаторов, и всякое народное выступление будет направлено против них. Тем самым капитализм лишь укрепится в незыблемости своих топосов. Второй способ есть стратегия синтеза освобождающейся общности, которую мы хотели бы предложить читателю. Что есть материалистическое сознание — взятое и с точки зрения своего генезиса, и само по себе? Неожиданно ответ можно найти в начале книги Докинза «Бог как иллюзия»: «Неужели недостаточно, что сад очарователен; неужели нужно шарить по его задворкам в поисках фей?»⁷

Вдумаемся в эти слова — истинное материалистическое сознание есть сознание объединения противоположностей — в данном случае соединение мыслей о саде именно как о саде (по сути, как о материальном «бездушном» объекте) и о красоте этого сада. Развивая данную идею, можно ввести классификацию типов сознания. Низшее материалистическое представляет собой *унылое сознание*. Оно заключается в отсутствии веры во что-либо и в безмолвном покорении «матери». Это осознание своей беспомощности и тщетности всяких попыток практически что-либо изменить. Это позиция безделья и вырождения, пагубная для самого человека.

Низшее идеалистическое сознание есть *серое сознание*; укорененность в своем бытии, Das Man в понимании Хайдеггера, включенность в ряд абстракций, задающих поведение и всегда убегающих от ясного осознания — будь то абстракции «добро», «долг», «государство» и т. д. Это позиция среднего человека, который неизбежно

⁷ Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2008.

в своей деятельности оперирует абстракциями — и сам оперируем ими.

Высшее идеалистическое сознание есть *сознание вызова*. Оно состоит в конкретном экзистенциальном (надпсихологическом) переживании некоторой идеи и утверждении данной идеи в мире. Сюда можно отнести как ницшеанское сознание сверхчеловека, так и сознание аскета-пустынника: оба бросают вызов миру обычного и пытаются реализовать идею в реальности.⁸

Наконец, высшее материалистическое сознание есть *сознание противоречия*. Следуя цитате Докинза, это одновременное мышление о материальном устройстве сада и одновременно искреннее эстетическое восхищение садом.

Подобная идея любопытна во многих отношениях. Во-первых, в данном случае соединяется научность материализма и (личная) духовность идеализма, демонстрация того, что в своих высших формах материализм может одновременно говорить о том, что бытие определяет мышление, и восхищаться красотой такого мышления. Говоря более сентиментально, он объясняет, как материалист может искренне любить. Таким образом, это защита материализма как цельного мировоззрения. Во-вторых, это этическое доказательство материализма. Следует принять еще две посылки — достоинство духа как этический критерий истинности и то, что сложность прямо связана с достоинством. Более сложным является высшее материалистическое сознание, ибо соединить два противоречащих элемента при высокой интенсивности сложнее, чем утверждать нечто одноинтенсивное. Тем самым высшее материалистическое сознание более достойно, чем высшее идеалистическое, и соответственно ближе к истине. В-третьих, это намечает проект построения некоторой материалистической эстетики.

Вернемся к описанию стратегии синтеза социальной общности. Ее содержание заключается в том, чтобы, отказавшись от надежды на низшие формы сознания, синтезировать освобождающий субъект именно с опорой на высшее материалистическое сознание. Это значит, что индивиды, которые составят освобождающий субъект, будут держать в своем сознании одновременно необходимость со-

⁸ Из сказанного не следует, что это возможно или невозможно. Это отдельный вопрос, решение которого только отвлечет от настоящего предмета исследования.

циальных изменений и наличие у них (актуальных и возможных) «подачек». Здесь прямое противоречие, ибо «подачки» есть как раз индивидуальная удовлетворенность и, значит, отказ от борьбы.

Иными словами, люди, будучи членами современного постиндустриального общества, одновременно присутствуют при возможности утолить свои интересы (второй член формулы) и осознают необходимость социальных изменений (первый). За счет этого нейтрализуется действие стратегии социального анализа, будет достигнута критическая масса, люди обратятся друг к другу, возникнет единый субъект — и тем самым тезис Маркса (может, не в форме революции, но хотя бы в форме единого фронта, который будет иметь достаточно силы сказать «Нет!») будет осуществлен. Возникает естественное возражение — разве предложенная стратегия не является в корне идеалистической в плохом смысле данного слова, т. е. не предлагаем ли мы построить высшее материалистическое сознание на противоречии материального интереса (подачки) и некоторой абстракции (необходимо продолжать борьбу).

Положительный ответ на этот вопрос будет обозначать крушение стратегии, так как для широких масс опора на идеалистическую основу (которая может работать для одного сверхчеловека Ницше или монаха-пустынника) обречена на провал. В случае с садом, где соседствовали материальное представление и духовная интуиция красоты, сознание созерцало — но ведь в случае с обществом нам нужно действие!

Однако же следует заметить, что необходимость продолжения борьбы является в корне материальной потребностью в том смысле, что продолжение борьбы, т. е. изменение социальной топонимики, является самым конкретным материальным интересом каждого человека — необходимо это лишь показать.

Показать, что всякая подачка является именно подачкой, что истинное обретение себя и достижение благоденствия допустимы лишь при преобразовании общества, что пока не будет перекроена сама ткань общества, человек будет обманутым ребенком, что надо идти дальше.

Интерес изменения общества — в *большей степени* материальный интерес, чем предоставляемая подачка. В этом случае противоречие высшего материалистического сознания есть не противоречие мысли и вещи, а противоречие между синицей в руках и журавлем, которого можно поймать.

Каждый человек непосредственно заинтересован в социальном изменении. Следует уверенно утверждать, что всякое мышление иначе есть идеология в смысле обмана.

Поэтому первая ступень стратегии есть создание критики, которая покажет человеку его истинный интерес. Это должен быть фундаментально выверенный и вместе с тем направленный к простым людям критический порыв, который позволит увидеть каждую из современных идеологий именно как идеологию, единственная цель которой — не допустить протеста.

Последняя возможность опровержения стратегии синтеза общности заключается в том, как будет происходить такая критика. Не находимся ли мы в опасности сделать ту же ошибку, что и один из «немецких идеологов», Макс Штирнер? Поняв идеалистический характер остальных систем (все они суть слова), не предлагаем ли мы сами идеалистическую стратегию? Как будет осуществляться эта критика? Не являемся ли мы социальными деистами, выстроив материалистический мир, не нужен ли нам для запуска Дела идеальный толчок Слова-Критики?

На данный аргумент не так уж и просто ответить. Мы приведем здесь один возможный выход, не настаивая на его истинности и допуская возможность иных способов решения апории. Пожалуй, следует воспользоваться тем простором, который предоставил нам сам капитализм в рамках стратегии анализа, — легитимными формами протеста. Ибо в них существует неоднозначность — человек может войти в них, не боясь за себя, и может выйти серьезным борцом. Это происходит потому, что никакая форма хаоса-протеста не может быть до конца стабилизированной и включенной в какую-нибудь диспозицию. Протест всегда имеет в себе где-то в основании чистый протест. Тем самым следует бить именно в эту пятю — проводить критику в сфере «легитимных протестов», чтобы дестабилизировать социальное пространство и получить серьезный итог — настоящий синтез освобождающейся общности. Освобождающейся от всех тех практик власти, что исполняются эгоистическим капиталом.

В заключение отметим, что изложенная нами стратегия подразумевает не только и не столько создание субъекта революции,⁹ но синтез освобождающей (себя и все общество) общности в широком

⁹ Настоящий идеал для нас в этой статье — не революционер, а гражданский протестующий. В современных реалиях революция губительна.

смысле, т. е. такого коллективного субъекта, который выступит единым фронтом перед лицом гидры капитализма. Тем самым он переведет одиночное пиршество капитализма в шахматную игру между Гидрой и Человеком. Если Человек выиграет, то общество изменится раз и навсегда. Если он проиграет, то, в любом случае, он будет держать оборону много дольше и унесет с собой больше фигур противника, чем все существующие на сегодняшний день формы протеста. Может, мы и не изменим общество, но удержим в своих руках рубежи (а не подачки).

Как бы то ни было, не будет необходимости переворачивать доску и идти врукопашную с врагом. Будет противостояние двух коллективных субъектов, Человека и Гидры. «Гидра» есть имя капитализма. А «Человек» — имя истинного гражданского общества, синтез которого и есть главная цель стратегии. И результат, достойный стремления.

ГЛАВА 12

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОПОРЯДКА РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕНЕССАНСА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

В современной российской жизни наметилась тенденция редукции законодательной деятельности к морализаторству, а юридических норм — к нравственным заповедям. Ярким примером аналогичного подхода к регулированию общественной жизни может служить следующий исторический факт. В 1996 г. талибы, захватившие Кабул, возвели один из государственных департаментов Афганистана в ранг министерства по утверждению добродетели и искоренению порока. Моральная риторика восхваления добродетели и обличения порока, включения моральных качеств человека в сферу государственной политики обильно наполняет мотивацию отечественной законодательной активности. Однажды во время обсуждения медицинских и социальных проблем транссексуальности в студии одного из центральных телевизионных каналов присутствующая депутат Государственной думы назвала участников дискуссии «моральными уродами», недостойными того, чтобы с ними о чем-то беседовать. Такая позиция в среде российских чиновников не является одиночной. Оскорбительная по отношению к тем, кто на самом деле является электоратом политиков, а не людьми, достойными морального осуждения, она зиждется на подмене понятий. Если гражданин не нарушает законов и платит налоги, у представителей государства не может быть к нему претензий. Их задача законодательная, а не морализаторская. Многие наши законодатели неправомерно присваивают себе патерналистскую позицию, однако граждане России не являются их детьми и не нуждаются в том, чтобы их воспитывали, заботясь об уровне их нравственности и духовности.

Главная задача правового государства заключается в том, чтобы обеспечивать права и свободы своих граждан, а не их моральное сознание и поведение. Концепт и реальность гражданского общества являются продуктом социальной и интеллектуальной истории европейской цивилизации. Отсутствие современной правовой культуры и социально-философской эрудиции у сторонников самобытного пути развития российского общества приводит к тому, что они застревают на уровне платоновской идеи государства, понимаемого как воспитательное учреждение для его граждан, идеи, которая не противоречит деспотическим и коммунистическим традициям отечественной истории.

Современное российское государство объединяет в себе весьма различные регионы, культуры и религиозные верования. Представители мусульманского менталитета упорно отстаивают убеждение в том, что мораль является основой государственной правовой системы. Представление о тождественности законов государства, религиозных требований и моральных заповедей осуществляется на практике. Мы имеем прецеденты отмены по настоянию имама Дагестана и Чечни гастролей звезд российского шоу-бизнеса на территории этих республик как противоречащих стилистически и содержательно нормам и представлениям ислама. События такого рода противоречат Конституции РФ, утверждающей светский характер нашего государства, и с новой остротой проблематизируют соотношение государственных законов, моральных заповедей и религиозных норм.

Обращение к интеллектуальному арсеналу европейской философии дает нам пример социологизации морали в теориях Т. Гоббса и Дж. Локка. И если последний из них уже различал законы государства, основанные на естественном праве и природе человека, а потому несущие в себе истинное знание, и конвенциональные, плюралистичные и релятивные нормы морали, выражающие собой не столько коллективное знание, сколько коллективную волю, то первый из названных философов большого значения различию норм закона и норм морали как раз не придавал. Означает ли это, что стиль мышления Виталия Милонова, депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга и яркого представителя тенденции слияния моральных требований и государственного законодательства совпадает с идеями философии права и гражданского общества

Т. Гоббса? Отнюдь нет. Сближение содержания закона и морали может происходить на совершенно различных основаниях. Источником государственных и моральных законов с позиций гражданской философии Гоббса и Локка является общественный договор, гарантирующий мирный характер социального порядка и непричинение вреда друг другу членами общества. Закон, фундированный естественным правом, запрещает некоторое поведение не потому, что оно аморально с точки зрения традиционной религии, а потому, что такие поступки нарушают права и свободы окружающих людей. Так, понятие «закон» защищает права людей, а права человека не идентичны его добродетелям. Здесь не закон становится на защиту традиционной нравственности, а мораль приобретает гражданский характер запрета попирания чужих прав. В консервативном же российском менталитете закон мыслится скорее как совокупность запретительных, а не правовых санкций, фиксирующих и поддерживающих патриархальные обычаи, связанные с религиозной и нравственной нормативностью, отрицающей многие современные права и свободы человека.

Истинная мораль, по выражению Гегеля, имеет основание в индивидуальной воле. Гражданское общество полноценных правосубъектов аналогичным образом мыслилось гегелевской философией права как антиномия органическому единству семьи, основанной на узах кровно-родственных, а не законосообразных, т. е. мыслилось как социальность атомизированная, как царство индивидуализма. «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто»,¹ — писал Гегель. Правовой закон есть, таким образом, принцип не полной солидаризации людей, а только взаимной рядоположенности и толерантности разнородных интересов. Синкретизм моральных максим, религиозных норм и государственных законов, к которому тяготеют как ряд официальных российских лиц, так и массовая психология, напротив, ориентирован на утверждение общего типа мысли и поведения, на борьбу с исключениями из традиционных правил и с проявлениями индивидуальной свободы. На первый взгляд и правовой закон требует некой универсальности, т. е. чтобы все люди не убивали, не крали и т. д. Однако это не означает, что он требует унификации. Живя по такому закону, люди

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 252–253.

не должны красть, хотя есть богатые и бедные, не должны убивать и вести себя агрессивно, хотя все они принадлежат к разным религиозным конфессиям и политическим партиям.

Отсутствие четкой дифференциации морали и закона во многом обусловлено влиянием религиозных структур сознания. Религия — это очень древний социальный институт, предполагающий единство требований культа, обряда, религиозно понятой морали и общественного закона. Проблема тождественности или различия морали и закона не может быть решена без уяснения того, что следует понимать под моралью и под государственным законодательством.

Феномен морали постигается через сопоставление и противопоставление его нравственности или господствующим нравам. Русская религиозно-философская мысль свято верила в то, что «если Бога нет, то все дозволено». Иначе говоря, светская нравственность без религиозных святынь полагалась бесосновной, а потому невозможной. В такой постановке проблемы сказывается известный максимализм русского национального характера. Именно в российской социальности и в русском душевном строе оказывается слабо выражено среднее звено — величины и ценности относительные, гуманистически-секулярные, а не абсолютные, предельные и сакральные. Недаром русские философы часто повторяли мысль о том, что в России легче встретить святого, чем просто порядочного человека.

Согласно выражению Гегеля, «до Сократа афиняне были нравственными, а не были моральными людьми, ибо они делали то, что требовалось при данных обстоятельствах».²

Во-первых, если нравственность традиционна, обычна, наивна и непосредственна в том смысле, что она не осознает своих оснований и предпосылок, то мораль рефлексивна, так как конституируется идеей добра, его осмысленной дефиницией, знанием о том, что такое добро в себе, независимо от степени его эмпирической и практической реализации.

Во-вторых, нравственность организована релятивизацией добра, его относительным групповым характером. Нравы никогда не универсальны и не всеобщы не только по сфере своего бытования, но и по принципу построения. Нравственность класса, сословия, этноса, религиозного сообщества и т. д. построена по критерию свои —

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Т. 2. СПб., 1994. С. 36.

чужие. То, что в отношении своих является злом и преступлением, по отношению к чужим может оказаться подвигом и заслугой. Мораль универсальна и всеобща не в отношении ее распространения, а в смысле полагаемого ею абсолютного, не конъюнктурного различия между добром и злом. Добро морали абсолютно, безусловно и субстанциально, а преступление против морали не может быть перетолковано в добродетель никакими прагматическими аргументами. Моральное поведение и по отношению к другу, и по отношению к врагу идентично.

В-третьих, нравственность древнее морали. Без неких нравственных обычаев, устоев, традиций, норм и ритуалов практически невозможна никакая, даже самая архаичная социальность. Мораль возникает позже нравственности как продукт тонкой философской рефлексии и изоцированной религиозной духовности. Она является составляющей далеко не всякой культуры. Но, возникнув позднее нравственности, мораль не вытесняет и не заменяет ее. Они продолжают дальнейшее сосуществование, не совпадая друг с другом, а, напротив, противореча друг другу порой до такой степени, что можно говорить об аморальной нравственности. «Нет такой мерзости, которая не признавалась бы где-нибудь и когда-нибудь за добро»,³ — писал В. С. Соловьев, подчеркивая эту аморальную омерзительность добра некоторых видов нравственности. Мораль не всегда оказывается основанием нравственности, она может быть и ее антиподом. Ведь нравственность отражает историю человеческих представлений о том, что такое добро, и историю его социального институирования. Но история мнений о добре и его учреждений не совпадает с его бытием, интерпретированным в духе метафизического монизма и средневекового реализма. Добро нравственности множественно и изменчиво, а добро морали едино и неизменно как всякий абсолют.

Светская этическая мысль может полагать, что добро существует исключительно в одной форме — в форме человеческих нравственных представлений и соответствующих социальных учреждений. Тогда все исторические виды нравственности оказываются одинаково истинными, впрочем, как и одинаково ложными. Ибо их невозможно сопоставлять ни с какой онтологией добра, независимого

³ Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 98.

от релятивизма и множественности человеческих заблуждений по его поводу.

Биноккулярность этического зрения появляется только при сопоставлении двух порядков или уровней существования добра: его идеального бытия и социокультурного бытования. Когда добро двоятся как нравственность и как мораль, можно говорить о несовпадении истории нравов и онтологии чистого добра. Аналогично история космогонических и астрономических учений о гелио-, геоцентризме, о плоской земле, плавающей на черепахе, и т. д. не совпадает с реальным статусом солнечной системы, независимым от истории истинных и ложных представлений о нем. И великая заслуга Сократа в том и состоит, что без всякой религиозной сакрализации добра, одной силой философской рефлексии он разъединил истинное добро и господствующую нравственность общепринятого.

В-четвертых, наука о нравственности индуктивна и описательна, она склонна оформляться как историко-этнографическое знание. Учение о морали строится как религиозно-философская онтология.

Поскольку нравственность и мораль можно тематизировать как социологию и онтологию добра, то, в-пятых, они различаются тем, что мораль конституируется свободным внутренним самоопределением личности, а нравственность — внешним социальным давлением на нее.

Общество может принуждать людей быть либо более нравственными, чем это предполагает низкий уровень их личной моральности, либо менее нравственными, чем они могли бы быть, если бы на них не оказывалось сильное давление общепринятых нравов. Скажем, принуждение детей публично отречься от репрессированных родителей, вменяемое им в обязанность при сталинском политическом режиме и являющееся одновременно нарушением христианской моральной заповеди, может быть квалифицировано как общественное принуждение к аморальному поведению людей, личная мораль которых зачастую выше уровня социальной нравственности и ритуальности. Напротив, практика «суда чести», «отказа от дома», других форм социального ostracism, которому подвергался прежде негодяй, подпадающий под нравственное, но не юридическое осуждение, принудительно поддерживала уровень социальной нравственности на более высоком уровне, чем индивидуальная мораль составляющих его людей. Таким образом, общество может принуждать людей быть более порядочными или, наоборот, менее

порядочными, чем диктует их личное моральное сознание. Ибо в разных типах социальности непорядочность и аморальность могут быть как инструментом социального продвижения, так и причиной краха карьеры, девальвации высокого социального статуса. Проще всего сказать, что каково общество, его нравы — такова и индивидуальная мораль его членов. На самом деле все гораздо сложнее: относительно нравственное общество может состоять из не слишком высоко моральных людей, а к безнравственным социальным обычаям и ритуалам могут принуждаться люди в большинстве своем способные и к более высокому моральному уровню поведения.

Мораль элитарна по определению, она есть удел избранных и требует особого дара и личностного самостояния. Зато нравственность демократична и общедоступна, идет не из глубины сердца, а проистекает из социальной дрессуры. «Всегда нужно делать строгое различие между этикой и этосом, или нравственностью и нравами, т. е. воспитанностью, совокупностью полезных и выгодных навыков, известной дрессировкой», — писал С. Н. Булгаков в книге «Свет невечерний». И в таком взгляде на нравственность нет никакой ее девальвации. Напротив, можно говорить о некоторой автономности, самодостаточности нравственности по отношению к морали. Поскольку истинная мораль, идущая из глубины сердца, доступна немногим, общество и стоит на принуждении несовершенных в большинстве своем людей к социально приемлемому и ответственному поведению. И принуждение тут вполне уместно: тем, для кого недоступна мораль, остается нравственность. Таким образом, устои социальной жизни нравственны, а не моральны. Совершенно ложным является проект перевода всех нравов исключительно в моральный план, преобразование всякого социального давления в свободную форму морального самоопределения. Зазор между моралью личности и нравами общества устранять бессмысленно.

Мораль — это личное, глубокое, интимное измерение, неприкосновенное для общества, контроль которого не может быть тотальным. И все программы воспитания нового человека с новой моралью, сформированной по заказу общества, имеют тоталитарный характер. «Коль скоро принцип революции вошел в наши нравы как своего рода категорический императив, то и весь политический строй, даже у левых, стал строем моральным».⁴ Можно говорить

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 188.

о том, что произошел перехват морализаторства как традиции консервативных правых сил социальными силами левой оппозиции. Однако мораль нельзя полностью формализовать, социализировать, она имеет не внешний, а внутренний источник — голос сердца. Социальным же институтом является нравственность, а не мораль.

Невозможность нефанатического возведения принципов морали в социальные нормы всегда отчетливо ощущала русская культура. «Отсюда в русской философии вытекает интерес к конкретной этике в противовес к этике законнической».⁵ В романе «Доктор Живаго» Пастернак говорит об одном из своих героев: «Для того чтобы делать добро, его принципиальности недоставало беспринципности сердца, которое не знает общих случаев, а только частные». Таким образом, указывается традиционный для нашей культуры внутренний сердечный, а не внешний социально-нормативный источник различия добра и зла. Моральна жизнь по сердцу, а не по правилу. Сфера чистого сердца метаномична. Сердце беспринципно, а правило бессердечно. Моральный закон не пишется под диктовку социального «Сверх-Я», что звучит и в кантовском «Звездное небо надо мной, нравственный закон во мне».

В современном секуляризованном мире диапазон разрешенного должен определяться правом, а не моралью. Всякая подмена правовых норм нормами морали, тем более морали религиозной, что свойственно религиозному фундаментализму с его теократизацией государства, атавистична и вредна, вопреки предостережению Достоевского. Превращение морали из сферы свободы личности в область государственного контроля и санкционирования ведет к чему угодно, только не к торжеству морали.

Отличие закона от права не менее значимо в контексте данного размышления, чем различие морали и нравственности. Традиционное понимание права сводилось к законности тождественной государственному указу, к воле власти, возведенной в закон. Такая законность имела ярко выраженный запретительный уклон. Она была адресована подданным, а не свободным гражданам. Юридическое мировоззрение Нового времени вводит в интеллектуальный оборот совершенно иное представление о праве как ограничителе, а не инструменте власти. Право становится синонимом свободы,

⁵ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 293.

его сфера конституируется в границах категорически разрешенного. В правовом государстве право является законодательным самоограничением государственной власти. Так появляется разделение права естественного, выражающего свободу и независимость человека, и права позитивного, выраженного в законах государства и обладающего принудительной и ограничивающей силой. Дж. Локк снимает противопоставление права как свободы закону как принудительно-му ограничению. «Ведь закон в его подлинном смысле представляет собой не столько ограничение, сколько руководство для свободного и разумного существа в его собственных интересах и предписывает только то, что служит на общее благо тех, кто подчиняется этому закону»,⁶ — пишет он. Права одного человека ограничиваются правами другого человека, а не законодательным произволом деспотической власти. Так появляется критерий оценки закона либо как правового, гарантирующего индивидуальную свободу и достоинство человека, либо как инструмента правящей воли, возведенной в закон для подавления независимости человека от государственной власти.

Важное различие традиционного и нового понимания закона заключается в том, что первая версия является моралистической, а вторая полагает определенное пространство ненаказуемости для по существу своему неморальных поступков и решений. Права связаны с интересами людей, а не с их моральными качествами. Только первоначальные формы эвдемонизма отождествляли счастье и наслаждение с реализацией морального идеала, а не с удовлетворением материальных потребностей и эгоистических интересов. Впоследствии мысль эта была перевернута, и уже не счастье и наслаждение виделись в моральных достижениях, а мораль совмещалась со стремлением к счастью и удовольствию. Право допускает известную меру эгоизма в человеческой жизни, в то время как мораль связана только с альтруистической установкой. Любой человек имеет право оставить в своей собственности и пользовании свое имущество, а также приумножить его, а не пожертвовать в пользу бедных. Не все, что законно, морально. Правовой закон не требует от человека полного самоотречения и отказа от собственного блага ради блага ближнего. Скажем, заимодавец может преследовать своего

⁶ Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 293.

должника по закону и довести его до полного разорения. И хотя такое действие не является образцом гуманности, оно подразумевает правом отстаивания и защиты собственного интереса.

Право и мораль не могут совпасть еще и потому, что право вынуждаемо, а мораль не вынуждаема. Морально только то, что совершено добровольно и свободно. Закон же зиждется на применяемой в его пользу силе. Принципиальным является вывод гегелевской философии права: «Моральные заповеди не могут быть предметом положительного законодательства».⁷ Насилие закона в области морали недопустимо.

Еще одно несовпадение моральной оценки и правовой регуляции заключается в том, что закон регулирует только внешнее поведение, а не его внутренний мотив. Главнейшие моральные оценки, напротив, касаются душевных состояний и личных намерений людей. Обществу нужна, прежде всего, законопослушность его членов. Ты имеешь право не испытывать ни симпатии, ни приязни к представителям иных политических движений, религиозных конфессий, национальных и сексуальных меньшинств, но по закону ты не можешь реализовывать свои фобии в насильственных действиях или оскорбительных высказываниях. Социальная функция морали не очевидна. Общество не вводит жестких санкций за ее нарушение и не прибегает к государственному поощрению моральной добродетели. Недаром большинство философов целью морального поведения полагали либо наслаждение, либо религиозное спасение, либо говорили о самоценности морали. Конечно, если мы возьмем в качестве примера требование «не убий», то оно окажется одновременно и религиозной заповедью, и моральной максимой, и социальным законом. Однако различие закона и морали как относящихся к сфере внешнего и внутреннего соответственно со всей очевидностью проявляется в отсутствии и невозможности в уголовном или административном кодексе статьи закона, предписывающей прощать обиду или любить врага. Закон, *заставляющий* нас быть добрыми, а не злыми, невозможен в принципе.

Право — это неприкосновенность того, что нам гарантируют государство и верховная власть. Не всякое право кодифицировано, прописано в законе. Таковым являлось естественное право по

⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 367.

отношению к феодальным сословным юридическим кодексам или ницшеанское право на проявление жестокости сильным и редким человеком, сформулированное Достоевским в высказывании Раскольникова «Тварь я дрожащая или право имею?». И, напротив, не всякий закон правомерен, защищает гражданские права, а не попирает их. Используя это важное различие закона и права, мы вынуждены констатировать, что современное российское законодательство делает закон все более запретительным. Когда правовой закон запрещает посягать на чужую жизнь или собственность, в нем утверждение ценности человеческого достоинства преобладает над моментом отрицания, исключения. Но когда морализирующий неправовой закон занимается мелочным табуированием безнравственного, неприличного, нетрадиционного в повседневной жизни людей, отрицательная его направленность преобладает. Запрет бесплоден сам по себе, он не несет в себе креативной силы. Запретом порока и преступления нельзя сделать человека моральным, ибо мораль — это не воздержание от греха, а, прежде всего, осуществление положительных ценностей. Аналогичным образом бесполезно запрещать пошлость и безвкусицу, ибо из запрета на пошлость не вырастает красота.

Отождествление норм морали, закона и религиозных установлений в наши дни основано на некорректном смешении закона и права, а также морали и нравственности. Поиск морального добра в области нравов и древних обычаев со времен критической философской рефлексии Сократа является полностью дискредитированным способом. Предписание обвязывать голову тканью, закрывающей женские волосы, конечно, характеризует древние обычаи или религиозные нравы некоторых народов, но вряд ли может быть оценено как обретение истинного знания о моральном различии добра и зла. И всякая попытка вернуться к единству государственной санкции, религии и морали неизбежно подменяет последнюю традиционными ритуалами, отличительными чертами которых являются их историческая изменчивость и культурная релятивность.

Моральная и религиозная жизнь в гораздо большей степени основываются на чувствах, чем правоотношения. Возможна ли полная аналогия между защитой прав и защитой чувств индивида от их попираания другими людьми? Права имеют интерсубъективную природу, они конституируются в форме взаимопризнания и ограничивают

друг друга. Идея соотносительности чувств одного человека с противоположными чувствами других людей, их взаимного ограничения и зависимости друг от друга не является юридически проработанной. Поэтому подмена в практике применения закона защиты нарушенных прав защитой задетых религиозных и моральных чувств, не знающих пределов своей правомерности, ведет к размыванию светских основ общественной свободы. Решающим должен быть характер оскорбления чувств и убеждений. Если религиозные взгляды и убеждения дискриминируются запретом на их исповедание по причине их несовпадения с официальной государственной идеологией, то правовая толерантность требует их защиты, но только при условии их социальной приемлемости и безопасности. От оскорбления такими гонениями на религию и церковь, которые последовали после октябрьской революции 1917 г., религиозные чувства следует защищать. Но если чью-то религиозность оскорбляет тот факт, что кто-то верит, думает, чувствует и ведет себя как-то иначе, чем сами верующие, то такое «оскорбление» есть проявление нетерпимости и в поддержке законом не нуждается. Важно различать эти два вида дискриминации: оскорбление чувств и убеждений в силу того, что их не дают придерживаться и исповедовать самим носителям этих верований, и оскорбленность самим фактом наличия иных идей и практик поведения, неуниверсальностью и необязательностью религиозных чувств и культовых обрядов.

Таким образом, единство моральных норм и законодательных инициатив можно мыслить лишь при условии редукции морали к неотрефлексированной традиционной нравственности обычая, а закона к властному административному вмешательству в сферу личной независимости индивида. Синкретизм норм морали, религии и закона характеризует общество традиционное, а на принципиальном разъятии закона и морали основана правовая и гражданская культура эпохи модерна. Попытки сведения правотворчества к кодификации нравственных требований провоцируются определенным ростом влияния в современном российском обществе религиозных представлений о жизни. Морализация закона оказывается при этом не декларируемым средством усиления духовной составляющей культуры, а формой гнета и реставрации патриархального общественного уклада.

ГЛАВА 13

ОТ ФИЛОСОФИИ К МАТЕМАТИКЕ И ОБРАТНО

Философия и математика неразрывно связаны между собой с момента их возникновения.

Родоначальник западной философии, Фалес Милетский, прозорливо полагавший началом сущего воду, одновременно является родоначальником западной математики и известен как автор трех математических теорем, изучаемых и поныне в школе. Его ученик Пифагор, основатель философского пифагорейского учения, подразумевающего, в частности, переселение душ, также автор знаменитых математических теорем. Кроме того, он построил музыкальную гамму. Считают его и автором теории права: Зороастр дал законы персам, Солон — афинянам, Нума Помпилий — римлянам, но Пифагор — всему человечеству (имеются в виду Сто золотых правил). Можно также добавить здесь Конфуция, давшего законы китайцам, и Сиддхарта Гаутаму Шакьямуни, давшего нормы поведения соотечественникам и последователям, а также Ярослава Мудрого с его Домостроем.

Переходя от древних к Новому времени, в первую очередь упомянем Лейбница (онемеченная форма славянской фамилии его предков Лубенец), известного большинству в качестве универсального философа, заложившего в магистерской диссертации основы комбинаторики и теории определителей, которая представляет значительную часть аппаратной базы линейного анализа (о чем известно совсем немногим), и создавшего основы Анализа (нелинейного по своей сути) в его формализованном виде, известном в наше время. Его монады, которые различны, просты и неделимы и которых бесчисленное множество, будучи самосознающими себя, а также самоцелеполагающими и саморазвивающимися во времени, являются движущими силами материального мира, диалектическими по причине своего единства (тождества) и вышеупомянутого различия.

Математический формализм многостороннего (иначе, много-агентного) как конкурентного, так и кооперативного взаимодействия (в частности, динамического) между ними интенсивно и экстенсивно развивается в настоящее время в рамках математической теории игр, о чем Лейбниц в его Теодицее говорил следующее: нигде человеческий ум не проявляет себя столь изощренно, как в различного рода играх, математическую теорию которых было бы весьма желательно построить. Отметим, что ростки такой теории к тому времени уже появились в работах Кардано, Ферма, Паскаля, Галилея, Гюйгенса. Из работ этих и других авторов позже выросла теория вероятности. Но первый кирпич в фундамент теории игр был положен в 1838 г. в работе «Исследование математических принципов теории богатства» основателем математической экономики А. О. Курно.

Он ввел и изучил центральное понятие теории игр — равновесие в рамках его модели дуополии и олигополии. Аналоги этой модели, в различных предметных областях, осваиваются в вышедших к данному моменту за сравнительно небольшой период во многих тысячах книг и статей. Его закон о необходимости достаточного обоснования вводит причинность в явления материального мира. Вероятно, по некоторым, будем считать, объективным причинам, Лейбниц не выделял свойств нелинейности у причинности и движущих сил.

Но именно это качество введено и многосторонне исследуется в работах В. Г. Марахова. Он полагает, что в основе формирования раздела нелинейных дифференциальных уравнений лежит идея из области философской теории монадологии Лейбница. Философский образ взаимодействия монад, по мнению В. Г. Марахова, привнес в математику «буйство диалектики», которое, далее, обеспечили в истории науки (математики) Лейбниц и Ньютон. Но можно сказать, что В. Г. Марахов пошел дальше, объяснив основания возникновения самой нелинейности причинных отношений, разработав вопрос о разнофункциональной расчлененности двух групп причинности, образующих систему таковых. В этой системе неизбежно возникают отличающиеся друг от друга по своим функциям «источники» и «движущие силы», взаимодействие между которыми и образует нелинейные причинные отношения в силу их неравенства. Вспомним формулу Ленина о том, что «раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики», как станет

понятно, что диалектика, в свою очередь, ведет к глубокому пониманию природы математики, не прибегая к идее трансцендентности и освящая ее материалистическим видением.¹

Следует отметить, что и здесь математика, как язык науки, приходит на помощь философии и может оказать ей в открытии новых фактов и закономерностей существенное содействие. Так, например, сравнительно недавно возникшие и активно развивающиеся методы и аппарат идемпотентной математики позволили редуцировать принципиально нелинейные динамические задачи многоагентного взаимодействия конкурентного и кооперативного типа к линейным задачам, а также позволили установить, на первый взгляд парадоксальную, тесную связь между NM-решением — одним из центральных понятий теории кооперативных взаимодействий и значением строго антагонистической, специальным образом построенной по параметрам этого решения игры.

Из более близких по времени авторов, в творчестве которых тесно и успешно переплетались математика и философия, можно отметить Пуанкаре и Рассела.

Широкий круг социально-экономических и иных процессов может быть задан дифференциальным уравнением вида:

$$dx/df = f(x, t, u_1, \dots, u_n) \quad (1)$$

с параметрами, которые находятся в распоряжении активно действующих агентов. Предполагается, что их интересы описываются функционалами H_i , определенными на траекториях процесса, которые они стремятся максимизировать посредством выбора управляющих параметров. В рамках теории таких процессов может быть промоделирован и объяснен широкий круг явлений. Приведем ряд иллюстрирующих это положение примеров. Начиная с древнейших времен многими авторами отмечалась периодичность, циклический характер процессов, происходящих в указанных выше областях знаний, — разнообразные экономические циклы, периодические изменения численности популяций животных, растений, периодичность типов политических систем в государствах и т. д. Для каждого явления такой цикличности предлагались различного рода объяснения, увязывающие их, например, с периодичностью солнечных пятен, с эффектом запаздывания и т. д. Оказывается, что если посмотреть

¹ Марахов В. Г. Философия. СПб., 2014. С. 158.

на эти явления с более общей точки зрения, то цикличность таких процессов становится интуитивно более понятной и приемлемой независимо от конкретного механизма, их вызывающего. Можно показать, что для всякого управляемого процесса, описанного типа (их называют конфликтно управляемыми процессами), в конечно-мерном Евклидовом пространстве векторов X существует в определенном смысле эквивалентный ему, сохраняющий все существенные черты исходный процесс. Но он протекает в компактном подмножестве Евклидова пространства — проективном пространстве (или в более просто устроенном множестве — сфере). Интуитивно понятно, и это можно формально показать, что траектория процесса в таком пространстве обязательно будет иметь в моменты, достаточно далеко отстоящие друг от друга, точки, близкие в смысле функции расстояния данного Евклидова пространства. А это и означает цикличность процесса. Таким образом, цикличность рассматриваемых процессов в значительной мере обусловлена их внутренними свойствами. Основное из таких свойств заключается в следующем. Вышеуказанное проективное пространство (или сфера) разбивается, как можно показать, регулярным образом на конечное число связанных областей, в каждой из которых управляемый процесс протекает по равновесной траектории (т. е. такой траектории, от которой ни одному участнику процесса невыгодно отклоняться). Однако необходимым образом при пересечении границы области происходит перестройка системы, скачок, с одной равновесной траектории на другую (или, как говорят, имеет место бифуркация, иначе — раздвоение). После этого система снова развивается равновесным образом до следующей бифуркации и т. д. При регистрации числовых параметров, описывающих такую систему, наблюдается цикличность их изменений. Проиллюстрируем выше изложенный вопрос о цикличности более подробно примером из экономики, рассмотрев один из возможных механизмов функционирования циклического процесса (аналогичным образом можно было бы рассмотреть и процессы из экологии или биологии). Пусть имеется замкнутая развивающаяся экономика, динамика которой определяется системой дифференциальных уравнений (1). Здесь компоненты вектора X интерпретируются как концентрации фондов типа i наряду с другими показателями, например с концентрациями выпускаемых продуктов. Стационарные точки (точки покоя) системы (1) определяются из системы

уравнений $f(x, u) = 0$ (2). Для простоты допустим, что состояние экономики определяется одним числовым параметром, например, объемом выпуска продукта, или объемом фондов, а u — также числовой параметр — результат воздействия всей совокупности управляющих параметров. Так как уравнение (2) может иметь несколько корней при одном u , то стационарных точек может быть несколько. Пусть тогда $x_0(u) = x_0$ — уравнение зависимости стационарной точки x_0 от параметра u . Понятно, что эта функция многозначная. Положим для определенности, что при $u = u_0$ в случае общего положения имеются три стационарных состояния: x_0 ; $k = 1, 2, 3$. Пусть также для определенности в первых двух точках производные по x функции f отрицательны, а в третьей точке производная положительна. Тогда первые две точки суть устойчивые стационарные, а третья — неустойчивая. Имеются два бифуркационных значения параметра u , при которых изменяется и число стационарных состояний, и тип устойчивости. Обозначим их u_1, u_2 . Если u меняется между u_1 и u_2 , то насчитывается три стационарных состояния, т. е. кривая $x_0(u)$ имеет вид буквы. Обозначим эту кривую справа налево и вниз через «АВСД», где «В» и «С» суть точки поворота, «Д» и «В» — суть значения $x_0(u_1)$. «А» и «С» суть значения $x_0(u_2)$, «А» и «ДС» суть устойчивые ветви, а «ВС» — неустойчивая ветвь стационарных состояний. Допустим, что в результате действия некоторых причин, факторов, влияющих на экономику (это могут быть причины социального характера или изменения в природных условиях и т. д.), происходит уменьшение параметра u от u_2 к u_1 и экономика переходит из стационарного состояния «А» к состоянию «В». В точке «В» происходит переход скачком на нижнюю, устойчивую ветвь «ДС». Если теперь увеличивать параметр u от u_1 к u_2 вдоль устойчивой ветви «ДС», то получается замкнутый цикл «АВДСА». Изменения параметра u такого типа проявляются в экономике в виде периодических, колебательных процессов (типа движения по спирали или «волн», колебаний различных экономических показателей). Чтобы описать конкретную картину изменения экономики вдоль кривой «АВДСА», следует построить дифференциальное уравнение, описывающее скорость изменения параметра u в зависимости от воздействий u_1, u_2, \dots, u_n . Данный способ моделирования экономической динамики может позволить описывать явления типа конъюнктурного цикла, «длинных волн» в экономике, изменений за счет смены

способа управления и т. д. Опишем теперь модель управляемого технического прогресса, сходную с моделями описанного выше типа, скажем, модель технического прогресса, основанного на инновациях, связанных с изменением плотностей капитала и труда (рабочей силы). Предполагается, что они соединены между собой в оптимальных пропорциях, так что далее будем говорить лишь о капитале (оснащенном рабочей силой или наоборот). Для простоты изложения процесс рассматривается на прямой R . Задана начальная плотность капитала f_1 в R . Это есть плотность капитала в первом цикле развития экономики, получаемая за счет внедрения инновации первого цикла. Механизм перехода ко второму циклу развития может быть описан двояким образом. Первое описание является более простым. Смены технологий (инновация) связаны со взаимным влиянием размещенных на прямой R капиталов, которое описывается коэффициентами $k(x, e)$ и их величиной (плотностью) $f_1(x)$. Отсюда выводится, что плотность капитала второго цикла есть $f_2(x) = f_0 k(x, y) f_1(y) dy$ (3). Вторая интерпретация носит вероятностный характер и заключается в следующем. В течение каждого цикла происходит рост капитала в каждой точке. При этом этот процесс сопровождается ростом научного потенциала, вызывающего появление новой технологии. Можно считать, что инновация появляется либо без задержки, либо с задержкой периода T . Вероятность ее появления в период $[t, t + T]$ есть $(c) t$, где c величина капитала в момент t , (c) — функция, удовлетворяющая дифференциальному уравнению: $dc/dt = q(c, u_1, \dots, u_n)$. Указываются условия на вид уравнения, при которых мы приходим к уравнению (3). Период T истолковывается как время развития инновации. Вид ядра K зависит от скорости роста капитала и вероятности появления инновации. Естественным образом вводится оператор P , действующий на плотности по правилу:

$$Pf(x) = R(x, y) f(y) dy.$$

Существуют простые условия, при которых получаемая повторением действия этого оператора последовательность плотностей капитала асимптотически устойчива, и существует стационарная плотность, являющаяся неподвижной точкой этого оператора. На основе данного подхода можно исследовать различные задачи, связанные с моделированием управляемого технического прогресса. Специальный вопрос, возникающий при рассмотрении роли математики в процессе развития науки и техники, — это возможности

математического моделирования научно-технического прогресса. В этой области ведутся ныне активные исследования, строятся и апробируются разнообразные математические модели НТП. Имеются теоретико-вероятностные модели появления научно-технических инноваций, общая теория эволюции технологий, имеющая параллели с биологическими теориями развития, теории возникновения и диффузии технологических изобретений. Математическая формализация научно-технического прогресса связана с понятием производственных функций, описывающих изменение выпуска продуктов при изменении количества ресурсов. Еще Шумпетер заметил, что изменение самой производственной функции и описывает собой научно-технический прогресс. Это изменение связано с замещением одной технологии другой. Здесь имеются две основные модели — временная и пространственная. Эти модели используют стандартный математический аппарат теории дифференциальных уравнений. Далее будут предложены 2 типа моделей — феноменологическая и нелинейная в рамках теории конфликтно управляемых многокритериальных процессов. Вначале мы рассмотрим следующую математическую модель. Имеется векторное пространство R состояний социально-экономической системы S . Точка x этого пространства содержит описание системы. Динамика системы S определяется посредством управляемой динамической системы F в пространстве R , определяемой уравнением $X=F(x, u)$. Здесь u является вектором из некоторого множества U . Выбор вектора u наряду с видом отображения F определяет характер движущих сил системы. Анализ и прогноз развития конкретной социально-экономической системы S можно провести, установив точный вид множеств R , U и аналитической зависимости F . При феноменологическом подходе с экономическим акцентом естественным представляется положить в основу модели фонды. Причем для простоты изложения можно считать, что рабочая сила соединена с фондами в оптимальном соотношении, и далее ее специально не выделять. Фонды имеют неоднородный характер, поэтому можно выделить следующие их типы. Функционирующие фонды (фонды, вкладываемые в производственную и непроизводственную сферу предпринимателем, — доход, получаемый при этом, называется предпринимательским), ссудные фонды, ссужаемые их собственником предпринимателям; доход, получаемый при этом, называется ссудным процентом.

Функционирующие фонды делятся в зависимости от того, куда они вкладываются, на земельные, торговые, обслуживающие фонды в сфере науки, образования, здравоохранения, управления и т. д.

Ссудные фонды подразделяются аналогичным образом. Дальнейшие рассмотрения можно вести либо в дискретном, либо в непрерывном варианте. Мы выберем последний. Фиксируем область A двумерного пространства, которую будем называть социально-технологической, и для каждого типа K фондов распределение их в области A в момент времени t обозначим через $m_k(x, t)$. Состояние и динамика социально-экономической системы описывается функциями $m_k(x, t)$ концентрации фондов типа K , где K меняется от 1 до K (m_0, \dots, m_k) = m . Изменение концентрации фондов $m_k(x, t)$ во времени, обусловленное внутренними факторами в точке X области A , описывается системой дифференциальных уравнений $dm_k/dt = f_k(t, x, m)$. Если же учитывать динамику изменения фондов в пространстве, то, принимая для простоты A одномерной, изменение концентрации фондов можно описать уравнением в частных производных.

Здесь D — коэффициенты диффузии. На границе A необходимо задать условия, описывающие взаимодействие системы с внешней средой. Диффузия фондов m_k происходит за счет разницы в степени их концентрации в разных точках и в скорости ее изменения, что обусловлено различным влиянием НТП на различные звенья системы, а также рядом других причин. Можно считать, в первом приближении, что величина потока фондов пропорциональна разности их значений в рассматриваемых точках, т. е. определяется градиентом — вектором, указывающим направление наибольшего возрастания. При этом коэффициент пропорциональности зависит лишь от свойств системы и не зависит от потока.

Полагая, что вся система может быть охарактеризована набором чисел m_k , $K = 1 \dots K_0$, можно показать, что движущие силы определяются величинами $z_k = dm/dm_k$, а потоки — величинами $j_k = m_k$. Тогда рост потенциала системы определяется некоторой конкретно вычислимой величиной.

Еще раз отметим, что данный подход справедлив лишь в первом приближении. Между разнотипными потоками и силами имеются соотношения, в которых коэффициенты не зависят ни от j_k , ни от Z_1 . В силу линейности подхода можно сделать вывод о симметричности матрицы коэффициентов.

Описанный выше феноменологический (с позиции не сущности, а явления) подход можно назвать неравновесным термодинамическим подходом. В химии, термодинамике, биологии он развивался в работах Донде, Онсагера, Гроота, Пригожина и других авторов. В 1937 г. в работе Колмогорова, Петровского, Пискунова было изучено проведение решения нелинейного параболического уравнения, описывающего изменение в ареале распределения генотипа. Эта работа положила начало изучению процессов реакции — диффузии, связанных с изменением концентрации реагентов. Мы используем его для описания процессов развития социально-экономической системы, при котором в каждой точке социально-экономического пространства A происходит рост потенциала системы по логистическому закону. При агрегированных фондах можно в рамках одномерной модели (при одномерном социально-экономическом пространстве) изучать распространение НТП в виде волнообразного процесса. Такая модель описывается параболическим уравнением относительно гладкой функции, удовлетворяющей ряду естественных условий.

Предполагается, что выбрана система единиц, при которой максимальная плотность фондов равна единице; при малых m скорость роста пропорциональна m с коэффициентом пропорциональности >0 , а при увеличении фондов происходит насыщение, и его рост прекращается, происходит стабилизация, вслед за которой должно произойти качественное изменение фондов (источников развития) на основе нового скачка в процессе ускорения НТП, после чего процесс распространения новых типов источников (фондов) будет повторяться с иными параметрами.

Динамику указанного процесса распространения достижений НТП можно описать следующим образом. Пусть в начальный момент времени t_0 при $x < a$ плотность фондов $m=0$, а при $x > b > a$ она максимальна: $m=1$. С течением времени область больших плотностей m распространяется в сторону областей меньших плотностей. Например, при $a=b$ область резких изменений плотности фондов со временем t приближается к некоторой кривой, определяемой конкретным уравнением, в котором присутствует предельная скорость распространения упомянутой кривой.

Далее рассмотрим микромодель, вскрывающую динамику взаимодействия источников и движущих сил НТП. Уравнение развития системы можно представить тогда посредством системы

обыкновенных дифференциальных уравнений, увязывающей скорость развития системы с моментом времени, ее состоянием и выбором управляющего параметра. Характерной особенностью системы является то обстоятельство, что выбор управляющих параметров находится в распоряжении ее различных активных элементов, каждый из которых, преследуя свою цель, может оказывать влияние на развитие системы в целом. Это влияние может для различных элементов — подразделений системы различаться в значительной степени, одним из них можно пренебречь, другим — нельзя.

Будем надеяться, что философские, качественные параметры исследования, предпринятого В. Г. Мараховым в области нелинейности причинных отношений, источников и движущих сил, позволят находить и развить конструктивные и практические формы взаимодействия философии и математики.

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XXI ВЕКА

Аннотация

Глава 1. Философские стратегии и цепные реакции социальных процессов XXI века

В статье анализируется вопрос о стратегии преобразования социальных отношений в рамках понятий справедливости и прогресса в связи с проблемой цепных реакций в социальных процессах. Исследуется вопрос о новой научно-технической революции как основном звене, способном предотвратить в цепной реакции социальных процессов возможность третьей мировой войны и социально-экологических катаклизмов на планете Земля.

Ключевые слова: стратегии преобразований, цепные реакции в социальных процессах, нелинейность причинных отношений, предотвращение третьей мировой войны и социально-экологических процессов.

Глава 2. ЕвразЭС как социокультурное явление

Статья посвящена прояснению социокультурного и социально-исторического статуса Евразийского экономического сообщества. Автор утверждает, что эта геэкономическая структура следует идейным принципам советского проекта и в такой перспективе разворачивает стратегию цивилизационного развития, альтернативную западноевропейской.

Ключевые слова: цивилизационная стратегия, советский проект, евразийство.

Глава 3. Глобальный социальный процесс: динамика, противоречия, кризисы

Идея осмысления стратегий социальных преобразований XXI в. приводит к необходимости сопоставления попыток построения глобального мира в прошлом — в виде колониальных империй и современных тенденций построения полицентричного мира на основе коалиций государств и геодиверсификаций. Анализируются геополитические закономерности, в соответствии с которыми возрождается Русский мир в своих исторических границах и реализуется евразийская идея в качестве основы стратегии социальных преобразований.

Ключевые слова: полицентричный мир, геополитика, евразийская идея, геодиверсификации, глобальный мир, Русский мир.

Глава 4. О прогностической литературе 60-х гг. XX века (К постановке вопроса)

В статье анализируется отечественная и зарубежная прогностическая литература 60-х гг. XX в., тенденции которой наиболее ярко выразились в Программе КПСС 1961 г. Ставится вопрос о причинах, которые помешали реализовать этот проект. Главной из них является переоценка возможностей научно-технического прогресса. Осмыслиется смена социальных установок в литературе после нефтяного кризиса 1973 г. на Западе. Сопоставляется футурологический и либерально-консервативный дискурс применительно к социально-экономическому развитию. Автор приходит к выводу, что необходим баланс между футуристическим порывом, с одной стороны, и рассудочным приспособлением к складывающейся ситуации — с другой.

Ключевые слова: Прогностическая литература, 1960-е гг., нефтяной кризис 1973 г., будущее как ценность, научно-технический прогресс, наука, техника, либеральный консерватизм, софросюне.

Глава 5. Стратегия и детерминизм: соотношение понятий

В статье рассматриваются два понятия: детерминизм и стратегия, которые имеют конструктивное значение для понимания характера современного общества и оптимального видения и управления сложными социальными структурами этого общества, включая разработку планов развития и кооперации в рамках социального пространственно-временного континуума.

Ключевые слова: детерминизм, стратегия.

Глава 6. Модернизация и социальный прогресс

Статья посвящена одной из важнейших проблем — проблеме влияния модернизации на социальный прогресс. В статье рассмотрены и исследованы (в их взаимосвязи и взаимообусловленности) такие явления и категории, как техническая модернизация, социальная модернизация, социальный прогресс. Выявлены их критерии и оценочные характеристики. Логически доказано и научно обосновано, что основным критерием социального прогресса является уровень (степень) социальной справедливости в том или ином обществе (государстве).

Ключевые слова: модернизация, социальный прогресс.

Глава 7. Возрождение промышленности в городах, а не вывод предприятий в зоны

В статье показано, что городская промышленность представляет основу, на которой строится вся городская социальная жизнь, включая фундаментальную и прикладную науку, образование и культуру. Вывод предприятий из городов подрывает эту основу и чреват вырождением городов, превращением их лишь в чрезмерное скопление представителей торговли, включая торговцев, спекулянтов, деформирующих социальную структуру общества. Обосновывается необходимость возрождения современной промышленности в городах.

Ключевые слова: промышленность, превращение.

Глава 8. Гуманистические основания оценки социальных преобразований

Когда реформы носят положительный характер, имеется массовый субъект преобразований и широкая народная поддержка преобразований, народ получает выгоды или преимущества в сравнении с предшествующим своим состоянием, социальные преобразования носят гуманный и гуманистический характер. Там же, где реформы проводят узкие группы в интересах немногочисленных, часто уже привилегированных слоев, преобразования остаются незавершенными, вредными для большинства населения, губительными для общества и самих реформаторов и в конце концов антигуманными и противоречащими общественному развитию.

Ключевые слова: гуманизм, социальные преобразования.

Глава 9. Увеличение свободного времени как критерий развития общественного производства

Рассматривается динамика экономии рабочего времени как субстанции свободного времени применительно к странам — лидерам инновационного развития производства. Раскрывается специфика процесса экономии рабочего времени в России, состоящая в сокращении общих затрат труда в обрабатывающих производствах при увеличении трудовой нагрузки и сокращении свободного времени в расчете на одного работника.

Ключевые слова: свободное время, экономия.

Глава 10. О теории исторического прогресса

Исторический прогресс является сложным противоречивым движением. Чтобы получить представление об этом, надо иметь соответствующий инструмент. Таковым может быть теория прямолинейного исторического прогресса, состоящая из строгой последовательности стадий.

Ключевые слова: исторический прогресс.

Глава 11. Стратегии анализа и синтеза освобождающейся общности

В статье предпринимается исследование проблемы социального протеста в постиндустриальном обществе. Осознавая специфику современности, авторы предлагают теоретическое обоснование и практический разбор стратегий уничтожения (анализ) и формирования (синтез) коллективного субъекта протеста. В связи с последним намечаются социально-философские предпосылки формирования гражданского общества.

Ключевые слова: стратегии, анализ, синтез.

Глава 12. Современные перспективы правопорядка российского гражданского общества в контексте ренессанса религиозного сознания

В статье рассматривается возникшая в современном российском обществе тенденция сведения законодательной деятельности к морализаторству, а юри-

дических норм — к нравственным заповедям. Отсутствие четкой дифференциации морали и закона исследуется как обусловленное влиянием религиозных структур сознания. Главный тезис статьи заключается в том, что права человека не идентичны его добродетелям. Право допускает известную меру эгоизма в человеческой жизни, в то время как мораль связана только с альтруистической установкой. Запретом порока и преступления нельзя сделать человека моральным, ибо мораль — это не воздержание от греха, а прежде всего осуществление положительных ценностей.

Ключевые слова: мораль, закон, право, традиция, рефлексия.

Глава 13. От философии к математике и обратно

В статье прослеживаются некоторые взаимные связи между философией и математикой в процессе их исторического развития, отмечается ряд конкретных результатов из области математического моделирования социально-экономических систем, полученных при непосредственном влиянии философских концепций и идей.

Ключевые слова: философия, математика.

THE PHILOSOPHICAL STRATEGY OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE XXI CENTURY

Summary

Chapter 1. The philosophical strategy and the chain reactions in the social processes of the 21st century

This article deals with the question of the strategy of transforming social relations in the context of justice and progress with connection to the problems of chain reactions in social processes. It researches issues related to new scientific and technological revolutions as a basic element which could prevented the third World War and social-ecological crisis on the planet.

Keywords: strategy of transformation, the chain reactions in social processes, un-linear measures relationship, the new scientific and technological revolution, to be able prevented the third World War and social-ecological crisis.

Chapter 2. The EEC as a sociocultural phenomenon

The article is devoted to clarifying the socio-cultural and socio-historical status of the Eurasian Economic Community. The author argues that this geo-economic structure inherits the ideological principles of the Soviet project and in this perspective deploys an alternative development strategy to the civilization Western Europe.

Keywords: civilization strategy, the Soviet project, Eurasianism.

Chapter 3. Global social process: dynamics, contradictions, crises

Reflection on the strategies of social change in the twenty-first century require matching attempts to build world peace in the past — as colonial empires and modern trends of polycentric world based on coalitions of States and geocivilizations geocivilizations. Examines the geopolitical pattern, which is reborn Russian world in its historical boundaries and is the Eurasian idea as the basis for the strategy of social change.

Keywords: polycentric world, geopolitics, Eurasian idea, geocivilizations, global peace, Russian world.

Chapter 4. On the Prognosticative literature of 1960s (Toward the question)

The article analyzes domestic and foreign prognostic literature of 60-ies of the 20th century, a trend which is most clearly expressed in the program of the CPSU 1961 and the matter of the obstacles to the implementation of this project. Principal of

these is the re-evaluation of scientific and technical progress. We interpret changes in social attitudes in literature after the oil crisis of 1973 in the West. Maps of futures and discourse of liberal conservatism in relation to socio-economic development are included. The author comes to the conclusion that the necessary balance between a futuristic impulse, on the one hand, and rational adaptation to the emerging situation on the other.

Keywords: Prognostic literature, 60-ies, the oil crisis of 1973, future values, scientific-technical progress, science, technology, liberal conservatism, sophrosune.

Chapter 5. Strategy and determinism: the ratio of the concepts

This article examines two concepts: determinism and strategy. These concepts help us to understand the character of our contemporary society and to see the optimal method that can give a possibility to rule in complicated social structure of our society, including plans of elaboration in details and cooperation in the context of a social spatio-temporal continuum.

Keywords: determinism, strategy.

Chapter 6. Modernization and social progress

The article is devoted to one of the most important problems — the impact of modernization on social progress. The article reviews and researches (in their relationships and codependence) such phenomena and category as technical modernization, social modernization and social progress. Their criteria and performance characteristics are identified. It is logically proven and scientifically documented that the basic criterion of social progress is the level (degree of) social justice in a society (the State).

Keywords: modernization, progress.

Chapter 7. The revival of industry in the cities, and not the conclusion of the enterprises in the zone

This article shows that urban industry is a basis on which to build all urban social life, including fundamental and applied science, education and culture. The conclusion of the enterprises of cities undermines this basis and may lead to a degeneration of cities, turning them into a crowd of traders, speculators, social parasites of various kinds. Industry in the cities need to be reborn.

Keywords: industry, transform.

Chapter 8. The Humanistic foundations of assessing social transformations

When reforms are positive, there is a massive subject change and broad popular support for reform, the people receive benefits or advantages in comparison with the preceding his condition, social transformation are of a humane and humanistic nature. Likewise, where reforms affect a narrow group in the interests of the few, often in an already privileged layer, transformations remain unfinished and harmful for most people, resulting in devastating effects on society and reformers, and, in the end, resulting in what is inhuman and contrary to social development.

Keywords: humanistic nature, transformation.

Chapter 9. Increase in free time as a criterion of the development of social production

We consider the economic dynamics of working hours as substances of free time with reference to countries as leaders of innovative development of production. Specifics of the process of economy of working hours in Russia, consisting in reduction of the general expenses of work in processing productions reveal an increase in labor loading and reduction of free time accounted to a single worker.

Keywords: free time, economy.

Chapter 10. On the theory of historical progress

Historic progress is a complicated and contradictory movement. To get an idea of the result we must have the appropriate tool such can the theory of linear historical progress consisting of a strict sequence of stages.

Keywords: historical progress.

Chapter 11. Strategy analysis and synthesis of a liberating community

The article investigates the problem of social protest in postindustrial society. Taking into consideration specific traits of presence, the authors propose a theoretical ground and practical examination of strategies to deconstruct (analyze) and create (synthesize) the collective subject of protest. With the connection to the latter, the socio-philosophical presuppositions to form civil society are outlined.

Keywords: strategy, analysis, synthesis.

Chapter 12. Modern perspectives of the nomocracy of the Russian civil society in the context of the Renaissance of religious consciousness

The article considers the trend which has arisen in modern Russian society to reduce legislative activity to moralizing and legal norms to moral commandments. The lack of a clear differentiation of morality and law is investigated as determined by the influence of the religious structures of consciousness. The main thesis of the article is that human rights are not identical to human virtues. Law admits a measure of egoism in human life, while morality is connected only with the altruistic installation. Prohibition of Vice and crime cannot make people moral, because morality is not abstaining from sin, but, above all, the implementation of positive values.

Keywords: morality, law, right, tradition, reflection.

Chapter 13. From Philosophy to mathematics and by return

There are some mutual relationships between philosophy and mathematics in their historical development. In this article a number of concrete results of mathematical modeling of socio-economic systems, produced by the direct influence of philosophical concepts and ideas.

Keywords: philosophy, mathematics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Марахов Владимир Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии СПбГУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный профессор СПбГУ.

E-mail: m_vladgrig@mail.ru

Marakhov Vladimir Grigorievich — doctor of philosophical Sciences (Ph. D.), Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history, of the Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University, Honoured Scientist of Russian Federation, Professor with Honours of Saint Petersburg State University.

E-mail: m_vladgrig@mail.ru

Соколов Алексей Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии СПбГУ.

E-mail: docentsokolov@yandex.ru

Sokolov Aleksei Mikhailovich — doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history, Institute of philosophy, Saint Petersburg State University.

E-mail: docentsokolov@yandex.ru

Кефели Игорь Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вице-президент Академии геополитических проблем, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

E-mail: geokefeli@mail.ru

Kefeli Igor Fedorovich — doctor of philosophical Sciences, Professor, honoured worker of higher school of the Russian Federation, head of the Department dealing with global issues and geopolitics of the D. F. Ustinova Baltic State Technical University 'Voenmekh', senior researcher at the St. Petersburg State Polytechnic University, Professor, Department of global processes of Moscow State University Lomonosov, Vice President of the Academy of geopolitical problems, editor-in-Chief 'Of geopolitics and security'.

E-mail: geokefeli@mail.ru

Пигров Константин Семенович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ.

E-mail: kspigrov@yandex.ru

Pigrov Ronstantin Semenovich — doctor of philosophical Sciences (Ph. D.), Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history, of the Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University.

E-mail: kspigrov@yandex.ru

Матковская Галина Валериевна — студентка 5-го курса, кафедра социальной философии и философии истории СПбГУ.

E-mail: mgv-91@mail.ru

Matkovskaya Galina Valerievna — Senior student, Social Philosophy and Philosophy of History Department, St. Petersburg State University.

Волович Василий Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского национального минерально-сырьевого университета «Горный», действительный член Петровской академии наук и искусств.

E-mail: VN__volovich@mail.ru

Volovich Vasiliy Nikolaevich — doctor of economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory of the St. Petersburg University of the Mineral Resources 'Mountain Institute', Member of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts.

E-mail: vn__volovich@mail.ru

Попов Михаил Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ.

E-mail: popovmvdом@mail.ru

Popov Mikhail Vasilievich — doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history of Saint Petersburg State University.

E-mail: popovmvdoin@mail.ru

Казеннов Александр Сергеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций СПбГТЭУ.

E-mail: kazennov.a@yandex.ru

Kazyonnov Aleksandr Sergeevich — doctor of philosophical Sciences, Professor, head of the Department of philosophy and social communication SPbGTEU.

E-mail: kazennov.a@yandex.ru

Золотов Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: zoav6@uic.nnov.ru

Zolotov Alexander Vladimirovich — doctor of Economics, professor, head of the Department of Economic Theory of Nizhny Novgorod State University of N. I. Lobachevsky.

E-mail: zoav6@uic.nnov.ru

Хмылёв Петр Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ.

E-mail: peterkhmylyov@yandex.ru

Khmylev Pyotr Nikolaevich — doctor of philosophical Sciences, Professor in the Department of social philosophy and philosophy of history of Saint Petersburg State University.

E-mail: peterkhmylyov@yandex.ru

Загвоздкин Никита Денисович — студент 4-го курса, кафедра истории философии Института философии СПбГУ.

E-mail: zagvnd@gmail.com

Zagvozdkin Nikita Denisovich — 4th course, Department of the history of philosophy in the Institute of philosophy of the Saint Petersburg State University.

E-mail: zagvnd@gmail.com

Делиева Татьяна Алексеевна — студентка 4-го курса, кафедра онтологии и теории познания Института философии СПбГУ.

E-mail: delievatatyana@gmail.com

Delieva Tatyana Alekseevna — 4 course, Department the ontology and epistemology of the Institute of philosophy of Saint Petersburg State University.

E-mail: delievatatyana@gmail.com

Краснухина Елена Константиновна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ.

E-mail: lenakras@yandex.ru

Krasnukhina Elena Konstantinovna — Ph.D., Philosophy, associate Professor, associate Professor of the Department of social philosophy and philosophy of history of the Saint Petersburg State University.

E-mail: lenakras@yandex.ru

Малафеев Олег Алексеевич — доктор физико-математических наук, профессор факультета ПМ-ПУ СПбГУ, зав. кафедрой моделирования социально-экономических систем.

E-mail: malafeeova: @mail.ru

Malafeev Oleg Alekseevich — Ph.D. Physical Mathematics, Professor at the Faculty of St. Petersburg State University, head of the Department of modelling socio-economic systems.

E-mail: malafeeova: @mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Философские стратегии и цепные реакции социальных процессов XXI века	7
Глава 2. ЕврАзЭС как социокультурное явление	17
Глава 3. Глобальный социальный процесс: динамика, противоречия, кризисы	27
Глава 4. О прогностической литературе 60-х гг. XX века (К постановке вопроса)	43
Глава 5. Стратегия и детерминизм: соотношение понятий	54
Глава 6. Модернизация и социальный прогресс	57
Глава 7. Возрождение промышленности в городах, а не вывод предприятий в зоны	71
Глава 8. Гуманистические основания оценки социальных преобразований	77
Глава 9. Увеличение свободного времени как критерий развития общественного производства	83
Глава 10. О теории исторического прогресса	95
Глава 11. Стратегии анализа и синтеза освобождающейся общности	100
Глава 12. Современные перспективы правопорядка российского гражданского общества в контексте ренессанса религиозного сознания ..	110
Глава 13. От философии к математике и обратно	122
Аннотация	132
Summary	136
Сведения об авторах	139

Научное издание

**Философские стратегии
социальных преобразований XXI века**

Редактор: *М. А. Логинова*

Корректор: *В. С. Герасименко*

Компьютерная верстка: *О. Г. Невская*

Подписано в печать 17.11.2014. Формат 60 × 84^{1/16}. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ № 177

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел./факс (812)328-44-22. E-mail: info@unipress.ru; www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XXI ВЕКА

„...Монография посвящена малоисследованной, но чрезвычайно актуальной теме — выбору стратегии социальных преобразований в новой исторической ситуации XXI столетия. Авторы не только поставили перед собой задачу уйти от простой созерцательности и исследовать философскую сторону активной преобразующей деятельности общества, но и предложили пути ее реализации, дали варианты принципиального решения этой сложной многоаспектной проблемы.

*Профессор А. И. Стребков,
СПбГУ*

На первой стороне обложки — *Р. Делоне. Радость жизни. 1922.* На четвертой стороне обложки — *Р. Делоне. Радость жизни. 1922. Фрагмент*

„...Настоящая коллективная монография подготовлена по итогам симпозиума «Философские стратегии социальных преобразований XXI века», прошедшего в марте 2014 г. в Институте философии СПбГУ.

Философские стратегии — это область динамичного способа мышления и соответствующих ему предельно общих моделей, направленных на будущее развитие событий и определенных форм социальной общности. Эти стратегии включают в себя решение двух основных задач: поиски так называемых «планов спасения», возникающих под влиянием катастрофических обстоятельств и жизненных опасностей для народа, и открытие оптимальных форм «обычного» социального развития, обретающих динамичную «формулу прогресса» [с.7].